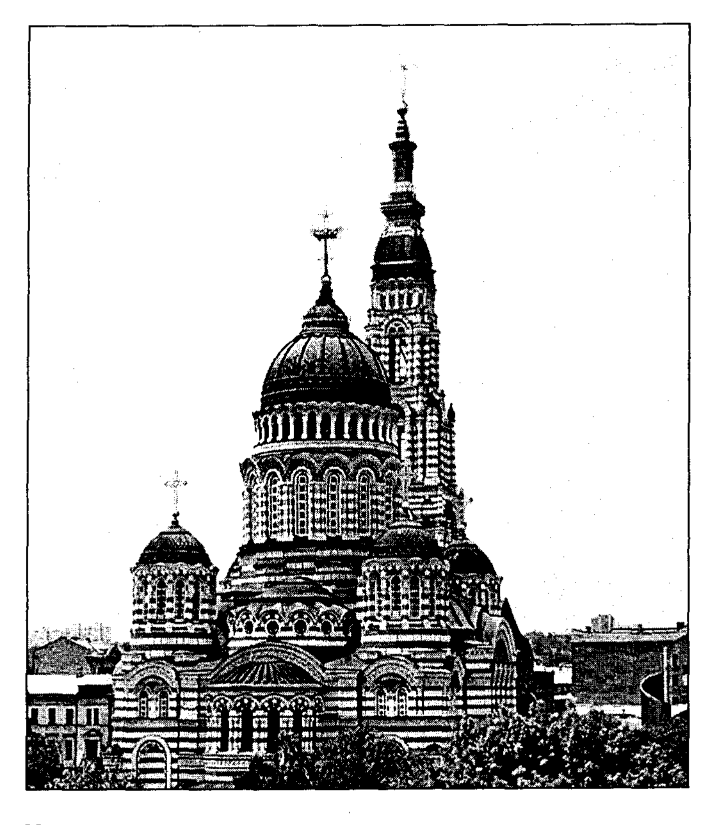
ВИДЕОКАНАЛ «ПЕРВАЯ СТОЛИЦА»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХАРЬКОВ

ВИДЕОКАНАЛ «ПЕРВАЯ СТОЛИЦА»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХАРЬКОВ

Харьков
2006

ББК 84.4 УКР-РОС
Н 45

Книга издана при поддержке
народного депутата Украины
Михаила Добкина

Авторы:
Адам О. Ю., Винтрович А. А., Катрунова Н. В., Кеворкян К. Э., Кофанов В. П., Можейко И. Ю., Нестерук В. К., Оноприенко Т. В., Печенежский А. А., Романюк В. С., Солодовникова Е. В., Шубенко Н. А.

Художник-оформитель
И. Е. Мисропян

На обложке — фотография Николаевской площади (XIX век)

Неизвестный Харьков / Худож.-оформитель И. Мисропян. —
Н 45 Харьков: ОАО «Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе, 2006. — 270 с.

ISBN 966-324-025-3.

Книга состоит из сценариев, в разные годы созданных журналистами видеоканала «Первая столица», и объединенных общей идеей — любовью к истории нашего удивительного и загадочного города.

ББК 84.4 УКР-РОС

ISBN 966-324-025-3

Я коренной харьковчанин. Я люблю этот удивительный город, переживаю за его судьбу. К сожалению, многие годы наш Харьков подвергался систематическому унижению, многие талантливые люди вынуждены были покинуть его, так и не найдя применения своим талантам.

Именно против государственной политики подавления регионов, против систематического лишения права крупных центров Украины на творческую инициативу выступает наша Партия Регионов, которую я имею честь представлять.

Я верю в светлое будущее Харькова и убежден, что порукой тому является его великое прошлое и интересное настоящее. И еще одним кирпичиком в фундамент нашей духовности станет интереснейшая книга «Неизвестный Харьков».

Народный депутат Украины *Михаил Добкин*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

Город, в котором мы живем, вроде бы уже хорошо знаком горожанам. Каждый день мы ходим по этим улицам, многое знаем по рассказам наших родных и близких, а уникальная история Харькова является темой множества научных статей и телевизионных программ, в том числе и нашего видеоканала «Первая Столица». Однако, еще многое остается неизвестным. Прикоснитесь к загадке и испытайте радость первооткрывателя, открыв книгу «Неизвестный Харьков», ведь удивляться никогда не поздно.

Руководитель видеоканала
«Первая Столица»
Депутат Харьковского городского Совета
К. КЕВОРКЯН

Инна Можейко

СКОЛЬКО ЛЕТ ТЕБЕ, ХАРЬКОВ?

Сколько лет Харькову? После широкомасштабных празднеств прошлого года любой ребенок ответит: «Конечно, 350!» Однако есть и другое мнение.

Есть все основания полагать, что Харькову как минимум 1000 лет — считает историк и археолог Александр Дьяченко. Специалист по средневековой истории и археологии восточных славян, Александр Дьяченко 12 лет назад нашел данные о первых и единственных на сегодняшний день раскопках в центре Харькова, обнаруживших существование на Университетской горке древнерусского города. Эти раскопки были проведены в 1928—1929 годах харьковским археологом А.С. Федоровским, и данные о них считались утраченными. Сопоставление результатов находок Федоровского и сообщений средневековых арабских географов привело к неожиданным выводам.

Александр Григорьевич, почему о находках Федоровского, сделанных в 1928 - 1929 годах, никто ничего не знал до последнего времени?

А. Г. Дьяченко:

Дело в том, что научный архив Федоровского хранится сейчас в Киеве, в институте археологии Украины. Но в этом архиве нет никаких материалов, касающихся его работ на территории исторического центра Харькова. У этих работ какая-то несчастливая судьба. Я одну из своих первых публикаций на эту тему назвал «Забытое городище», потому что каким-то непонятным образом центр Харькова с его изумительным памятником науки — древнерусским городищем — выпал из поля зрения науки. Как такое могло произойти? Федоровский обычно публиковал результаты своих охранных, разведывательных работ в различных печатных изданиях. Я пересмотрел все издания, в которых публиковались результаты работ Федоровского, и ни в одном из них нет публикаций, касающихся его работ 1928 года в историческом центре Харькова. Я думаю, что Федоровский сдал результаты своих работ в исторический музей, директором которого он был (а это был тогда столичный музей), но они были депаспортизированы во время Вели-

ой Отечественной войны. Скорее всего, эти материалы сейчас там ранятся, но выделить их чрезвычайно сложно. Важно другое — что лександр Сергеевич Федоровский успел дать оперативную информацию в харьковские газеты и она не пропала, только натолкнулись мы на нее случайно и со значительным опозданием — буквально 12 лет назад. Я тогда занимался темой происхождения средневековых городов украино-российского порубежья. Я обнаружил, что просмотрено уже все и осталась только периодическая пресса за 20-е годы. Я начал просматривать газеты и натолкнулся на эти статьи и сразу понял, что Федоровский оставил нам замечательную находку.

Какова судьба этого памятника — древнерусского городища?

А. Г. Дьяченко:

На месте древнерусского городища была в середине XVII века построена Харьковская крепость. Судя по тому, как обычно строились средневековые крепости, никто не стремился уничтожать древние укрепления. Наоборот, специалисты Разрядного приказа всячески стремились удешевить строительство и рекомендовали строителям включать древние оборонительные сооружения в новую оборонительную линию. Харьковское городище было довольно большим, крупным, поэтому, скорее всего эти укрепления были использованы. Во всяком случае, Дмитрий Иванович Багалей в своей книге «История города Харькова за 250 лет его существования» пишет, что чугуевский воевода Григорий Спешнев обмерил старое харьковское городище, и протяженность его укреплений составила 530 саженей — это примерно 1 километр 200 метров. Нужно сказать, что термин «городище» применяли обычно для места с остатками древних укреплений. Кстати, на старых планах Харькова XVIII века еще можно прочесть смутно вырисовывающийся абрис этих укреплений. Уничтожено городище было в XIX и особенно в XX веке, когда рельеф наиболее сильно изменился в результате массовой застройки Университетской горки.

К какому времени относится существование этого древнерусского города?

А. Г. Дьяченко:

Как правило, все древнерусские города нашего региона, служившие пограничными крепостями, погибли в результате монголо-татарского нашествия. Те из них, которые исследованы археологами (Донец, Крапивное, Змеево Городище) свидетельствуют о том, что они были основаны на месте еще более древних — роменских поселений, датирующихся VIII—X веками нашей эры. Скорее всего, так было и с Харь-

ковским городищем. Однако на сегодняшний день смело можно утверждать, что как минимум в XII веке нашей эры Харьков уже существовал.

Но ведь название этого города неизвестно? Ведь в древнерусских летописях упоминается только один город нашего региона — город Донец?

А. Г. Дьяченко:

Для большинства древнерусских поселений мы действительно не знаем их самоназвание в древности. В данном случае Харьковская область находится в исключительно благоприятном положении. Мы знаем на сегодняшний день три названия для трех древнерусских памятников. Мы знаем название летописного Донца, мы знаем название Змеева Городища для древнего Змиева и теперь мне удалось установить название для Харькова. История здесь такова.

Существует большая группа источников по истории средневековья, относящаяся к кругу арабо-персидской литературы. Вся эта литература носит по большей части компилятивный характер. Арабы любили писать много, но еще больше любили переписывать. Благодаря этому до нас дошли многие древние источники, которые сами по себе были бы безнадежно утрачены. Эта традиция X века сохранилась по Харьковскому региону в арабской литературе вплоть до XVI века, благодаря тому, что добросовестно копировалось одно сочинение в другом сочинении. Существуют две работы из цикла арабо-персидской литературы, относящиеся к нашему региону. Первый труд датируется XII веком и принадлежит известному персидскому энциклопедисту Наджибу Хамадани. Его книга называется «Диковинки творения». Это своеобразная энциклопедия. И в этой книге упоминаются четыре крупных, безусловно крупных географических пункта, потому что в энциклопедию не могли попасть мелкие объекты — тем более, для столь удаленной территории. При описании страны русов там названы Киев, Чернигов, Сарук и Харка. Эти населенные пункты в нашей исторической науке уже интерпретировались. Для трех из них — Киева, Чернигова и Сарука найдены совпадающие населенные пункты. Сарук интерпретируется почти бесспорно с Новгород-Северским. А вот для Харки не было найдено археологического памятника, точнее, населенного пункта, с которым его можно было бы интерпретировать. Кстати, в XVI веке почти та же информация приводится в труде еще одного арабского компилятора Амина Рази. Его труд называется «Семь климатов», и там мы можем прочесть следующее: «резиденция царя русов называется Кийава. Из числа их знаменитых и известных городов один — Чернигов, а другой — Харка». Чернигов и Киява сами за себя

говорят, а Харка до сегодняшнего дня оставалась без исторического соответствия.

Тогда невольно возникает вопрос: почему Харка попал в арабские источники и не попал в древнерусские летописи, раз он был таким крупным городом?

А. Г. Дьяченко:

В русские летописи попадали обычно не только самые крупные города, а те, которые были ближе к центру. Летописцы, сидящие в столице, мало знали о том, что происходит в пограничных городах. А арабов, напротив, интересовали в первую очередь крупные торговые центры, находящиеся ближе к границе. Харьков находился на территории торгового пути, по которому проходили путешественники, купцы, которые собирали информацию и передавали ее тем, кто этой информацией интересовался. Поэтому узел Северско-Донецких древнерусских городищ и привлекает особое внимание древних авторов.

Вы считаете, что Харка арабских источников и есть тот самый древнерусский город, на месте которого позже возник Харьков. А почему наши историки не пришли к этому выводу раньше? Ведь кажется, что информация просто лежит на поверхности...

А. Г. Дьяченко:

Я могу только предполагать, почему это так. Эти два труда были в поле зрения знаменитого востоковеда Андрея Петровича Ковалевского. Он сопоставил тексты Наджиба Хамадани и Амина Рази с более ранними и самостоятельными, а не компилятивными трудами знаменитого арабского географа Ибн Фадлана, и пришел к выводу, что тексты Наджиба Хамадани и Амина Рази восходят к трудам самого знаменитого арабского географа Ибн Фадлана. Он даже высказал предположение, что, скорее всего, эти тексты заимствованы из сочинения Ибн Фадлана «Рисале», которое датируется 20-ми годами X века нашей эры. Андрей Петрович Ковалевский дает интерпретацию всех населенных пунктов, которые упоминались в этом тексте. Но прямо говорит, что воздерживается от интерпретации Харки.

Почему? Ведь Ковалевский сам — харьковчанин?

А. Г. Дьяченко:

На мой взгляд, потому что Ковалевский просто не знал, что на территории Харькова был древнерусский город. Если бы данные о нем тогда, в конце 20-х — начале 30-х годов, после раскопок А. С. Федо-

ровского, были введены в научный оборот, Харка была бы интерпретирована А. П. Ковалевским как Харьков.

То есть открытие лежало на поверхности — в простом сопоставлении арабских источников и данных раскопок Федоровского... Так сколько же лет Харькову?

А. Г. Дьяченко:

Если не принимать во внимание арабские источники и опираться только на археологические исследования, то можно сопоставить возраст Харьковского городища с хорошо исследованным Донецким и сказать, что как минимум в XII веке здесь существовал древнерусский город, который тогда так и назывался — Харьков, а в арабской, слегка искаженной транскрипции — Харка. А если принять во внимание арабские тексты, то Харьков насчитывает тысячелетнюю историю. Конечно, эти выводы нуждаются в дополнительной проверке и в первую очередь — археологическими методами, потому что древний Харьков, никто кроме Федоровского больше так и не исследовал. Понятно, что это очень сложно и дорого — для того, чтобы в центре Харькова добраться до древнего слоя, нужно выбрать как минимум шесть метров строительного мусора, накопившегося за последние столетия. К тому же там масса подземных коммуникаций. Но, как мне кажется, организация таких исследований может дать нам полную картину того, что такое Харьков на самом деле и чем он был в прошлом.

Древнерусский город Харка был скорее всего разрушен во время монголо-татарского нашествия. Каким образом сохранилось название?

А. Г. Дьяченко:

Я думаю, что народная традиция соединила название города и название реки, на которой он стоял, а позже, когда в середине XVII века здесь вновь закладывался город, он обрел свое былое название.

Татьяна Оноприенко

КНИГА О КОСТЮМЕ

Кому только не посвящали свои сюжеты журналисты видеоканала «Первая Столица». Нашими героями были знаменитые харьковчане и знаменательные даты, исторические события и научные открытия, братья наши меньшие и даже запахи Харькова. И сегодня наш сюжет не менее оригинален, несмотря на то, что речь пойдет о книге. Итак, знакомьтесь. В Харькове в 2004 году в издательстве «Золотые страницы» вышла книга «Костюм в Украине от эпохи Киевской Руси до XXI столетия». Такого подробного исторического исследования развития украинского костюма не издавалось еще ни в Украине ни за рубежом. Целый год потребовался создателям книги — харьковчанкам Надежде Каминской и ее соавтору Светлане Никуленко для обобщения всего материала и рождения уникального издания. Надежда Каминская, объединив две замечательные профессии — журналиста и модельера — уже является автором двух книг по истории мирового костюма. Любопытная деталь. Ее книги были использованы при создании костюмов для популярного сериала «Бедная Настя». Предмет исследования ее третьей книги — украинский костюм. Этот выбор не случаен. Попробуем с помощью книги убедиться в том, что украинский костюм — это не только традиционные шаровары и сорочка, а прежде всего костюм — европейский, безошибочный показатель жизни определенной эпохи и каждого человека (см. рис. 1).

Рис. 1

Итак, эпоха Киевской Руси. Начало IX и конец XII веков. Скажете — время лаптей и длинной конопляной сорочки.

Было и это, но также как и был роскошный княжеско-боярский костюм, который по праву считается шедевром прикладного искусства. Княжеский костюм был византийского типа, унаследовав пристрастие к длиннополой тяжелой одежде из дорогих узорчатых тканей. Он был фанатично закрытым и целомудренным. В отличие от нынешнего стремления к любому обнажению, одежда княгинь скрывала тело от подбородка до пят, не позволяя видеть даже очертания фигуры. Но что приятно объединяет нас — это неподдельный интерес к косметике. Ее толстым слоем княжна оберегала части открытого тела от сглаза, а чуть позже использовала для достижения идеала красоты — румяное лицо, ясные глаза и густые брови (см. рис. 2).

Рис. 2

Но меняются исторические эпохи и мода словно вечный двигатель продолжает движение вперед. В Европе — Возрождение. Ренессанс восхищается красотой человеческого тела. Впервые появляется крой и благодаря этому появляется стройный приталенный силуэт. Мода стала обслуживать упитанных женщин (см. рис. 3).

Весь облик княгини Вишневецкой, известной в Украине как Раиса Могилянка вместе с дорогим костюмом проникнут духом Ренессанса. Костюм же князя Дмитрия Вишневецкого, основателя Запорожской Сечи, воспетого как казак Байда — образец европейского костюма, который можно было увидеть например, в Польше, Литве и даже в Италии (см. рис. 4).

И если бы не казацкая прическа, то можно было бы смело сказать: «Перед нами портрет мужчины». Италия. XVI век. Его еще называют «великий арбитр элегантности» или «век Людовика XIV». А его постоянную спутницу — модой великолепия и великодушия. Эпоха барокко... Новое и незнакомое предложил нам галантный XVIII век (см. рис. 5).

Рис. 3

Екатерина вторая, подарив казацкой верхушке дворянство, заставила их перейти на европейский стиль в одежде. Но непросто оказалось расстаться с привычным. Казацкий полковник Ефим Дараган предпочитал старинную одежду, в то время, как костюм их сына — образец модного тогда в Европе стиля рококо. Хотя это одно время и одна семья. И таких случаев было немало. Например, мать Кирилла Розумовского, приехавшую в старинной одежде к государыне в Петербург, не допустили на ритуал, пока не переодели, сделали ей модную прическу, набелили и нарумянили. Не узнав себя в зеркале, приняла за государыню и упала на колени. Одежда мещан, зажиточных горожан и городских помещиков также равнялась на модный силуэт и форму, заметьте — европейского образца (см. рис. 6, 7).

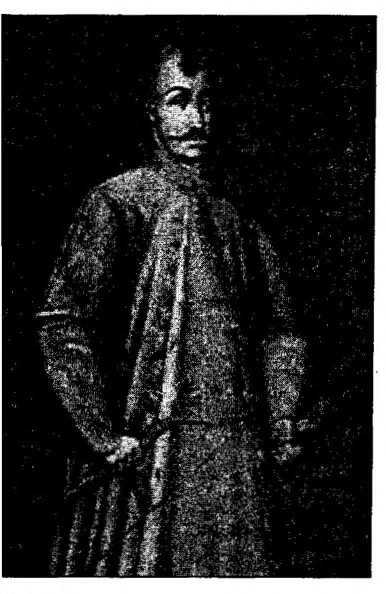

Рис. 4

Да, в XIX веке эта капризная женщина — мода показала всю силу своего непостоянства. Украинские графини — красавицы. Их роскошные платья отражают череду стилей, меняющихся один за другим, практически каждые 10 лет. Ну как тут было

Рис. 5

уследить за модой, не появись в больших городах Украины журналы мод из Франции, Англии и других европейских стран. А во Львове вышел первый журнал мод «Дзеник мод Пэрискиш», где к описанию новинок европейской моды прилагались даже выкройки. Носителями городского костюма были священники, чиновники, служащие, полицейские, мещане. И появившаяся новая социальная прослойка — украинская интеллигенция — одевалась отнюдь не хуже, чем в Европе. В таком костюме наш соотечественник Квитка-Основьяненко прогуливался по улицам родного Харькова. И, наконец, наш стремительный XX век. Мода перестала служить избранным. Она стала

Рис. 6

Рис. 7

удобной, простой и доступной всем. Открытие XX века — мини-юбка, утвердившая настоящий культ длинных ног, а изготовление одежды — это уже огромная индустрия с миллионными оборотами. Однако в истории одежды век не ставит точку. История костюма будет длиться, пока существует род человеческий. И пока существует род человеческий, наряду с детективами Марининой, фантастикой Стругацких и женскими романами Токаревой будут создаваться новые и прекрасные книги по истории костюма.

Ольга Адам

ХАРЬКОВСКИЕ МОШЕННИКИ

Есть люди, знакомством с которыми хочется гордиться. Почти в каждой второй компании обязательно найдется человек с удовольствием повествующий о том, как он гулял по Сумской с Малежиком, сидел в «Булке» с Чижом, пил пиво с Виктором Цоем или жил в одном дворе с Марком Бернесом.

Но бывают знакомства, о которых или совсем не вспоминают, или вспоминают крайне негативно. Сегодня мы решили рассказать вам о людях, весьма выделяющихся в преступном мире. Ведь воры, убийцы и разбойники — всего лишь примитивные преступники.

А вот романтично-артистичные натуры аферистов и мошенников — совсем другое дело. Ведь они вступили на скользкую дорожку не по глупости, спьяну или сдуру, а сознательно, следуя своему криминальному таланту, поэтому каждое дело мошенника почти всегда необычно.

Впрочем, история сберегла для нас несколько любопытных дел, наверное, для того, чтобы мы могли судить об этом сами.

Харьковские извозчики, чтобы увеличить невысокую плату за извоз, прибегали к различным уловкам. Одни крестили своих лошадей и дав им забавные клички — «Муссолини» и «Чемберлен», требовали вдвое большую плату за право прокатиться с помощью тезки знаменитого политика. Другой извозчик приучил своего Савраску, носившего соломенную шляпку, останавливаться у винного магазина и не трогаться с места, пока клиент собственноручно не напоит животное и хозяина парой стаканчиков портвейна.

Были в городе мошенники и среди харьковского начальства.

Один из переулков до сих пор носит название, данное ему в честь городского головы Костюрина. Он настолько удачно превращал в подвале своего дома простое вино в портвейн и херес, лафит и шабли, а простую водку в ром, коньяк и даже английский джин, натуральный, как гласила этикетка, что, понятное дело, он стал богатейшим человеком в городе, занял пост градоначальника и подступиться к нему с обвинениями не могли, а может и не очень-то хотели. Зато им заинтересовался известный драматург Александр Островский, который не раз пользовался гостеприимством винодельца и даже сделал нашего земляка прототипом некоторых персонажей своих пьес.

Другой наш губернатор благородного, княжеского рода Николай олгоруков, отнюдь не обладая даром накопителя, умудрился за время юего правления в Харькове растратить 340 тысяч рублей казенных :нег. Любивший пожить на широкую ногу, шумные празднества и)ильные застолья, он всю жизнь стремился угодить красавице жене. гобы любимая не скучала, балы, фейерверки и маскарады не прекра-ались в губернаторском дворце. Набожная католичка, полька по про-:хождению — супруга, вероятно, души не чаяла в муже. Но когда он ıер, его оказалось не на что похоронить. Тем не менее, в склепе при ıшем кафедральном соборе и сейчас есть надгробная плита, воздвиг-тая над прахом князя-растратчика, на деньги, собранные имениты-ı харьковчанами. А несчастной вдове еще долго пришлось отдавать 0 тысяч растраченных средств.

При жизни ему бы весьма понадобилась помощь адвокатов, но в время честных и порядочных защитников надо было еще поискать. :ло в том, что существовало очень много полуграмотных уличных вокатов-самоучек. Оценивая свои услуги в баснословные суммы, и старались дать клиенту такие рекомендации, чтобы он как можно орее оказался за решеткой.

Весной 1889 года внимание всей России было приковано к нашему роду. В здании губернского окружного суда слушалось дело одного самых удачливых авантюристов века — Василия Звягина, по клич-Червоный Валет. Используя свою неотразимую внешность и уни-льные способности подчинять своему влиянию женщин, этот герой итал, что путь к кошельку дамы лежит через ее сердце. Суть его ıыслов состояла в том, чтобы войти в доверие состоятельной особе, ководящей пансионом или монастырем и учинить, говоря языком иминалистов, заем денег, заведомо не намереваясь возвращать ого-)енную сумму.

Таким образом Звягину удалось это провернуть в харьковском пан-)нате Благородных девиц, поместив в него на обучение девушку, зывавшую Василия своим отцом. Он покорил дамское общество ıикосветскими манерами, модным французским выговором, расска-ıи о скором наследстве и своих имениях. Параллельно ему удалось заимствовать у друзей начальницы, сотрудников госбанка, около ысяч рублей и скрыться.

В Константинополе, в русском консульстве «светский лев» из рькова назвался петербургским ревизором, и облегчил казну мест-го монастыря, опять же, совершенно честным путем, на 7 тысяч ілей, с коими благополучно проследовал в Киев. Столичная насто-льница монастыря наградила красавца очередной «премией» в рублей. Сколько харьковский «Остап Бендер» провернул таких :р, наверное, уже никто никогда не узнает доподлинно. Но рабо-«великий комбинатор» с фантазией, и его гениальный мозг не ıеставал генерировать идеи даже в зале суда.

В день вынесения приговора в помещении было так душно от присутствия любопытной публики, что дамы падали в обморок от духоты. Изумленный вздох толпы раздался в финале речи подсудимого: «Я опасно болен, господа присяжные заседатели, у меня чахотка, и пока рыхлый ком земли не прикроет крышку моего гроба, не пресеките преждевременно век моей жизни своим приговором». Аплодисменты оглушили судей. Звягин был приговорен к четырем годам арестантских рот.

Кстати, еще более мягкий приговор был вынесен мошеннику Моисею Хайту, снабдившему весь Харьков фальшивыми весами и гирями. Поверочной палатки мер и весов у нас тогда еще не было, и предприимчивый пробирер высверливал в гирях и весах полые пространства, заполняя их бумагой. За что и поплатился пятью рублями штрафа и целым месяцем тюрьмы.

Значительно суровее были судьи к финансовым расхитителям народного имущества в советское время. В 1925 году были приговорены к расстрелу все семеро руководителей треста Донуголь за подлоги, растраты и мошенничество. В этом же году, одаренный бухгалтер института марксизма-ленинизма, растратив 5 тысяч 520 рублей, попытался выехать в Сочи, и был застрелен при задержании.

17 июня 1948 года завершился судебный процесс под легендарным названием «Шестеро из Ломбарда». Кладовщики вышеупомянутого заведения запутывали бухучет, делали незаконные перезалоги, активно продавали краденное и заработали себе высшую меру наказания.

История умалчивает, чем закончилось появление первого июля 1988 года в подземном переходе станции метро Спортивная первых наперсточников, производивших незаконные операции с азартными играми, вовлекая доверчивых советских граждан в свои преступные махинации.

А через сто лет вряд ли будет иметь значение сколько у вас было денег, квартир машин или дач, но если вы оставили добрую память в сердцах людей, то они еще долго будут гордиться знакомством с вами.

Владимир Нестерук

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ – РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫДУМКА?

Исторические хроники, архивные документы – принято считать, что там записана истинная правда, как насильно нас заставляют верить маститые ученые. Впрочем, некоторые документы лучше не замечать. Или замечать в одном городе и не называть в другом. Скажем в Москве ученые знают и говорят, что N подонок, и смело сие заявляют, а в Харькове этот N почти местечковый герой. Шаг в сторону от их мнения и почти попытка к бегству. А ведь есть еще традиция устных рассказов, это могут быть анекдоты, были, легенды, сказы. Рассказ в них может быть правдой, может быть выдумкой, может быть смесью первого и второго. Сегодня мы поведаем только некоторые исторические анекдоты. Именно анекдоты, посему прошу не придираться и не искать виновных.

Петр I

В начале XVIII века в Европе гремела Северная война, развязанная царем реформатором Петром I и его царственным оппонентом Карлом XII. В результате Россия потеряла пятую часть населения, сию добрую традицию Петр решил распространить и на другие страны, мотивируя все необходимостью «учебы» и «прорубанием окна в Европу».

Воевать так воевать и вот в кровавом вихре закружило Россию, Швецию, Данию, Речь Посполитую, Саксонию и естественно Украину.

После поражения русских войск под Нарвой основной театр военных действий переместился в Белоруссию и наши края. Поход Карла XII, переход на его сторону гетмана Мазепы и запорожских каза-

ков, уничтожение города Батурина, Полтавская битва, все это довольно известно. Меньше известно — первой целью шведского короля был Харьков, и у нас частенько останавливался царь Петр.

В один из дней перед Полтавской битвой, находясь в Харькове, царь собрался посетить молебен в Покровском соборе. Времени было много, и одетый в мундир драгунского полковника Петр заглянул в шинок. Его глазам предстала компания казаков во главе с детиной по прозвищу Оглобля. Казаков царь недолюбливал, причем всяких, но вот выпить любил. Разгорелся спор, кто кого перепьет. Неизвестно, сколько литров водки выпили спорщики, но в первый и последний раз Петр был побежден. Казак же был награжден за сей «подвиг» пятью червонцами. Лично меня успокаивает только одно: «хлебное вино», как тогда называли водку, было по крепости около двадцати градусов.

Самое забавное произошло потом, выпивший царь перепутал церкви и попал на молебен не в Покровский собор, а в Николаевский храм. Впрочем, последствий сия история не имела, вот только отношение венценосных особ к Харькову стало теплее, и с чего бы это?

Легенда вторая относится к временам гражданской войны. Осенью 1918 года в Германии произошла революция, и немецкие части, оккупировавшие Украину, спешно покидают ее просторы. Вывод немцев сразу же сказался и на политической ситуации. Против гетмана Скоропадского и его Украинской державы, против порядка и стабильности выступил дружный фронт: Центральная Рада, большевики и махновцы. Рада подняла восстание и захватила Киев, чтобы вскорости, как бы это помягче, про....гулять страну и сдать город большевикам, ставшим единственными выразителями народных чаяний.

Но это было чуть позже, в начале возникла полная неразбериха и зачастую безвластие.

Осенью 1918 года Харьков был покинут немцами. Ждали Красную Армию, но случилось нежданное. С севера по улице Сумской ворвался неведомый отряд в пятьсот сабель, под черным знаменем с надписью «Свобода или смерть». Анархисты — подумали харьковчане, а ... вот и нет, матерно ответили ворвавшиеся. И действительно Харьков оккупировал отряд левого эсера Юрия Саблина, состоявший из представителей партии социалистов-революционеров и большевиков, хотя попадались и действительно анархисты.

Саблин был личностью прелюбопытнейшей: бывший мало кому известный писатель, футурист, приятель Маяковского и Хлебникова, фигура от и до знакомая московской богеме, но еще неизвестная харьковчанам.

Последующее впечатлило жителей города, не знавших подобного ни до, ни после.

Прежде всего, митинги, нет, это было привычно, как и легкие грабежи, к которым приучил еще красный отряд Сиверса изгнанный местными большевиками.

Поразил Юрий жителей речами, которые были красивы и поэтичны — в них бродили по улицам Харькова раскрепощенные обнаженные женщины, понятное дело — после свершившейся мировой революции, всю работу выполняли проклятые буржуи, а на деревьях росли заморские сладкие шишки по названию ананас. Потом был зачитан приказ где: а) запрещался церковный брак; б) вводилось обобществление женщин; в) для чего-то, вопреки логике вводился брак гражданский.

После чего Саблин призвал бойцов не предаваться блуду. И тут же устроил «свадьбы» своих бойцов с местными красотками, выстроив всех в ряд и устроив церемонию «гражданского брака», усиливая впечатление стрельбой в воздух из маузера. Спустя пять дней под плач «жен» отряд исчез в неизвестном направлении, чтобы никогда не возвращаться. Саблину предстояла необычная судьба — «должность» одного из героев Гражданской войны, награждение орденами и командование дивизией, служба в НКВД и дружба с известным «боевиком» и разведчиком этой же спецслужбы Блюмкиным, таинственные экспедиции и борьба с загадочным нацистским институтом «Аненербе», и наконец расстрел. Но это уже совсем другая история.

Инна Можейко

В ОГНЕ НЕПОКОЛЕБИМЫЕ КАПНИСТЫ

Где-то далеко в Средиземном море затерян маленький островок Занте. На нем до сих пор сохранились остатки средневекового замка, принадлежавшего когда-то греческой семье Капниссос. Эта семья была известна своими воинами — борцами против турецкого гнета. В 1702 году дож венецианской республики, под знаменами которого сражался Стомателло Капниссос, даровал ему графский титул, передаваемый по наследству, и герб с фамильным девизом, гласившим: «В огне непоколебимый».

Казалось бы: какое отношение эта давняя история может иметь к Харькову? На первый взгляд — никакого. Но это только на первый взгляд. Дом по улице Чернышевской, 26, сто лет назад харьковчане называли не иначе, как «дом Капнистов», а в Харькове и по сей день живут потомки тех самых графов Капниссос с острова Занте. Живут, руководствуясь фамильным девизом. Но — обо всем по порядку.

В 1710 году Петр I вел войну с турками. Под его знаменами с отрядом добровольцев сражался Петр Капниссос. После поражения на реке Прут он остался в России. Поселились вместе с сыном Василием в Изюме. После смерти отца мальчика на воспитание взяла семья украинского казака Павлюка. Мальчик тоже стал военным, служил сотником Слободского полка, позже — полковником Миргородского полка и бригадиром, а фамилию свою писал «Капнист». В 1737 году принимал участие в боях при осаде Очакова. Командуя всего лишь 7 тысячами казаков, он успешно сражался с 40-тысячным турецким войском, не давая ему возможность окружить русскую армию, осаждающую Очаков. За воинскую доблесть императрица Елизавета Петровна пожаловала ему имение Обуховку на Полтавщине, ставшее родовым гнездом Капнистов. Именно там в 1728 году родился младший сын, тоже Василий, известный поэт и драматург, прославивший имя

ıстов на ниве искусств. Это ему принадлежит знаменитая «Ода ǀство» — протест против закрепощения украинских крестьян и ия «Ябеда», запрещенная к постановке из-за своей сатирической вленности. Цитаты из его стихов и комедий стали крылатыми и ıьны по сей день: «Бесчестие в чести, из моды вышел стыд», , тут нет большой науки, Бери, что только можно взять. На что вешены нам руки, Как не на то, чтоб брать?». Обуховку Василий ьевич превратил в настоящий культурный центр: у него гостили ǀрода и Щепкин, Котляревский и Державин, а сыну своего сосе-ʼоля-Яновского Николаю он дал настоящую путевку в литера-ю жизнь. О своем обиталище он писал: «Приютный дом мой ǀломой По мне — ни низок, ни высок; Для дружбы есть в нем ‹, А к двери, знатным незнакомой, Забыла лень прибить замок». ǀепкая дружба связывала Капнистов и с декабристами. Братья ıьевы-Апостолы были близкими соседями и часто навещали Обу-сюда же приезжали М. Бестужев-Рюмин, П. Пестель, С. Волкон-Сыновья Василия Васильевича — Семен и Алексей — были де-стами, членами тайного общества «Союз благоденствия». Есть ı, что Алексей мог быть знакомым с Александром Пушкиным, к он хорошо знал его брата Льва. В семье долгое время храни-укописная тетрадь со стихами поэта, которую литературоведы ıазывают «Капнистовской тетрадью».

ǀт род дал России полководцев и дипломатов, общественных дея-и меценатов, литераторов и просветителей. Капнисты были не ıией, а скорее явлением. Их фамильной чертой была любовь к ǀству, и еще — свободомыслие. Брат драматурга Василия Капни-ǀтр в своем имении Трубайцы сделал все, что было в его силах, облегчить участь крепостных крестьян. Сам он довольствовался ı, жил чрезвычайно скромно, в домике, покрытом камышом, а ıянам разрешал брать столько земли, сколько они в состоянии ǀтать, и назначал за нее мизерный оброк, совершенно отменив ну. При этом крестьян он называл не иначе, как «мои соседи», а о — «добрым барином». Традиции патриотизма и вольнодумства ıвались в этом роду из поколения в поколение. В 1914 году т четвертой Государственной Думы Ипполит Ипполитович Кап-ротестовал против запрещения царским правительством праздия 100-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко. А Ростислав Ро-вович Капнист помогал деньгами большевикам и даже, пользуясь ‹им титулом, провозил через границу «Искру». При этом оста-интеллигентным состоятельным человеком, ценившим образо-хорошие манеры и собственное положение.

917 году он это положение потерял. Из Петрограда, где они семья Капнистов перебралась в Судак — на свою дачу. В 1921 ǀстислав Ростиславович Капнист был расстрелян в Крыму боль-

шевиками — как неблагонадежный, а говоря прямо — за графский титул. Его жена Анастасия Дмитриевна Байдак, которая, как гласит семейное предание, была праправправнучкой Ивана Сирко, вынуждена была прятаться в пещерах, а пятеро детей остались с бабушкой. Старшая дочь не выдержала — умерла через три дня после казни отца, один из сыновей утонул. Еще один отказался от своей семьи, изменил фамилию и благодаря этому избежал репрессий. Двое других детей так и не смогли получить высшее образование. Судьба одного из этих детей — младшей дочери Марии может стать сюжетом для отдельного рассказа.

Она унаследовала от Капнистов свободомыслие, а еще — жизнестойкость, отраженную в фамильном девизе, и понятие о графской чести.

Она была совсем маленькой, когда друг дома Федор Шаляпин увидел ее в домашнем спектакле «Золушка» и предсказал ей театральное будущее. Но после смерти отца стало не до театра, хотя попытки получить театральное образование она делала неоднократно. Все, что ей удалось сделать — это получить среднее образование и закончить бухгалтерские курсы — с графским происхождением доступ в вузы ей был закрыт. А в 30-е годы начались аресты — забирали, держали какое-то время и выпускали. В 1941 году ее арестовали в очередной раз и, как выяснилось, надолго. Как и многим другим, Марии предъявили обвинение по статье 58, пункт 10 — антисоветская агитация и пропаганда, имеющая целью призыв к свержению советской власти. Реально — ее осудили за дворянское происхождение и графский титул на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Ни одного показания на других людей она не подписала, как следователи не добивались. Она прошла самые страшные лагеря в Караганде, Джезказгане, Тайшете, работала на шахтах, выполняя мужскую работу, терпела побои и издевательства и — читала своим подругам по заключению стихи. Рассказывали, что Мария однажды бросилась под вагонетку, чтобы остановить ее и спасла таким образом от увечий около 30 человек, и сама после этого оказалась в больнице. Дочь Раду она родила, будучи уже на поселении. Когда Раде было два года, Марии дали новый срок — 10 лет каторги. Раду отправили в детский дом. Для Марии разлука с дочерью стала самой страшной трагедией. Она попросила подругу по лагерю, Валентину Базавлук, которая освободилась раньше, найти Раду. Валентина выполнила ее просьбу — нашла девочку и сделала все, чтобы перевести ее в харьковский детский дом, поскольку сама после освобождения поселилась в Харькове. Так Радислава оказалась в Харькове — городе, в котором когда-то ее предки владели несколькими домами и пользовались немалым уважением. С мамой они встретились, когда Раде было 9 лет.

Марию Ростиславовну освободили досрочно. Ей было всего сорок два года. Выглядела она при этом глубокой старухой. Но не падала духом, как бы тяжело не было. Работала уборщицей, дворником, массажистом. В 60-е годы ее заметили сотрудники киностудии имени Довженко и она начала сниматься — талант, обнаруженный еще в далеком детстве Шаляпиным и отшлифованный в лагерных постановках, теперь раскрылся в полной мере. Ею было сыграно около 100 ролей — в том числе Наина в «Руслане и Людмиле», Мануйлиха в «Олесе», монашка в «Иванне», средневековый рыцарь в «Новых приключениях янки при дворе короля Артура», Милица в «Шансе».

Но и став известной актрисой, графиня Капнист осталась верна фамильному девизу. А еще собственному жизненному кредо — творить добро. И помогала людям — могла потратить выданную ей материальную помощь на подарки инвалидам, шла на кладбище и ухаживала за могилой Довженко, опекала прихожан Владимирского собора, построенного на пожертвования, в том числе и ее предков. Чувство юмора ее не покидало никогда: себя она в шутку называла Бабой-Ягой и, обладая железным здоровьем, в 70 лет могла спокойно сделать сальто-мортале. А мечтала она о том, чтобы имя Капнистов было увековечено. Эту же мечту она передала своей дочери и внукам.

Современные графы Капнисты живут в Харькове, как когда-то их предки, только не в великолепном особняке, а в обычном панельном доме. Радислава Олеговна закончила Харьковский политехнический институт и 30 лет проработала на Харьковском авиазаводе инженером-технологом. Она считает, что главным признаком голубой крови является обязательность, пунктуальность и что аристократическое происхождение — не повод для чванства или высокомерия. А младший сын Георгий, студент Академии банковского дела, смеясь, говорит, что друзья его в шутку иногда называют графом, но это с одной стороны, приятно, а с другой стороны — очень ответственно, поскольку графский титул просто так никому не давался, и поневоле приходится соответствовать. Младшее поколение — внуки Ростислав и Ярослав — стараются просто хорошо учиться, а еще — помогать старшим по дому, ведь белоручек не любят нигде. Радислава Олеговна Капнист занимается сейчас сбором и упорядочиванием материалов о Капнистах, чтобы потом написать книгу, а ее сын

Георгий написал небольшое исследование по геральдике, анализируя герб собственного рода.

Можно долго рассуждать о том, что такое аристократизм и в чем преимущества голубой крови и благородного происхождения. В графской семье Капнистов о преимуществах не думают. Здесь много работают и добросовестно учатся, здесь старшие заботятся о младших, а младшие помогают старшим. И не обращают внимание на ироничное: «Подумаешь, графья!». Быть графом или графиней им в современной жизни не так-то легко. Ведь позади столетия истории семьи, знаменитые предки и титул, который давался за выдающиеся заслуги и который нужно оправдывать. Нужно уметь сделать так, чтобы житейская грязь к тебе не пристала, чтобы никто не мог упрекнуть тебя в недостойном поведении. И как бы ни оборачивалась жизнь, «в огне непоколебимые» Капнисты сохраняют и несут в себе заряд интеллигентности, то есть — аристократизма духа.

Инна Можейко

ХАРЬКОВСКИЙ ПАСКВИЛЬ, или ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК 200 ЛЕТ НАЗАД ХАРЬКОВ ЧУТЬ НЕ СТЕРЛИ С ЛИЦА ЗЕМЛИ

Эта история, произошедшая 200 лет назад, в свое)емя будоражила умы обывателей так же, как до сих пор она будора-ит умы историков: 1 июня 1800 года в Харькове, на дверях Возне-:нской церкви был обнаружен листок грубой бумаги, прибитый же-:зным сапожным гвоздем. Титарь Вознесенской церкви, прочитав 'о, передал дьякону, сказав при этом, что бумага-то, мол, нехорошая. исток отдали настоятелю храма, тот — начальнику местной полиции, эторый немедленно начал следствие.

По городу тут же поползли слухи. Говорили, что на злополучном истке бумаги были нарисованы перессорившиеся между собою пья-ицы, а под ними — рифмованные строчки, заканчивающиеся слова-и: «Каков поп, таков и приход» — сюжет сам по себе безобидный, но к больно пьяницы напоминали высших харьковских управителей, эторые 1 мая действительно напились и устроили драку. Другие ут-:рждали, что там был расхвален Тадеуш Костюшко, предводитель ольского возмущения, а управление Павла I описано с невыгодной гороны. Третьи тихим шепотом и самым проверенным друзьям сооб-[али, что это был пасквиль на самого императора Павла I.

Пока кумушки перешептывались по углам, а чиновники принима-и многозначительный вид, в Петербург летело донесение, отправлен-ое самому царю — поскольку дело оказалось государственной важно-ги. В нем начальник городской полиции полковник Чемесов сообщал: 3 Харькове 1 числа сего месяца поутру усмотрен прибитой к церкве ознесению пасквиль... Не смею содержания его Вашему императорс-эму величеству изъяснить. Оно плод богомерзкой дерзости, сочини-:ль забыл страх божий, забыл честь и совесть, коснулся вместить /да священнейшее имя Вашего императорского величества, коснулся ıть идею противную всякому благомыслящему. Вашему императорс-эму величеству с чувствами верноподданными тот пасквиль подно-[у...» И далее следовал сам пасквиль — большой лист грубой бумаги, а котором черными чернилами при помощи палочки была нарисова-а часть виселицы с повешенным на ней вензелем Павла I. Над висе-ицей было написано: «Вот их хто визселнитца достигайить». Под

виселицей следовал такой текст: «Расаритель наш отечества да напрасной крови пралитель и тиран Оболянинов генерал прокурор вор безразсудной и нежелестной смеи леститель Линденер генерал вор обманщик тиран и мучитель да фалшивой леститель...» Далее точно так же — полуграмотно и без знаков препинания — идет «характеристика» других персонажей общероссийского масштаба: Бренке, бывшего лакея Павла I, сосланного в Харьков по личному распоряжению императора, и исполнявшего здесь должность командира экспедиции; генерал-адъютанта Павла I, принимавшего жалобы; тайных советников Неплунова и Бризкорна — неправедных судей. Эти «характеристики» перемежаются угрозами: «...но мы непременно его из етаго свет в тот сеть правим». Затем автор переходит на местные личности: «Шидловски вицегубернатор губернской вор и грабител он кашной год боле сорок тысячи рублей воруит Министер машеник и плут котор ис таво и живот...» Кроме упоминавшегося вицегубернатора Шидловского и советника Харьковской палаты суда и разправы Минстера, досталось асессору той же палаты Лопатинскому и харьковскому городничему Дмитрию Грекову, который «...безшадно воруит грабит и из сех дерот». На обратной стороне листа — видимо, в качестве противопоставления, упоминаются «благодетели». К нам отнесены Тадеуш Костюшко, некто Цикалов, харьковский губернатор Сабуров и прокурор Чайковский. Далее был призыв бороться против ига и тиранства москалей, а заканчивался «пасквиль» следующими словами: «Дарум что мы хахли из смыслем самой тожо что смыслут и цари прокляти».

Естественно, что следствие по делу о харьковском пасквиле было начато немедленно. Император еще не успел получить донесение, а губернатор Сабуров, вицегубернатор Шидловский, начальник городской полиции Чемесов и городничий Греков — практически все персонажи, упоминавшиеся в «пасквиле», уже начали активные действия для разыскания виновного или виновных. Следствие шло в лучших традициях российской бюрократии — поскольку никаких данных для отыскания автора власть не имела, нужно было найти людей наиболее подозрительных и на них «повесить» это дело, грозившее крупным скандалом и катастрофическими последствиями для города: зная непредсказуемый характер императора Павла, в этом можно было не сомневаться. По городу ползли слухи один страшнее другого: говорили, что Павел решил поставить на площади виселицу, чтобы повесить на ней злодея, когда он будет найден, но на следующее утро на ней нашли чучело самого Павла I. Говорили, что царь приказал бить каждого десятого харьковчанина кнутом, всех выслать в Сибирь, а город сравнять с землей...

Охваченные ужасом, горожане ждали расправы со дня на день.

Тем временем власти искали наиболее подходящих фигурантов по этому делу. Крайним оказался некий Михаил Шапочкин — отставной

прапорщик 36 лет отроду. Основания для подозрений причастности его к делу заключались в следующем: происходил он из мелких дворян, был человеком грамотным, работы как таковой не имел, дважды сидел под арестом и — что самое главное — занимался составлением просьб, с чего и добывал хлеб насущный. На следующий же день после обнаружения пасквиля на квартиру к Шапочкину явились городничий и начальник городской полиции. Застав там не только хозяина, но и гостя — Панаса Довбню, корнета в отставке, тоже жившего за счет составления жалоб для неграмотного населения, арестовали на всякий случай обоих. Тем более, что в момент ареста оба приятеля как раз писали жалобу генерал-прокурору на городничего. И понеслось — арест следовал за арестом: Шапочкин вспомнил, что 1 июня, в день появления пасквиля, он обедал с отставным есаулом Клементьевым — провели обыск и у Клементьева, а так как у него в гостях был приятель Роман Ковальчуков — арестовали обоих, опять-таки на всякий случай. Когда стало известно, что Шапочкин по совету бабы Слепихи дважды ходил к немцу Бренку (тому самому лакею Павла I, высланному в Харьков и упоминаемому в пасквиле) — арестовали и Бренка, и Слепиху.

Однако столь активные действия местных властей результатов не имели — в авторстве пасквиля и даже в причастности к нему никто не признался. Царским указом были освобождены от занимаемых должностей губернатор Сабуров, вице-губернатор Шидловский и губернский прокурор Чайковский — то есть вся харьковская верхушка, а задержанных велено доставить в Петербург, в Тайную экспедицию. Однако ни допросы в течение четырех месяцев, ни очные ставки ничего не дали — все задержанные ни в чем не признавались. Тогда в Харьков по распоряжению Павла для нового следствия был отправлен новороссийский генерал-губернатор Николаев с указанием «...по известному случаю об оказавшемся там пасквиле употребить все средства к исследованию оного и вскрытия виновных. О последствиях мне донести».

Приехав в Харьков в октябре, Николаев начал допрашивать всех, кто слышал о пасквиле, кто его читал, кто знает содержание. О том, как лихорадило город, говорит хотя бы такой факт — обыск был сделан у офицера чугуевского полка Лохвицкого, попавшего под подозрение только потому, что был грамотным и жил рядом с Вознесенской церковью, от крыльца которой в то злополучное июньское утро вели следы ботинок, которые носили чугуевцы. Однако и это следствие не имело успеха — Николаев вернулся ни с чем к царю и доложил, что из-за неумелого действия местных властей виновного найти невозможно.

В конце концов генерал-прокурор Обольянинов доложил царю: «Поелику при всех возможных зысканиях виновник пасквиля не най-

ден, по причине его необнаружения в самом начале, и присланные сюда люди Шапочкин, Довбня, Бренк, жонка Слепиха и есаул Клементьев находятся только в недоказанном подозрении, то не благоугодно ли будет высочайше повелеть тот пасквиль в Харькове сжечь на публичном месте, а тех людей... как праздно там живуших сослать на жительство в Сибирь. Жонку же Слепиху в рассуждении старости ее отправить в Харьков». Павел I согласился с этим предложением — всех, кроме Слепихи, действительно выслали в Сибирь, в Иркутскую губернию — на всякий случай. Что же касается самого пасквиля, то царь не решился отослать его назад в Харьков для сожжения, а потому он был подшит к «Делу» в Тайной экспедиции и таким образом сохранился для потомков.

Современные историки по сей день ломают головы над тем, кто был автором этого «пасквиля». Анализируя текст, они сделали некоторые выводы о его личности. Во-первых, это был человек политически грамотный, знакомый с вольнолюбивыми российскими произведениями, о чем свидетельствуют такие выражения, как «тиран» и «друзья человечества». Вместе с тем это — человек, не очень грамотно пишущий по-русски: ломаный русский язык, стилистические обороты и характер орфографических ошибок, как утверждают специалисты, свидетельствует о том, что автор пасквиля — не русский и не украинец. Историки считают, что вероятнее всего автором мог быть один из поляков, которого за участие в восстании Костюшко назначили на военную службу в Харьков. Косвенно об этом говорит и тот факт, что среди «друзей человечества» первым назван именно Костюшко, имя которого написано более крупными буквами, чем весь остальной текст.

Историки утверждают, что «харьковский пасквиль» — первый в Украине отзыв на польское национально-освободительное движение. Для них, историков, этот факт безусловно важен. А для неравнодушного читателя в этой истории гораздо интереснее другое — нравы провинциального общества двухсотлетней давности, деятельность властей — центральных и местных, механизм действия судебной системы. Есть возможность сравнивать....

Инна Можейко

ДОМ ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ

Города, как люди — рождаются, растут, стареют, рают. И хорошо, что нашему городу до старости еще очень далеко. — как мужчина в самом расцвете сил. И, как положено мужчине, ет свои шрамы — память о бурно проведенной юности. Таких імов на лице нашего города немало. Один из них — на площади іституции, которая раньше называлась площадью Советской Укра-і, еще раньше — Тевелева, а еще раньше — Николаевской. Именно :ь, на месте памятника из красного гранита, 60 лет назад стоял дом рянского Собрания — дом, с которым были связаны все важней-: события нашего города.

В конце XVIII века наш город больше напоминал подростка — сладного и угловатого Известный поэт Сумароков, побывав в Харь-э, писал: «Улицы в городе неправильные, немощеные и грязные, эших домов, исключая двух-трех, не находится». Век XIX для ькова — век юности. Заурядный административный центр превра-тся в крупный губернский город. Новая роль требовала и нового іджа: в Харькове разворачивается строительство общественных и :ных зданий. В 1814 году местное дворянство решает построить для проведения своих собраний — своего рода клуб для местной :и. Выбрали для этого престижное место — практически в самом гре, заказали проект известному архитектору Васильеву, собрали :ертвования — 128 тысяч 987 рублей — на строительство. Работы и закончены в 1820 году. Влетевший местной знати, что называ-:, в копеечку, дом был украшен памятными знаками боевого про-іго — пушками харьковской крепости. Как вскоре выяснилось, эпились с постройкой не зря — в этом же году в город приехал ксандр I и харьковские дворяне устроили блестящий бал в честь эзда царя.

Жизнь дома Дворянского Собрания имела свои спады и подъемы. :н раз в три года несколько сотен дворян собирались здесь для зедения выборов. Стены зала украшались гербами уездов Харьков-й губернии, а сами дворяне являлись на заседания в изящных цирах с вышитыми золотом воротниками. Обязательным атрибу-была шпага — ею местная знать по обычаю стучала по полу,

Дом Дворянского Собрания

выражая свое отношение к указам. Все остальное время дом Дворянского Собрания был центром светской жизни — здесь приятно проводили время в разговорах, дозволенных (как тогда говорили) играх, устраивали балы. О масштабах увеселений можно судить хотя бы по тому, что на одном из праздников мазурку танцевало одновременно восемьдесят пар. Иностранцы, бывавшие в это время в Харькове, утверждали, что светское общество в нашем городе — одно из лучших.

Летом и осенью в доме Дворянского Собрания открывались выставки картин; именно здесь харьковчане впервые познакомились с работами передвижников — Крамского, Шишкина, Перова и других. А 13 марта 1893 года этот ломившийся от публики зал аплодировал великому композитору России Петру Ильичу Чайковскому, приехавшему в Харьков на гастроли.

XX век — век возмужания и зрелости для нашего города — отмечен многими трагическими событиями, и дом Дворянского Собрания оказывается в их эпицентре. В 1914 году начинается первая мировая война, и дом Дворянского Собрания превращается в лазарет. В декабре 1917 года здесь на Первом Всеукраинском съезде Советов была провозглашена на Украине Советская власть. Впоследствии дом Благородного Дворянского Собрания настолько пришелся по вкусу новой власти, что в первой половине 20-х годов его реконструировали по проекту архитектора Линецкого и, пока Харьков был столицей, именно здесь размещалось наше правительство, а площадь вокруг стала главной площадью республики.

В 1934 году украинское правительство переезжает в Киев. А здание по инициативе П. П. Постышева передают детям — здесь был организован первый в Советском Союзе Дворец пионеров. Для голытьбы харьковских слободок это было настоящим чудом: мраморные колонны, зимний сад, кукольный театр, 11 залов, 150 лабораторий —

о был целый детский город. Слово «первый» и «впервые» становятся о важнейшими спутниками. Первый в стране клуб альпинистов для тей, первая детская школа фехтования, первый детский симфони-ский оркестр, и, наконец, первая в стране новогодняя елка, которая жгла свои огни 31 декабря 1935 года — все это лишь краткий пере-нь чудес, ожидавших харьковских мальчишек и девчонок в этом орце.

Новая жизнь старого дома Дворянского Собрания была прервана ликой Отечественной войной. Фашисты вывезли из здания все, о представляло хоть какую-то ценность, а само здание подожгли. , что не уничтожил огонь, разрушила авиабомба, попавшая в него время бомбежек 43-го года. Дворец пионеров сначала приютился особняке на Сумской, занимаемом сейчас Дворцом бракосочетаний, позже переехал в здание ветеринарного института. Здание Дворян-ого Собрания реконструировать не стали, хотя специалисты утверж-ют, что это вполне можно было сделать. На его месте сейчас сится монумент, посвященный провозглашению Советской власти Украине.

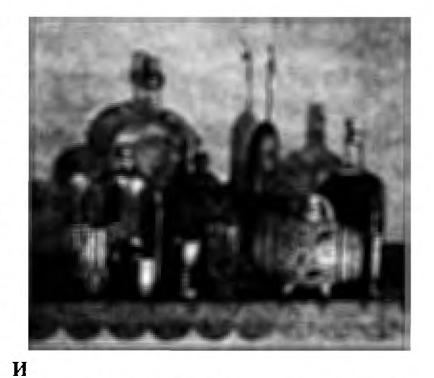
Впрочем, неисправимые романтики, влюбленные в свой город, го-рят, что если в сумерки выйти на площадь и, отрешившись от при-чной суеты, внимательно всмотреться и вслушаться в окружающее, раздвигается ткань времени и можно уловить звуки мазурки, гро-г проезжающих карет и увидеть призрачный контур дома Дворян-ого Собрания — дома, которого нет...

Инна Можейко

ИСТОРИЯ ПИТЕЙНОГО ДЕЛА: ХАРЬКОВСКИЙ СРЕЗ

В 1386-м году генуэзские купцы провели первую в истории России презентацию водки — они угостили Дмитрия Донского «горящей водой». Презентация прошла неудачно — проснувшись на следующий день с сильнейшей головной болью, князь осерчал и выгнал купцов, запретив ввозить и продавать сатанинское зелье.

Однако через 100 лет монахи Чудского монастыря уже вовсю его изготовляли сами; Иван III спаивал водкой князьков, которых собирался подчинить, а Иван Грозный закрепил за государством право торговли горящей водой. Вот, собственно, и вся предыстория вопроса. Дальше начинается история.

В момент основания Харькова царь Алексей Михайлович среди прочих льгот даровал одну, имевшую для нашего города поистине судьбоносное значение — право свободного винокурения, то есть изготовление хлебного или горячего вина (термин «водка» появится намного позже) — без всяких на то налогов. Правда, это касалось только украинской части города. Через каких-нибудь 10 лет у харьковчан был 501 винный котел и 73 шинка на 2 тысячи человек населения. Опомнившись, царь решил прекратить питейную вакханалию и — обложил винокурни налогом. Харьковчане ответили на этот шаг достойно — они налог просто не выплачивали и царский указ был спущен на тормозах.

В XVIII веке винокурение становится основным промыслом харьковчан. Причина проста — хлеба выращивали много, а вывозить его было сложно — отсутствовали водные торговые пути. Поэтому хлеб перерабатывали на месте — и результат продавали на харьковских ярмарках. Отсюда хлебное вино увозили в Малороссию, Новороссию, Запорожскую Сечь и донские станицы, а позже, в XIX веке, Харьков будет снабжать горячительными напитками всю Центральную, Юж-

эссию и даже — Поволжье. Конечно, кое-что оставалось и в . Большая часть выпивалась в шинках, количество которых I веке колебалось от 100 до 150. Это были своеобразные клубы: приходили пообщаться, послу... ле самим и узнать после... ое хлебное вино, крепо...

репче, чем в Московии — была даже пословица: «В Москве водку ь, будто Москву-реку лакаешь»); реже употребляли доброе вино — итую (так наши предки переделали латинское выражение «аква » — живая вода) — крепость которой доходила до 50 градусов. ше всего питейных заведений в то время было на Подоле — здесь 5 двор... ять шинков.

Принадлежали ши... старшине, военным обывателям, лавным образом — ... и дворянам, и это не считалось ...рным. Среди владельцев шинков ...жно обнаружить представителей ...х знаменитых харьковских фамилий — Квиток, Шидловских, Куликовских, Кантемиров.

Понятно, что только шинками сло...жане не ограничивались. Поднести ...тю чарочку — святое дело.

А уж на помолвках, свадьбах или поминках водка лилась рекой. Вот статистика: на свадьбу родители молодоженов тратили 33 рубля 20 копеек,

из них на водку — 12 рублей, то есть больше, чем одну треть. Насколько дорогой была водка в то время, можно судить, сопоставив цены 1732 года: питейное ведро — 12 литров простого хлебного вина — стоило 80 копеек; оковитой — 1 рубль 50 копеек; кормленого кабана можно было купить за 1 рубль; пуд — 16,38 килограммов — коровьего масла — за 78 копеек; четверть — 153 килограмма — пшеничной муки — за 1 рубль 7 копеек, а пуд икры — за 5 рублей.

Водка и политика

К XIX веку правительство укротило наконец питейный беспредел на Слобожанщине. Беспошлинно курить вино теперь могли только помещики. А потому любой уважающий себя дворянин в своем поместье имел винокурню, а то и не одну. Помещики строго следили за соблюдением качества получаемого продукта. Для производства использовали только самую чистую ключевую воду, отборное зерно, а в качестве мастера обычно приглашали с Правобережья еврея.

За производством, продажей хлебного вина и выплатой налогов в губернии следил откупщик — человек, выкупивший это право у государства. Самым знаменитым харьковским откупщиком был купец Кузин. Говорили, что он сколотил на откупном деле миллионное состояние.

Горячее вино в Харькове стоило дороже, чем в губернии, и разница в цене шла на решение городских проблем. Регулировались цены при помощи так называемых откупных дистанций. Их было две — одна в двух, а вторая в четырех верстах от центра города. В двух верстах от центра города водка была самой дорогой. Все винокуренные заводы города располагались за пределами двухверстной дистанции. Там же находилось основное количество шинков, торгующих горячительными напитками. В результате такого положения дел харьковские пригороды, находящиеся за откупной дистанцией — Филиппово, Мамина Даниловка, Основа, Григоровка — превратились в настоящие вертепы. По субботам и воскресеньям сюда толпами тянулись мастеровые — выпить дешевой водки. Здесь было все — драки, воровство, убийства. Зимой, возвращаясь в Харьков, гуляки иногда просто замерзали по дороге.

К середине XIX века откупщики в погоне за прибылью довели качество водки до самого низкого уровня, а цена при этом возросла до 8 рублей за ведро. Ласковые народные прозвища этого напитка — «сивуха», «пользительная дурь» — свидетельствуют об этом весьма красноречиво. Кстати, Харьков оказался не затронутым волной питейных бунтов, прокатившихся по центральным губерниям России в середине XIX века, когда крестьяне целыми селами и уездами отказывались пить и открывали у себя общества трезвости, борясь таким образом против низкого качества и цен, взвинченных откупщиками. Почему

харьковчане не поддержали эти бунты — сейчас сказать трудно: то ли откупщик у нас попался добросовестный, то ли традиции изготовления крепких спиртных напитков в домашних условиях сохранились, то ли хлеба было достаточно.

Как бы там ни было, но в 1863 году Александр II отменил откупную систему и ввел акцизную. Теперь изготавливать и продавать водку могли все желающие. Условие было одно — заплатить установленный государством акцизный сбор. Правда, ожидаемых прибылей правительство так и не получило. В 1881 году свои силы в реформе питейного дела попробовал и Александр III; правда, злые языки поговаривали, что не обошлось здесь без императрицы Марии Федоровны — дескать, царь выпивал, а Мария Федоровна, как любая жена, хотела его ограничить. Было предложено ввести государственную монополию на производство водки. Но каким способом это сделать? На выкуп у частника водочных заводов государство не имело денег, а отбирать как-то неприлично было, и потому реформа заглохла. В 1894 году Сергей Витте провел, пожалуй, самую удачную водочную реформу. Он собрал научную комиссию во главе с Д. И. Менделеевым, которая установила очень высокий стандарт водки и определила оптимальную крепость в 40 градусов. Кроме того, водку не разрешалось продавать более чем в полуведерной таре — и торговцам пришлось перейти на стеклянные бутылки. В результате мелкий производитель просто разорился и ушел с рынка, а за крупным был установлен строжайший контроль. Продажа водки была объявлена монополией государства. Правительство добилось того, чего хотело — полного контроля за производством и продажей спиртного. Народ тем временем потихоньку спивался.

Пить или не пить — вот в чем вопрос?

К 70-м годам XIX века в Харькове было 17 водочных водов — больше, чем каких-либо других. Торговали спиртными натками достаточно дифференцировано. Чистая публика ходила в ресторацию или на худой конец, в трактир. Их в Харькове тогда было около 300. Коренное отличие трактира — там обязательно подавали закуску. Публика попроще посещала питейные заведения — там закуску не полагалось. А выпивка была самого низкого качества. Таких питейных заведений в Харькове было около 200. В основном они находились в непрестижных районах. Лидером по количеству кабаков была Старомосковская улица — здесь их было целых 7. Клочковская, Рыботарская и Москалевская имели по 5 питейных заведений, а на все остальные улицы приходилось по 1—2 кабака. К 80-м годам каждый житель Харьковской губернии потреблял в среднем 12 литров 40-градусной водки в год — это с учетом младенцев и стариков. На свадьбах на водку уходило по 60 рублей, что равнялось приданому невесты.

80% скоропостижных смертей было связано с выпивкой. Харьковская Дума, ходатайствуя об ограничении пьянства, высказалась так: «В кабаке мы видим начальную школу взаимного обучения, которую посещают начиная с 10 лет и до глубокой старости. Из нее многие питомцы поступают в высшее образовательное заведение — тюрьмы и арестантские роты». К 1914 году с каждого двора пропивалось по 50 рублей — это примерно треть годовой зарплаты одного работающего; сильно пьющих было 75%, а среди женщин 50%.

В 1903 году газета «Харьковские губернские ведомости» сообщила о создании в приходе Преображенской церкви первого в городе общества трезвости под руководством священника Петра Фомина. Через 7 лет в это общество входило уже более 800 человек. В 1912 году такое же общество было создано и в приходе Благовещенского собора. Неизвестно, насколько распространилось бы это явление, но тут началась первая мировая война. Высочайшим рескриптом продажа водки была запрещена. В 1915 году Харьковское земство провело среди крестьян губернии опрос на тему: «Что думает население губернии о запрете на продажу водки?». Опрошенные крестьяне дружно заявляли, что стали лучше одеваться и обуваться, и просили прислать побольше книг — лескать, будем читать в свободное время. Говорили, правда, что одиница человека в селе очень сильно угнетены отсутствием водки, а остальные не испытывают никакой тяги к прежним временам; отмечали также, что сильно распространились азартные игры в карты, особенно среди молодежи и, как следствие этого, воровство. Возросло также количество судов — там, где раньше вопрос решался полюбовно за бутылкой, теперь ссоры и вражда. Вывод крестьяне сделали неожиданный: водку нужно продавать как лекарство, в аптеке, и чтобы доктора выписывали рецепт. А вообще — большинство населения жалует водку, но соглашается, что без нее лучше. В искренности этих заявлений можно усомниться — крестьянство продолжало пить, только теперь уже — самогон, благо традиции изготовления крепких спиртных напитков утрачены не были. Косвенным подтверждением тому является постановление харьковского губернатора от 17 сентября 1916 года «О воспрещении приготовления, хранения и продажи суррогатных спиртных напитков, а также перегонных аппаратов и их частей».

Дальнейшая история питейного дела на Харьковщине развивалась в русле общей истории Страны Советов. И это — тема отдельного исследования.

Ольга Адам

О ЧЕМ МОЛЧИТ МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА

Предыстория

«С детства я помню одну высокую скалу — называли мы ее «Карабахский сторож». Вот там-то, мой брат и открыл захоронение — большую каменную плиту с железным кольцом. Рядового человека так не похоронят, а через наш Крым прошло столько народов, и покойный, вероятно, был каким-то большим человеком...»

Из письма Екатерины Келлер

Это цитата из письма правнучки другого большого человека, речь о котором пойдет в этом очерке. Его могилу наша съемочная группа случайно нашла в Крыму на территории лагеря Харьковского политеха, совершенно не подозревая о том, что он харьковчанин.

Ну, а о том, какое значение его деятельность до сих пор имеет не только для географической науки, но и для каждого самого заурядного туриста, мы и вовсе не имели понятия. Впрочем, это дело поправимо. Итак, обо всем по порядку. Существует прибор, с помощью которого можно связываться со спутниками Земли. Он позволяет определить точные координаты собственного местонахождения, где бы вы ни были.

Правда, если у вас нет карты, как вы сами понимаете, это совершенно бесполезно. Но, благодаря неутомимому харьковскому ученому Петру Ивановичу Кеппену, карта у нас есть. Карта Крыма. Так что в путь. В историю создания карты, и не только.

Маршрут

Родился Петр Иванович Кеппен в нашем городе 19 февраля 1793 г.

В Харьков, по приглашению Екатерины II, приехал его отец, немец из Касселя доктор Магдебургского университета, и стал занимать должность заведующего медицинской частью в Харьковской губернии. О пресловутой немецкой брезгливости к отсталым славянским народам в этой семье почему-то не вспоминали. Доктор не баловал сына и сразу после гимназии отправил работать в Харьковскую губернскую чертежную, подканцеляристом. Кто мог знать, что практические навыки, полученные здесь, в будущем существенно помогут Кеппену в его работе. После службы юноша посещал подготовительный класс при Харьковском университете, в который мечтал поступить. Студентом этого вуза стать ему удалось, и в 1812 году он получил степень кандидата, а через два года, после защиты диссертации, окончил университет со степенью магистра правоведения. И поехал искать счастья в столицу, в Санкт-Петербург, где поступил на службу в почтовый департамент и женился на дочери известного историка Аделунга.

Восхождение

Вот, казалось бы и все устроено — чего еще желать — образование, семья, работа. Что ж посмотрим, почему об этом человеке во всех энциклопедиях и солидных Интернет-изданиях позже напишут, что Петр Иванович Кеппен — это великий русский статистик, географ, историк, археолог, библиограф, славист и этнограф, основоположник научного изучения полуострова Крым. А пока рядовой молодой служащий едет от одной почтовой станции к другой, из столицы в Крым в качестве... ревизора. Но интересуют его не хищения на почтовых станциях и нехватка лошадей, а загадочные древние укрепления Крыма.

Не удивительно ли, что о целом, систематическим порядком устроенном ряде укреплений, существовавших не менее девяти столетий, история сохранила одне токмо известия случайныя, догадочныя?

П. И. Кеппен

Конечно, удивительно. И он пишет одно за другим научные исследования, уходит со службы и полностью погружается в науку. В 1829 г., с помощью друзей, Кеппен получил давно желанную должность помощника главного инспектора шелководства, садоводства и виноделия. Переселение ученого в Крым, конечно, способствовало появлению нового корпуса его крымоведческих сочинений. Интерес вызвали и этнографические особенности населения. Первые научные публикации в области истории древнего Причерноморья принесли ученому заслуженное признание европейской науки.

По заданию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1833 г. П. И. Кеппен начал работу над проектом первого фундаментального историко-этнографического описания Крыма, ему было поручено обревизовать государственные имущества в Таврической губернии. Специально для путешествующих по Крыму П. И. Кеппен опубликовал статью «О крымских пещерах». В 1827—1830 гг., во время многочисленных поездок по полуострову, краевед работал над составлением «Списка селений Таврической губернии». С заметками и примечаниями. С названиями на русском и татарском языках. И, наконец, пришло время издать «Крымский сборник», главный труд всей жизни, не утративший научного значения и до наших дней. Первый том был посвящен каталогизации древностей Южного берега Крыма и Крымских гор; во втором — дан перечень селений Таврической губернии; в третьем — топографическая информация о Южном береге Крыма и горной части полуострова, в четвертом были помещены историко-географические материалы: список крымских ханов, указатель температур крымских рек и ключей, шкала высот над уровнем моря. Карта готовилась как отдельное издание. Она с при-

ложением «Указателя» увидела свет в 1836 г. Текст, сопровождавший карту, включал алфавитный и географический указатель. На появление карты и указателя откликнулась главная газета Новороссийского края — «Одесский вестник», в ней не раз говорилось о высоком уровне издания и скрупулезной работе, проведенной составителем по проверке правильности географических и административных названий. Исследование стало первым обстоятельным систематическим описанием археологических памятников Крыма, их местонахождения и состояния. Ученый провел первое в литературе сравнительное архитектурно-археологическое обследование христианских культовых сооружений в Крыму (греческих и армянских), зафиксировал средневековые некрополи. Появление «Крымского сборника» на самом деле и явилось тем самым компасом, который на долгие годы определил маршрут дальнейшего пути нескольких родственных наук — истории, географии, археологии и этнографии. Еще в 1914 году считалось, что «Крымский сборник» до сих пор представляет незаменимое пособие для всех, занимающихся древностями и историей Крыма». По мнению ученых, сочинения П. И. Кеппена «не имели себе подобных на русском языке в литературе Крымского полуострова и должны стать настольными книгами всякого, занимающегося историей Крыма». Его путевые заметки и сейчас поражают исследователей меткостью наблюдений, обстоятельностью, громадным количеством ссылок, дают богатый материал по истории разного рода географических названий — урочищ, источников, скал, фонтанов.

Открытие

Петр Иванович Кеппен первым заметил систему укреплений Южнобережья. Объехав Южный берег и опросив местных жителей, Кеппен убедился в существовании общей, «систематическим

образом устроенной обороны», основанной на «точном знании местности». На каждом мысе находились укрепления; на северных склонах Главной гряды при каждом горном проходе высилась крепость или башня. Там, где этого было недостаточно, по обе стороны Чатыр-дага проведена была стена, которая пересекала ущелье, преграждая путь вторжениям. Обобщив и проанализировав данные он решил, что «Укрепления строены народом образованным и искусным в деле военной обороны». Осторожный в выводах, он провел большую аналитическую и поисковую работу в исторических источниках и нашел, что греческий автор Прокопий Кесарийский середины IV века нашей эры, считал эти укрепления принадлежащими стране Дори, населенной готами, союзниками Римской империи. Он писал, что император, воздвигший укрепления в Алуште и Гурзуфе, в этом краю «не построил нигде ни города, ни крепости», но зато «укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами, и таким образом отвратил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов». Кеппен настаивал на том, что это действительно укрепления готского периода, времен существования загадочной страны Дори.

Достижения

В 1843 г. Кеппен был избран ординарным академиком по кафедре статистики Санкт-Петербургской академии наук. В 1845 г. Кеппен становится у истоков создания Русского Императорского географического общества, которое кстати, существует в России и по сей день. В 1851 году Кеппен составляет и издает в географическом обществе «Этнографическую карту России». Как первый труд такого рода в Российской империи, работа получила высокую оценку. С первых дней основания Общество награждало лучших своих членов медалями. Самая высшая награда — Большая константиновская золотая медаль за выдающиеся географические открытия была вручена Кеппену. И в семейной жизни все складывалось удачно — супруга подарила ему шестерых детей.

Эпилог

Старшая дочь Александра, которая позже унаследовала имение Карабах, вышла замуж за директора Никитского ботанического сада Келлера, и именно ее внучка написала нам в нескольких письмах из Варны, где она сейчас живет, что родовое кладбище семьи Кеппенов-Келлеров называется «Челике» и что находится оно на месте бывшей старинной церкви греческих христиан на территории лагеря Харьковского политеха, и что ныне покойный ее старший брат в детстве нашел неподалеку захоронение того самого императора полулегендарной готской страны Дори, который построил систему укреплений Южнобережья. Получается, что здесь у моря, совсем рядом

лежат два «больших человека», один из которых — неведомый готский вождь, построивший гряду массивных крепостных укреплений, а другой — харьковчанин, с необычной немецкой фамилией и довольно суровой внешностью, потративший всю свою жизнь на изучение загадочной черты оборонительных сооружений.

Правда, достоверно это пока неизвестно, и могилы готского вождя нет на карте, так что поле для деятельности новых исследователей полностью открыто.

Инна Можейко

ОСНОВА – РОДОВОЕ ГНЕЗДО КВИТОК

Сегодняшняя Основа — это в первую очередь же-
жный узел. Кроме того, это еще район заводов, длинных
ров и грязных улочек с частным сектором. Над всем этим
олкаемый лязг и грохот железной дороги. Обстановка мало
ая. Между тем Основу в XVIII — начале XIX века называли
ейшим местом, а хозяева ее — помещики Квитки — даже
древнее Харькова. Но не будем спешить с выводами. Се-
я Основа ничего общего с той, квиткинской, не имеет и
ится на три версты (6 км) юго-восточнее последней.
асивая легенда, которая принадлежит перу самого извест-
итток — писателю Григорию Квитке-Основьяненко. Будто
Андрей Квитка, влюбившись в дочь киевского воеводы, не
ться согласия на их брак от жестокого отца, а потому вы-
л бежать вместе со своей возлюбленной. Бежали они в
е — туда, где было много свободных земель и где отец не
ти. Добравшись до берега реки Лопань, Андрей построил
мудрствуя лукаво, назвал его Основой. Однажды Андрей,
ись вверх по течению реки, добрался до места, где в нее
рьков. Его глазам открылся такой прекрасный вид, что он
ысоком холме над рекой основать город. Так якобы возник

м деле прадед писателя — полковник Григорий Квитка
владельцем Основы лет на 80 позже основания Харькова.
за — живописное малороссийское село — было расположе-
е Лопани. Чистая речка, в которой водилась в изобилии
й сосновый бор, бесхитростные нравы, отсутствие разбоя и
добрые паны Квитки, разрешавшие брать столько земли,
остоянии обработать крестьянская семья — настоящая ма-
ая идиллия. Современники утверждали, что Квитки помо-
крестьянам, попавшим в беду — в случае пожара давали
заведение имуществом, если крестьянин разорялся — дари-
дежду. Основьяне почитали своего помещика за родного
старинного украинского дворянского рода Квиток самыми
были двое — Андрей Федорович Квитка, бывший в цар-

ствование Николая Первого сенатором и заботившийся о нуждах Украины; и Григорий Федорович Квитка — общественный деятель, просветитель и литератор.

Усадьба Квиток была расположена на берегу реки; вокруг барского дома был прекрасный парк, а неподалеку Квитки построили деревянную церковь для жителей села, как только число прихожан достигло пятисот. При церкви Квитки организовали хор из местных, основьянских мальчишек и даже открыли специальную школу для обучения пению. Кроме того, учили огородничеству, которое в усадьбе было возведено, как писали современники, в ранг иконы. Здесь выращива-

ли редис, баклажаны, пастернак, огурцы, петрушку, сельдерей, лук, клубнику.

Хозяева слыли людьми гостеприимными. Редко кто из путешественников, ехавших на юг, не гостил в Основе у радушных хозяев, не любовался великолепными слобожанскими пейзажами, не заслушивался малороссийскими песнями местных жителей — людей простых, миролюбивых и суеверных. Многие потом вспоминали гостеприимный дом, в котором Григорий Квитка написал свои знаменитые повести, пьесы, романы и навсегда обессмертил название Основы, приписав к своей фамилии через дефис — Основьяненко. Кстати, именно в Основе в 1854 году нашел приют у племянника писателя знаменитый художник Иван Айвазовский, вынужденный с семьей покинуть любимую Феодосию из-за Крымской войны, и именно в Основе он написал целый ряд знаменитых полотен.

Положение изменилось во второй половине XIX века. К этому времени Основа уже вошла в городскую черту. Вместе с кабаками, дешевой водкой и приезжающими «отдохнуть», а точнее — напиться — городскими мастеровыми — появляется здесь мода на бесчин-

тва, оргии и как результат — Основа становится известна как криминальный пригород Харькова. Дело дошло до того, что с наступлением темноты местные жители боялись выходить на улицу. Реку загрязнили шерстомойками, устроенными выше по течению, и рыба здесь исчезла. Гордость Основы — великолепный сосновый бор, придававший воздуху неповторимое своеобразие, вырубили, в результате чего почва постепенно выветрилась; так возникла самая настоящая пустыня, которую местные жители метко назвали «Аравия». Сами Квитки после отмены крепостного права разорились. Часть усадебных земель сначала купил зажиточный крестьянин из местных, а позже — предприниматель Берлиозов, который в 1900 году открывает здесь сначала кузнечный, а вскоре — и литейный цех. После революции завод Берлиозова стал называться заводом имени Шевченко. Барский дом — родовое гнездо Квиток — был разрушен в годы Великой Отечественной, и сегодня на этом месте разбит парк, носящий имя писателя и порядком запущенный. Следы квиткинской Основы можно обнаружить в современной топонимике города — набережная вдоль Лопани в районе старой Основы и по сей день называется Основянской. В районе современной Заиковки есть Основянская и Квиткинская улица, да еще — Аравийская улица и переулок.

Что же касается современной Основы, то она ничего общего с квиткинской не имеет — ничего, кроме названия. Когда в 1910 году в трех верстах от бывшей квиткинской усадьбы построили железнодорожную станцию, то начальство почему-то решило назвать ее Основой — по-видимому, ничего достойнее придумать не смогли. А о том, где была старая Основа — родовое гнездо Квиток — все потихоньку забыли...

Владимир Нестерук

АДАМ МИЦКЕВИЧ — В ХАРЬКОВЕ

Честно говоря, меня до сих пор смущает обилие действительно великих людей, живших, учившихся, работавших или просто бывавших в Харькове, их сотни, а может быть, и больше.

Отдельная и зачастую трагическая страница истории — Харьков и поляки. Именно харьковчанин в конце XVIII века взял в плен героя Польши Костюшко. У нас учился создатель Польской республики — Юзеф Пилсудский; в Померках, перед Отечественной войной, уничтожали польских офицеров. И совсем малоизвестная история — Харьков и великий польский поэт Адам Мицкевич.

12 ноября 1825 года Мицкевич выехал из Одессы в Москву и почти на месяц остановился в Харькове. Он посещает своих друзей — профессора Игната Даниловича и преподавателя Ивана Криницкого. По их настоянию состоялся осмотр харьковского университета, одного из первых университетов Российской империи. На квартире Даниловича и в университете состоялись встречи Мицкевича и украинского деятеля науки и культуры, писателя Гулака-Артемовского. Разговор шел о литературе, искусстве, освобождении Польши. Поэт, очарованный городом, назвал Харьков истинной столицей Малороссии. Гулак-Артемовский на польском поблагодарил гостя, а спустя несколько недель им был осуществлен перевод поэмы Мицкевича «Твардовский» на украинский и русский языки. Так начиналась дружба двух талантливых людей.

Адам Мицкевич

Мицкевич выехал в Москву. Еще несколько раз он будет посещать Харьков, встречаться с харьковскими деятелями культуры, преподавателями, студентами.

Москва встретила страхом и молчанием: пока он гостевал в Харькове, в Петербурге произошел мятеж декабристов, после разгрома на Сенатской площади по всей империи шли аресты. Несмотря на смутные времена, состоялось знакомство с Пушкиным, перешедшее в дружбу. Мицкевич работает в канцелярии Московского губернатора. Переезд в Петербург, здесь выходит его поэма «Конрад Валенрод» и два тома стихотворений. В 1829 году Адам навсегда покидает Российскую империю и родную Польшу, странствует по Италии, живет в Риме, Венеции. Здесь его и застает известие о Польском восстании. Он едет
дорогам Германии — Саксония, Познань. Собирается переходить
ницу, но восстание разгромлено, русские войска заняли Варшаву. После
сещения Дрездена Мицкевич переезжает в Париж, который стал его
рой родиной, пишет военные баллады, призывает к разгрому России,
дит в «Демократическое польское общество». В 1834 году выходит его
эма «Пан Тадеуш», чуть позже — женитьба на польской эмигрантке
лине Шимановской. С 1839 года в Коллеж-де-Франс открыта кафедра
вянской литературы, где и преподает поэт.

В 1848 году Европа охвачена пламенем революций: Франция, Гер-
ния, Австрийская империя, Италия, Испания. Казалось, королевс-
е престолы вот-вот падут. Адам в Италии создает польские легио-
, цель — поход на Варшаву. Впрочем, русские войска быстро наводят
рядок в Европе. Мицкевич издает газету «Трибуна народов». В Па-
же он встречается с Герценом, Бакуниным, Прудоном. За свои взгля-
уволен из Коллеж-де-Франс. Выступает против политических воз-
ний Карла Маркса. Скромная библиотекарская работа при Арсенале,
следний путь в Турцию, надежда на освобождение родной Польши.

Но поэты остаются в истории совсем по другим причинам, оста-
ся благодаря своим стихам.

Инна Можейко

ЛЕВ НИКОЛАЕВ И ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Лев Петрович Николаев родился в 1898 году в Таганроге, в семье философа и активного идеолога толстовства. Вырос во Франции, куда отец, преследуемый за свои взгляды, вынужден был переехать. Учился в Сорбонне: сначала — на естественном, затем — на медицинском факультете. Там он впервые заинтересовался анатомией и антропологией, но мечта вернуться в Россию и стать земским врачом оказалась более весомой: после Февральской революции, когда сыну опального философа представилась возможность вернуться на родину, он делает это, не колеблясь.

Лев Петрович Николаев

Местом жительства молодой врач избирает Харьков: во-первых, тут жил его дядя Петр Успенский, родственник знаменитого писателя Глеба Успенского, а это значит, что на первых порах он мог помочь в обустройстве. Во-вторых — и это самое важное — в Харькове до революции сформировалась серьезная, признанная в европейских научных кругах, научная анатомическая школа.

В 1920 году Лев Николаев окончил медицинский факультет Харьковского университета. Видя научную эрудицию и профессионализм вчерашнего студента, ему предлагают должность преподавателя анатомии на биологическом факультете, а через четыре года его избирают профессором и заведующим кафедрой анатомии человека. Для 26-летнего ученого это была головокружительная карьера!

Впрочем, карьера интересовала Льва Николаева меньше всего. Одновременно с преподаванием в университете он работает в Украинском психоневрологическом институте, где возглавляет группу, занимавшуюся уникальными антропологическими исследованиями.

Задача, которую поставил Николаев перед своей группой, поражает воображение людей, даже далеких от антропологии. Лев Петрович

решил проследить антропологические особенности населения Харьковщины и выявить влияние на них следующих факторов: окружающей среды, социальной и национальной принадлежности. Для этого на заводах, призывных участках, в тюрьмах была открыта целая сеть пунктов антропологических измерений, где ученые обследовали тысячи людей.

Опубликованные результаты выглядели, мягко говоря, неожиданно. Выяснилось, что средний женский рост для Харькова — 154—166 см, а мужской — 166—170 см. Самыми высокими оказались харьковчане украинской национальности, зато у русских была больше окружность головы. В большинстве своем жители нашего города были темноволосыми, самый распространенный цвет глаз — серый. Кроме того, была установлена интересная зависимость — чем выше социальное положение, тем выше рост и тем больше процент темноглазых и темноволосых.

Благодаря этим работам Николаев становится известен как видный антрополог не только в СССР, но и за границей. Однако в конце 20-х годов на подобные исследования был наложен запрет. Лев Петрович переключился на совершенно новую для себя область деятельности — промышленную антропологию. Фактически он был первым ученым, который данные анатомии и антропологии поставил на службу промышленности. Он ответил на важнейшие по тем временам вопросы. Как сделать одежду и обувь удобной именно для местного населения? Сколько процентов какого размера и роста одежды нужно выпускать? Профессор Николаев, отвечая на них, одновременно учит швейников правильно кроить и шить, а обувщиков делать анатомически удобную обувь. Важность этой работы могут сегодня оценить не только ортопеды, которые знают, к каким бедам и проблемам может привести неправильно изготовленная обувь, но и любой из нас, приобретя такую обувь где-нибудь на базаре.

В 1934 году директор института ортопедии Н. Ситенко предлагает Льву Николаеву организовать первый в СССР отдел биомеханики, и ученый третий раз в своей жизни начинает буквально с нуля. Что происходит в нашем теле, когда мы движемся или стоим? Как распределяется нагрузка на кости, связки и суставы в здоровом организме? А как все изменяется, если человек болен? На эти вопросы и должна была ответить создаваемая лаборатория. Ни одного пациента в институте ортопедии не начинали лечить без ее заключения. Одновременно группа Николаева занималась восстановлением трудоспособности инвалидов, разрабатывая рабочие протезы, возвратившие сотням искалеченных людей радость полноценной жизни. Наверное, все предшествующие исследования Льва Петровича были лишь подготовкой к занятиям биомеханикой и это, увы, единственное, что имеет последователей сегодня.

Постепенно научная деятельность Льва Николаева все больше идет в разрез с общей обстановкой лжи и идолопоклонства в стране. Он был бескомпромиссным человеком и не признавал кумиров ни в науке, ни в политике. В 1936 году дошла очередь и до него. Власть имущим не понравилось, что «у украинцев средний размер стопы больше, чем у русских и евреев». И, несмотря на то, что антропологией Николаев давно перестал заниматься, биологический факультет университета, где попавший в опалу ученый заведовал кафедрой анатомии, поспешил от него отмежеваться — его вынудили уволиться. Это было последним ударом по харьковской антропологической школе. Ее разгром был таким образом завершен. Жена Льва Николаева и одновременно — его сподвижник и единомышленник — известный антрополог Ольга Викторовна Недригайлова — тоже потеряла работу. До войны основным местом работы для обоих был ортопедический институт.

Когда началась война, больной астмой профессор Николаев с семьей остался в Харькове. Он пережил все ужасы оккупации, спасал раненых солдат-красноармейцев, попадал под облавы, голодал. Когда фашисты начали грабеж музеев, он согласился занять пост заведующего музеем кафедры анатомии мединститута, добился выдачи охранной грамоты на него и тем самым спас от пожаров и грабежей этот ценнейший научный музей, сохранив 3 тысячи препаратов, в том числе и дореволюционных, а также библиотеку в 150 тысяч томов и архив.

В августе 1943 года Харьков встречал освободителей. На площади — митинг. Александр Довженко снимал хронику. Его внимание привлек изможденный мужчина интеллигентного вида, который рассказывал о том, что происходило в Харькове в период оккупации. Это был Лев Николаев. А чуть позже в местных газетах были опубликованы отрывки из дневников профессора. Алексей Толстой, ознакомившись с ними, долго беседовал с автором и посоветовал Льву Петровичу подготовить к печати книгу воспоминаний. Но наука забирала у профессора все силы, и совет Алексея Толстого так и остался советом. В послевоенные годы вышли другие книги Николаева — те, которые и по сей день остаются настольными для ортопедов, травматологов и протезистов. Методики, им разработанные, уникальны, а значение его исследований пока еще не оценено обществом в полной мере. Наверное, профессор Николаев, как и все талантливые люди, просто опередил свое время.

Наталья Шубенко

ДВЕ ЖИЗНИ ИОСИФА ШИЛЛИНГЕРА

В начале 1921 г. в Харькове вышла в свет небольшая книга, изданная типографией школы-клуба печатного дела. Автор — профессор Шиллингер. Название — «Скрижаль Теурга». Не только название, но и посвящение было необычным «Себу — Богу Египетскому, Человеку — Андрею Белому». В общем, не поняли харьковчане, что белые стихи этой книги могли стать манифестом нового искусства. Могли, но не стали. Столичный, прогрессивный, наполненный новаторскими идеями Харьков, ризнанный музыкально-театральной столицей Юга России, оказался е готов к явлению пророка. На книгу Шиллингера моментально повилась разгромная рецензия. В журнале «Художественная мысль» пеатается пародия следующего содержания: «Когда бы он попал на Іил, чтоб футуризмом тешить Себа, наверно Бога б рассердил и тот казал бы: «Ще не треба!».

Так что же было «не треба» Харькову? И кто такой Иосиф Шилингер, вызывавший столь яростные нападки в свой адрес? Увы! Если ы этот вопрос прозвучал где-нибудь в Соединенных Штатах Америи, вам бы немедленно ответили: «Шиллингер? Тот самый? Которого азывают отцом современной музыки? Да ведь он — автор оригинальой системы, по которой преподается теория композиции в ведущих онсерваториях Запада. Он консультировал Глена Миллера, Бенни 'удмена и даже Джорджа Гершвина, который под непосредственным лиянием Шиллингера написал свой шедевр оперу «Порги и Бесс». 3 двадцати крупнейших музеях и культурных центрах США хранятся вязанные с его именем коллекции, а Альберт Эйнштейн назвал системy Шиллингера в музыке аналогом теории относительности в физике. Как можно этого не знать? Ведь это известно всему цивилизованному иру!» Миру — да! А что же Харьков? Да попросту забыл наш «про-

священный» город о своем пророке, и факт рождения великого музыканта в Харькове 18 августа 1895 г., хорошо известный на Западе, является откровением для соотечественников маэстро. И это тем более удивительно, что, в отличие от многих звезд, связь которых с Харьковом фактом рождения и ограничивается, Шиллингер по окончании Петербургской консерватории вернулся в родной город и на протяжении четырех весьма бурных лет (1918—1922) служил ему верой и правдой. В годы революции, гражданской войны, НЭПа, он, пережив 14 смен власти, умудрился сделать так много, что просто не верится, что это — дела одного человека: возглавил Комитет народного образования, работал профессором консерватории и деканом композиторского факультета, принимал активное участие в деятельности прогрессивной «Молодой филармонии», давал концерты совместно с звездами первой величины, такими как Владимир Горовиц и Натан Мильштейн. Шиллингер был создателем необычного по тем временам коллектива, известного под названием «Эстрадно-симфонический оркестр Украины» (по сути, это были первые шаги симфоджаза в нашей стране). И, самое главное — именно в Харькове он начал работу над своей новаторской музыкальной системой, основанной на убеждении: искусство рационально, следовательно, может быть возвышено до ранга точной науки. В чем же суть системы? Что можно было придумать новое с пресловутыми семью нотами, которые, казалось, исчерпали все возможные комбинации? Идея Шиллингера проста, как все гениальное. Вместо привычной 7-ступенной гаммы он предлагает новую. В ней 8 нот, и, в отличие от традиционного мажора и минора, она звучит «объемно», так как в ней заложен тональный сдвиг (Шиллингер называет это игрой светотени). Подобная музыка как раз в это время уже рождалась в далекой Америке: необходимость изменений в традиционном искусстве уже назрела. В Соединенных Штатах это были негритянские песнопения, которые, соединившись с европейской традицией, собственно, и породили джаз. Но ни одному человеку в мире, кроме харьковчанина Иосифа Шиллингера, не пришло в голову создать на этой основе научную теорию. Теперь понятно, почему у продвинутых американских джазменов консультации Шиллингера были нарасхват.

Но вернемся в Харьков, которому, как мы выяснили, все это было «не треба». В Шляпном переулке раз-

мещалась мастерская и салон дамских шляпок, принадлежавший Анне Шиллингер, матери композитора. По другую сторону Николаевской площади, где сейчас кафе «Восточные сладости» — кондитерская, тоже собственность семьи. В детстве маленького Иосифа отличала пытливость, побуждавшая ломать игрушки, чтобы посмотреть как они устроены. В 5 лет он начал рисовать и проявлять интерес к драматическому искусству и стихосложению. В 10 лет начал экспериментировать с музыкой и писать пьесы, в 17 — активно изучал математику, физику, акустику, теорию литературы. Он никогда не мог понять музыкантов, которые приходили к нему, услышав, что его система — кратчайший путь к композиции, а узнав, что курс займет 3—4 года, говорили: «О, я слишком стар, чтобы учиться так долго».

Из Харькова он уехал в 1922 г., потому что вдруг понял: при всей его востребованности и загруженности работой, его жизнь в Харькове потеряла смысл. Человек, провозгласивший себя пророком, должен двигаться вперед. Творческое осмысление своей системы Шиллингер продолжает в Петрограде. Пишет музыку, читает лекции, проводит первый в России джазовый концерт.

Даже в самых смелых мечтах Иосиф не мог предвидеть, что год спустя после этого концерта переедет в Америку и станет педагогом видных американских композиторов и интерпретаторов джаза. И, тем не менее, 13 ноября 1928 г., в возрасте 33 лет, Иосиф, уже превратившийся в Джозефа, прибыл в Нью-Йорк. Позади осталась его первая жизнь, в которой иногда по три месяца приходилось питаться воблой и случайным куском черного хлеба, терпеть обвинения, что он пишет «недостаточно пролетарскую» музыку, мириться с издевками, читать пародии на то, что было откровением его души и манифестом нового искусства. Начиналась жизнь вторая, и харьковский пророк шагнул в нее легко и уверенно, чтобы стать основоположником музыки будущего и войти в реестр классиков.

Инна Можейко

СОБОР

Сердце Харькова, его исторический центр — Университетская горка. Именно здесь находится здание Успенского собора, неразрывно связанного с историей города.

1658 год. Харьковский воевода Офросимов пишет царю: «...в Харьковском, государь, твое царское богомолье построена соборная церковь Успенье Пресвятые Богородицы красного и новаго леса...». Городу Харькову в тот момент исполнилось всего четыре года, и скорее всего, первый в городе храм — главный, имевший статус собора, строили одновременно с крепостью. Название церковь получила от праздника Успения Богородицы, который относится к «двунадесятым», то есть наиболее значительным в православии.

Он отмечался в августе и совпадал в России с окончанием жатвы. Выбор такого названия для главного храма города не случаен — культ Богородицы как народной заступницы был широко распространен и во многих русских и украинских городах главный храм города освящался в честь этого праздника.

Сам храм был деревянным и небольшим — «меж углы четыре ıжени» — то есть около 8,5 метра. Не отличался он и убранством — :е тот же воевода Офросимов, привыкший к благолепию московских ıамов, сообщал царю: «А образов местных и деисусов нет, черкасы олятся бумажным листам, своему литовскому письму и стенам». Первая спенская церковь находилась немного южнее нынешней — на месте краинского культурного центра «Юность» и ресторана «Старе мисто».

Через 20 лет быстро выросшему городу соборный храм становится ɜсен. В 1685 году стараниями харьковского наказного полковника ıвдия Григорьевича, внесшего основную сумму, прихожан, жертвовавших на храм, а также за счет казны, начинается строительство первого в городе каменного собора, ставшего также первым каменным данием Харькова. Он был освящен в 1688 году и был похож на ıольшинство соборных храмов Слобожанщины — пятиглавый, кресово-купольный, с отдельно стоящей шатровой колокольней. Однако ıростоял он недолго — 3 мая 1733 года вспыхнул один из самых сильıых за всю историю города пожар, уничтоживший 300 дворов. От Успенского собора уцелели только каменные стены. Через год его от:троили, купола вместо гонта покрыли белой жестью и вызолотили крест, но судьба собора была предрешена: в здании появились многоıисленные трещины и к 70-м годам XVIII века проблема строитель:тва нового собора становится самой насущной проблемой города.

Каким быть главному храму Харькова — не скромного полкового города, каким он был раньше, а торгового и промышленного центра Слободско-Украинской губернии? Екатерининские времена требовали ıредставительности, солидности и даже помпезности. А потому при ıбсуждении вопроса о строительстве нового храма решили не доволь:твоваться проектами местных умельцев, а взять за образец здание храма Св. Климента, построенное в Москве по проекту архитекторов А. Евлашова и Д. Ухтомского. Храм строился в то время, когда барокко — господствовавший ранее стиль в архитектуре — постепенно уступает место классицизму. Поэтому внешний вид собора — строже, сдержаннее, чем обычные барочные храмы, зато внутри, по воспоминаниям очевидцев, храм представлял собой полную противоположность — пышные интерьеры были решены именно в этом стиле, а главным украшением храма считался резной золоченый иконостас, изготовленный, как гласит легенда, по рисункам великого зодчего эпохи барокко Бартоломео Растрелли.

Строили храм в течение двенадцати лет, что называется, всем миром. Как правило, главный городской храм возводился на деньги казны, но харьковчане в своем религиозном усердии это правило отменили. Был организован сбор средств, и жители не только Харькова, но и других городов Слобожанщины жертвовали деньги на его строитель:тво. Любопытный факт — некий харьковский житель Д. Шаповал,

оставив большое хозяйство и семью, в течение десяти лет ходил по городам и селам, собирая «доброхотные подаяния».

В 1783 году строительство храма было полностью завершено и он становится городской достопримечательностью не только благодаря своему внушительному внешнему виду и пышности интерьеров. Здесь хранились две особо почитаемые верующими иконы — икона Елецкой Божьей Матери, обретенной в 1060 году и переданной в харьковский городской собор в 1687 году князем Даниилом Борятинским и икона Святителя Николая, прославившаяся во время войны 1877 года на полях сражений в Болгарии чудесным спасением многих солдат.

13 февраля 1819 года на собрании известных харьковских граждан было принято решение о строительстве новой колокольни «самой лучшей архитектуры» — в честь славного окончания Отечественной войны 1812 года. К имеющимся в соборной кассе 10 тысячам рублей, пожертвованных купчихой Прасковьей Тамбовцевой, было собрано еще 25 тысяч. Архитектурный проект был поручен архитектору университета Евгению Васильеву, построившему здание университетской церкви (ныне УКЦ «Юность»), дом Дворянского Собрания и многие другие здания. Евгений Васильев спроектировал «колокольню великой колоссальности» — она была выше колокольни Ивана Великого в Москве — своеобразного стандарта для храмовых зодчих. Легенда гласит, что городской голова В. Ламакин потребовал переделать проект с тем, чтобы уменьшить высоту колокольни, однако архитектор его перехитрил, и вместо общей высоты он на чертеже поставил размеры каждого яруса в надежде, что никто их складывать не будет. Так и вышло, в результате Харьков стал обладателем уникальной колокольни высотой в 89,5 метров, которая и по сей день является самым высоким зданием Харькова. Ее строительство длилось 23 года. На постройку было израсходовано 3,5 млн штук кирпича, на укрепляющие стены связи пошло 64 тонны железа. Толщина стен в основании превышает 4 метра. На ней было установлено 12 колоколов весом от 16 тонн до 8 кг. В 1862 году на колокольне были установлены часы с боем, заказанные в Париже у фирмы «Борель». Успенский собор был зданием, в котором побывали все русские императоры, начиная с Екатерины Великой, за исключением Павла I. В 1826 году в нем в течение трех суток находилось тело умершего в

Таганроге императора Александра I. Здание входило во все путеводители как одна из главных городских достопримечательностей, несмотря на то, что главной церковью Харькова храм перестал быть в 1846 году.

После революции храм закрыли, кресты снесли и устроили здесь сначала радиостанцию, а позже — красильный и швейный цеха. Разрушены были и все пять куполов собора. Знаменитый иконостас разобрали и передали Художественному музею. В годы Великой Отечественной войны иконостас сгорел.

Реставрация Успенского собора началась в 1975 году. А 1 июня 1986 года здесь был открыт первый в Харькове органный зал на 500 мест с уникальным органом, изготовленным в Чехословакии.

Виктор Кофанов

ХАРЬКОВ – ГОРОД РЫБНЫЙ И ПРОЧИЕ БРЕДНИ

«Харьков основан в 1654 году у места слияния рек Харьков и Лопань», так начинаются большинство путеводителей по нашему городу. «Местное население занималось в основном ремеслами, торговлей, охотой и рыболовством».

Здесь же чуть позже «...а там где сливаются реки, когда-то существовали Рыбные ряды, положившие начало Рыбному рынку, а позднее Рыбной площади».

Дьяченко
«Улицы и площади Харькова»
1974 год

Первые серьезные рыбаки появились на берегах наших рек около восьми тысяч лет назад. Именно к этому периоду времени относят найденный в районе Салтовки костяной рыболовный крюк. Судя по его размерам, рыбалка выглядела в то время так: древний харьковчанин шел по берегу и, завидя рыбу, бил ее этим крюком по голове. Позднее, и это уже не шутка, ходили на рыбалку с луком.

Однако охотник не всегда значит рыболов, так в поселениях скифского времени на территории Харьковской области не обнаружено ни следов рыбоедства, ни орудий лова, а вот сарматы и аланы, пришедшие и завоевавшие скифские племена рыбку любили и ловили, а может эти крюки предназначались древними харьковчанами для ловли местных водоплавающих динозавров-плезиозавров, один из которых экспонируется в нашем музее природы, впрочем, к тому времени их уже не было, а скоро не стало и сарматов. Наступала эпоха славян. Но рыба ни в количестве, ни в размерах меньше от этого не стала. При раскопках Донецкого городища обнаружили множество рыбьей чешуи и костей. По ним определили, что в рыбные дни на столе местных жителей присутствовали лещ, сазан, красноперка, плотва и осетрина. Причем некоторые экземпляры достигали просто пугающих размеров. Эх, лепота!

Естественно наши предки не сидели по берегам рек с удочками. Излюбленными способами порыбачить были: ловля с острогой, кор-

зинами, сетями и запруды (их еще называли езы или язы). Они представляли собой рыболовную плотину из вколоченных в дно реки двух рядов кольев. В плотине оставались отверстия-окошки различной величины для пропуска воды и ловли рыбы.

Относительно сонное течение жизни местной рыбы закончилось с появлением первой партии переселенцев, основавших наш город. И забросил казак невод, а в неводе рыбы 30 видов: и осетры со стерлядью, и щуки с карасями, голавль, окунь, сом, вырезуб и прочая. Торговали рыбой здесь же на рынке у южной стены крепости. Через век от рождества Харькова на карте уже указаны рыбные ряды.

К концу XVIII века реки губернии стали стремительно мелеть, а рыба мельчать. Все беды, как это бывает обычно на Руси, начались от водки. Дело в том, что проклятый русский царизм, желая привлечь украинских казаков на свою сторону, разрешил оным открывать винокурни и производить самогон на продажу. Причем, продажу фактически беспошлинную! Леса губернии пошли на топливо, реки же соответственно стали пересыхать. Осетровые постепенно отступали в южном направлении. Но кто же оставит без важного дешевого продукта питания бедных харьковчан. Крестьянские обозы из окрестных слобод и деревень теперь ежедневно прибывали в город и вскоре рыбные ряды стали называть Рыбным базаром, а к середине XIX века и казачий Ростов сообразил, где рынок пустует. Домишки горожан той части Сенной улицы, что примыкает к Рыбной площади, превращаются в Ряд рыбных бутиков, как сейчас сказали бы, а улица меняет название с Сенной, конечно же, на Рыбную.

Правда, современникам этот квартал запомнился еще и, цитирую, «наличием тяжелого запаха, который так разителен на Рыбном базаре и от которого слабонервный человек может свалиться с ног».

Население губернии к концу XIX века занималось уже не рыбной ловлей, а, не побоюсь утверждать, геноцидом рыбного народа. В своей книге «Рыбы России» Леонид Павлович Сабанеев перечисляет наиболее распространенные способы рыбоистребления характерные для южных регионов империи; здесь переметы, подпуски, ловля неводами, бреднями, волокушами, курицами, мережами, наметками, малушками, фитилями, чмохами, самодером, багренье, стрельба во время нереста и т. д.

В это же время вошел в моду яд кукельван, ввозимый контрабандой и вначале применявшийся для подделки пива. Затем им стали успешно травить рыбу.

В довершении жуткой картины хочу процитировать Вестник рыбопромышленности за 1894 год: «Начиная с июня месяца, в маловодную речку Харьков выпускается ежедневно(!) свыше 2500 пудов(!) грязных отбросов шерсти и грязной глины, употребляемой для перетирания шерсти. Помимо сильнейшего зловония, издаваемого речками, служащими источниками заразы для людей и скота, значительная часть

рыбы засыпает и появляется вздутая на поверхность, разлагаясь в свою очередь».

Но рыбы не кричат, они страдают молча, и нельзя сказать, что на стоны из-под воды не обращали внимания. Харьковский ихтиолог Г. Л. Гадд в бюллетенях Харьковского общества любителей природы за 1916 г. предлагал не только охранять все рыбные богатства вообще, но и спасать отдельные редкие виды рыб. Основными мерами по увеличению рыбных запасов он считал охрану нерестилищ, создание рыбных заказников, искусственное рыборазведение и улучшение рыбоохранного законодательства.

Первая Столица не заставила себя ждать. Так, правила рыболовства в УССР были утверждены 24 марта 1921 года, через год правительство принимает декрет «О праве граждан на рыбную ловлю», а самым известным харьковским рыбаком был председатель ВУЦИК Петровский.

Несмотря на все усилия, рыба из наших водоемов продолжала исчезать. Последнюю стерлядь выловили под Харьковским мостом в 1920 году, в 1938 исчезла минога. Грустные факты, однако, катастрофы не произошло.

В разгар кампании по освоению целины в харьковских газетах появляются статьи под заголовками «Больше свежей рыбы трудящимся», «Разводить рыбу умеючи», «Беречь богатство голубой нивы», а это значило, после коллективизации, химизации пришло время рыбизации. «Зарыблять» было что, к 1964 году было закончено строительство Печенежского водохранилища. К традиционным жителям наших рек попытались подселить новых жильцов, амура и толстолоба — тот случай, когда и рыба и мясо.

Несмотря на то, что рыба в наших речках находится не в самых комфортных условиях, верным рыцарям удочки и сегодня есть на что надеяться. Чаще всего терзают поплавки уклейка, плотва и травяной окунь. Хотя мало кто из зрителей знает, что можно встретить и бычков и толстолобика, а налим очень даже хорошо ловится в районе Барабашовского метромоста, да и с осетровыми окончательно не распрощались. В 1967 году поймали стерлядь в Краснооскольском водохранилище, а в начале 80-х — в Печенежском. Вот так-то!

Прохожий, бросив взгляд на множество кругов, расходящихся по нефтяной пленке харьковских рек, хмыкнет про себя: «Надо же живуча!». Однако если харьковградцы и далее будут относиться к рыбоводным проблемам Первой Столицы так, как это было на протяжении последних двух веков — ловить нашим детям будет нечего.

Инна Можейко

ПАРК ГОРЬКОГО:
история с лирическими отступлениями

В моем детстве было два главных события, повто-зшихся каждое лето: одно — поход в зоопарк, а другое — нет, не рк и не кукольный театр, а день, проведенный в парке Горького. чели-лодочки, карусель со зверями, выкрашенными масляной крас-й, и волнение — очень хотелось сесть верхом на лошадь, а не до-іьствоваться местом в повозке. А мама, такая молодая и красивая, шет мне рукой из-за ограды и кричит: «Держись крепче!». И самое ́сное на свете мороженое, и холодный в жару лимонад из автомата, ощущение блаженной усталости к вечеру... Потом я приводила сюда эего сына, а когда-нибудь приду с внуками — точно также, как сячи харьковчан. Ведь парк Горького для каждого из нас — нечто льшее, чем просто любимое место отдыха горожан, как о том пишут ычно в туристических брошюрах. Его история и его судьба неотде-мы от истории и судьбы Харькова.

К концу XIX века в Харькове было несколько садов, открытых для ıрокой публики. Носили они весьма романтические названия, на-имер, сад Альгамбра, сад Тиволи, сад Бавария. Правда, по сути это ли большие скверы. Роль центрального парка выполнял Универси-тский сад (сейчас это сад Шевченко), самый старый и самый боль-ой сад в городе. Однако принадлежал он университету, а его разме-к этому времени были маловаты сильно выросшему городу. Газеты сали, что летними вечерами там собирается такое количество люби-іей свежего воздуха, что становится буквально нечем дышать. По-эму в 1893 году власти приняли решение — заложить городской сад. зета «Южный Край» сообщила: «В Городской Управе возникло пред-ложение засадить деревьями от 20 до 40 десятин по обе стороны мского шоссе».

Местом для будущего сада выбрали далекую окраину — в те време-город заканчивался в районе современной улицы Культуры, а здесь ıл голый пустырь с оврагами, который харьковчане называли раз-йным местом. В 1894 году здесь началась разбивка территории и садка деревьев. Первоначально городской сад был предназначен толь-для конных прогулок — ведь он находился достаточно далеко от рода, а потому его решили разбить по образцу Булонского леса — с

аллеями для верховой езды и катания в экипажах. Действительно, чем Харьков не Париж?

Сажали городской сад, что называется, всем миром: студенты и преподаватели, гимназисты и школьники — в свободное от занятий время и совершенно бесплатно. Еще 20 лет назад были живы свидетели следующего факта: у каждого дерева была укреплена табличка с именем того, кто его посадил. А в мае 1899 года харьковские студенты и гимназисты вновь высадились здесь с добровольным трудовым десантом — и появились новые аллеи, заложенные в честь 100-летия со дня рождения Александра Пушкина. В результате площадь сада увеличилась в два раза и составила 90 десятин, то есть 98 гектаров. В 1907 году городской сад был открыт для посетителей.

После Октябрьской революции парк становится не столько местом отдыха, сколько местом образования и воспитания трудящихся. Идеологически выдержаны были даже мишени в тире. В 1932 году принимается решение о превращении городского сада в коммунальный парк, а его площадь была доведена до 130 гектаров.

В 1938 году парк получил имя Горького. Какое отношение великий пролетарский писатель имел к пролетарскому же отдыху — сегодня сказать трудно; почему-то в тот период большинство центральных парков крупных городов называли его именем. Но то, что харьковский парк имени Горького превратился в целый воспитательно-развлекательный город, не вызывает сомнений. Вот факты. Накануне войны в парке были: Зеленый театр на 10 тысяч мест, музыкальная эстрада для симфонического оркестра, несколько эстрад для духовых оркестров, павильон-читальня на 300 мест, павильон техники, выставочный павильон, кинотеатр на 1200 мест, разнообразные аттракционы, фонтаны и цветники. Аллеи были украшены скульптурами: традиционные гипсовые девушки с веслами, жизнерадостные юноши и животные.

А за год до войны парк приобрел еще одну диковину — здесь была открыта первая в Украине детская железная дорога протяженностью 3,6 километра.

В годы войны все сооружения парка были разрушены. Погибла единственная в Украине кедровая роща, были вырублены многие редкие деревья и кустарники. На второй день после освобождения Харькова методом народной стройки началось восстановление парка.

Пожалуй, наивысшую точку своего расцвета парк имени Горького переживал в 50—60-х годах. Объяснялось это просто: телевизоров тогда почти не было, а привычка проводить свободное время коллективно еще сохранилась. А потому в праздничные дни здесь собиралось около 100 тысяч человек. И часто — не только развлечения ради. На аллеях были установлены специальные почтовые ящики, куда граждане опускали записки с вопросами, их интересующими, а потом устраивали публичные вечера вопросов и ответов. Работала справочно-консультационная площадка, где дежурные специалисты давали консультации по вопросам медицины, правовым вопросам, проблемам семьи и брака. На шахматные турниры с участием знаменитых гроссмейстеров собирались сотни людей. Проводились тематические вечера культуры и искусства, выставки и народные гуляния, работала библиотека с фондом в 6 тысяч книг и числом читателей — 35 тысяч, кружки детского творчества и, конечно же, аттракционы. За один летний сезон их посещали 1 миллион 200 тысяч детей и взрослых — это все население города, включая стариков и грудных младенцев. Но — отдых отдыхом, а о пропаганде здесь не забывали. При большом стечении народа читали лекции по истории Коммунистической партии, партийному и советскому строительству. Чего стоит, например, одно название некоторых из них: «СССР — великая железнодорожная держава», или — «Достижения науки — в производство».

В результате харьковский центральный парк культуры и отдыха имени Горького регулярно занимал первые места на всесоюзных конкурсах.

В 70-е годы парк обогатился двумя достопримечательностями. Во-первых, здесь была пущена канатная дорога — одновременно и аттракцион, и вид транспорта. А во-вторых, был открыт первый в стране зал музыкальной светоживописи — нового вида искусства, придуманного харьковчанином Юрием Правдюком. После этого парк Горького стал местом активного паломничества иностранных туристов, которых привозили сюда продемонстрировать то, чего не было ни в Советском Союзе, ни во всем мире. А вот всевозможные лекции, беседы, концерты и прочие коллективные формы проведения досуга обычных людей перестают интересовать — дома появился новый источник информации и развлечения — телевизор. Поэтому парк Горького становится парком не столько культуры, сколько отдыха.

Сегодня в парке Горького изменилось многое. Он изо всех сил пытается вписаться в рыночные отношения — также, как и мы. Сетовать на это столь же бессмысленно, как и обвинять время в том, что оно идет. Ведь парк — это не только наш город, но и вся Украина в миниатюре. От величественных входных ворот с колоннами, к которым привыкло не одно поколение харьковчан, не осталось и следа. Исчезли лекционные площадки — ну кто сейчас пойдет в парк слушать лекции! В руинах лежит Зеленый театр. На газетном кругу давно отсутствуют не только газеты, но и стенды для них. Грустят в одиночестве карусели-цепочки. Зато появились новые развлечения, которых здесь раньше никогда не было. И по-прежнему сидят пенсионеры на скамеечках, и по-прежнему по тенистым аллейкам бродят влюбленные парочки, и по-прежнему харьковчане приводят сюда своих детей и внуков.

Андрей Парамонов, Инна Можейко

ХАРЬКОВСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ – ИСТОРИЯ БЕЗ МОРАЛИ

О проституции сейчас говорят много и охотно. Кто-то считает ее злом, но неизбежным. Кто-то ратует за то, чтобы «не пущать», кто-то выступает за легализацию того, что уже имеется — мол, и под контроль возьмем, и государство доходы получит. Но мы не будем ввязываться в дискуссию, а просто посмотрим, с чего все начиналось и как «это» было у нас в городе. Итак, история «про это» по-харьковски и без морали.

С чего «это» началось

Оговоримся сразу: мнение о том, что Харьков хотя бы когда-нибудь в своей истории был городом разнузданной морали, не выдерживает критики. Здесь не было крупного порта, где тон задавали бы истосковавшиеся по женщинам матросы. Патриархальную тишину нашего города 4 раза в год нарушали знаменитые харьковские ярмарки, на которые съезжалось огромное количество народа. Вот тут-то спрос на платную любовь резко возрастал. Соответственно, формировалось и предложение. Помимо классической формы предоставления секс-услуг в шинках и банях в город, в поисках заработков, стекалось огромное количество солдатских вдов и так называемых «накрытых девок», от которых отказались родные. Местом их обитания в XVIII веке были харьковские слободы — Захарьковская, Немышлянская, Ивановка, а главное требование, которое к ним предъявлялось — не заниматься любовью с мужчинами более низкого сословия. Вторая немаловажная причина, стимулировавшая проституцию в Харькове — относительно большое количество в городе военных. В XVIII, да и вплоть до последней четверти XIX века никого не интересовало, где находится солдат ночью и чем он занимается — главное, чтобы утром явился на поверку.

Понятие «публичная девка» на Харьковщине появляется лишь в начале XIX века. Первой харьковской проституткой, имя которой до нас дошло, можно считать некую Стрельникову. Известно, что она жила на Заячьем острове на реке Нетечи и принимала клиентов у себя на дому. Стоимость ее услуг колебалась от 10 до 15 копеек, что по тем временам равнялось цене одной курицы.

Совращенные дочери мещанок и не имеющие средств к существованию сироты из благородных сословий составляли отдельную касту. Для них занятие проституцией было не только средством борьбы за то существование, к которому они привыкли, но и способом удачно выйти замуж. Многие из них лелеяли именно такую мечту. Их становилось все больше, и в 1815 году волна проституции захватила центральные улицы Харькова. Харьковские власти начинают бороться за нравственность.

Первыми пострадали фарфоровые фигурки фривольного содержания, в большом количестве продававшиеся на ярмарках — их предписывалось уничтожать на месте. Жриц любви изгоняли с центральных улиц, а повторно попавшихся — штрафовали. Особо нахальных отправляли в тюремный замок, где с 1819 года была устроена женская камера. Но это мало помогло. Тогда правительство предприняло отчаянный шаг — «это» решили легализовать.

Легальное «это»

В 1841 году Министерством внутренних дел были составлены правила содержания борделей. Таким образом, проституция была узаконена, и в Харькове появляются первые публичные дома. Для них отвели место за рекой Харьков, в районе улицы Нетеченской и Михайловской (современной Красношкольной) набережной — с середины XIX века и до 1880 года именно здесь был район «красных фонарей», в котором насчитывалось около 150 притонов. Только на Нетеченской было сосредоточено 20 публичных домов, в которых обитали 92 проститутки. Самостоятельно на этой же улице обитало еще 36 путан. Кстати, фонари совершенно необязательно были красными, согласно правилам, они должны быть цветными, чтобы посетители не путали и не ломились в дома к обычным гражданам, живущим рядом. Некоторые здания, в которых тогда были «заведения», сохранились по сей день. Вот одно из них. Здесь в середине XIX века размещался один из первых публичных домов в городе.

Приходили сюда в основном мастеровые, а позже — промышленные абочие, которые платили за удовольствие рубль. Содержательницами аких легальных публичных домов средней руки были в основном меанки, часто в прошлом сделавшие успешную карьеру на ниве сексизнеса. Их прибыль за год доходила до 11 тысяч рублей серебром. Но ыли и совершенно исключительные случаи. Например, содержательица одного публичного дома совместно с владельцем гостиницы средей руки организовала любопытный бизнес. Хозяин гостиницы прилашал к приезжим, желающим поразвлечься, ее девушек. Те исполняли триптиз, а присутствующие устраивали аукцион. Первым даму выбиал тот, кто платил больше денег. Подогретые винными парами и зреищем приезжие сорили купюрами, а организаторы этого шоу получаи кругленькую сумму. И все это — в середине XIX века!

Самый высокооплачиваемый бордель Харькова в то время содерала киевская мещанка Ольга Надежина. У нее было 17 отлично ышколенных девиц из разных сословий, в том числе и дворянок, то называется, на любой вкус. Она содержала своего врача, работиц зарплатой не обижала, а ее доход составлял фантастическую умму — 45 тысяч серебром. Для сравнения скажем, что доход от ахарного завода с тремя тысячами сезонных рабочих в те времена оставлял 26 тысяч.

Знаменитые желтые билеты тоже были введены в середине XIX века момент легализации проституции. Их выдавали вместо паспорта на од. Они представляли собой таблицу из четырех страниц, в которую аписывались результаты еженедельного медицинского и полицейского осмотров. Эти билеты обязаны были иметь не только те публичные енщины, которые «работали» в публичных домах, но и так называеые «раструски», занимавшиеся «этим» в индивидуальном порядке и арабатывавшие не так уж много — в месяц не более 60 рублей (это ена 1 десятины земли до реформы 1861 года). Правда, самая красивая

харьковская публичная девка Авдотья Козлова однажды поставила рекорд — получила 3 тысячи рублей серебром за одну неделю от некоего чиновника Министерства внутренних дел, который так ею увлекся, что уехал из Харькова только после неоднократных напоминаний губернатора. Впрочем, иногда Харьков потрясали настоящие эротические скандалы. У нас была даже своя Моника Левински, но история не сохранила ее имени. Была она, как говорится, «не совсем в себе». Однажды она пришла в дом к чертежнику чугуевского юнкерского училища и осталась там на некоторое время. Через несколько лет, когда она уже была замужем, узнав, что чертежник получил дворянский титул, она подала на него в суд за совращение. В качестве улики она предъявила платье с якобы пятнами крови. Что это было на самом деле — установить было невозможно, поскольку анализ крови к тому моменту еще не делали. Чертежника спас хороший адвокат, который, сопоставив показания свидетелей, в том числе и прислуги, установил, что времени на совращение у него было всего лишь около минуты, включая раздевание и одевание.

К 1880 году публичные дома с Нетеченской наконец-то решили перенести. Причиной стало недовольство жителей этой улицы, которые буквально завалили губернатора прошениями о переносе района «красных фонарей». Эти прошения живописали буйства и непотребства, пьяные драки и вредное влияние на подрастающее поколение. «Несем мы через то позор и соблазн, в высшей степени убивающие нравственность не только слуг наших, но даже родных детей», — писали жители, по вечерам боявшиеся высунуть нос за порог своего дома. Тем не менее окончательно вопрос о переносе домов терпимости в другое место решился только после открытия здесь 4-й женской гимназии Миклашевского — ведь по существующим правилам публичные дома не могли находиться рядом с учебными заведениями и не ближе 150 саженей (то есть 320 метров) от церкви. В результате «заведения» перекочевали в район Фонарного переулка, Мало-Мясницкой и Плехановской улицы, где и находились вплоть до 1915 года. Так что все остальные «адреса» публичных домов, о которых много и охотно говорят старожилы (например, в районе Конторской или Университетской улицы) — не более, чем городские предания.

Там публичные дома могли находиться только нелегально.

Нелегальное «это»

Оно тоже имело место. Далеко не всем дамам полусвета хотелось получить желтый билет и остаться без паспорта, осо-енно из «благородных». Точно так же, как дворянкам не к лицу было фициально становиться бандершами. Потому в Харькове процветали айные дома свиданий. Один из них находился на Примеровской улице, в доме № 24, принадлежавшем дворянке Ольховской. Она рано вдовела, средств к существованию у нее не было. Потому вместе с одругой сначала занялась сводничеством — присылала к приезжим роституток под видом благородных женщин среднего и высшего круга. Разразился скандал, сводниц наказали, но урок не пошел впрок — ерез 10 лет эти же дамы организовали у себя в доме тайный бордель. аких случаев по Харькову были десятки, но не нужно думать, что ласти смотрели на это сквозь пальцы. Для надзора за проституцией и ыявления нелегалок в полиции существовали специальные агенты, оторых никто не знал в лицо. Первоначально они были из дворянкого сословия, а позже — из мещан.

Вообще же все, что касается проституции, в Харькове находилось од строгим контролем полиции.

Особой статьей была борьба с порнографическими картинками. амым злостным продавцом таких карточек был содержатель магазина Женева» на Московском проспекте. Он выставил в витрине такие арточки огромного размера, и проходящие гимназисты подолгу протаивали возле нее. А родители жаловались в полицию и просили ринять меры.

Главной причиной, по которой государство контролировало проституцию, было не столько желание собрать налоги, сколько необхо-имость контролировать венерические заболевания. В середине поза-рошлого века в харьковском гарнизоне, например, на излечении жегодно находилось до сотни солдат. Чиновники установили, что все ни заразились не в публичных домах, куда нижних чинов не пуска-и, а у раструсок, и часто даже не помнили — где именно. Кстати, ачиная с 1905 года, из городского бюджета ежегодно выделялось 50 рублей для содержания венерических больных и 600 рублей — для гентов по надзору за проституцией.

В начале XX века были даже составлены списки проституток Харь-ова, которые дошли до наших дней. Согласно им, число проституток борделях не превышало 250 человек, а на улицах — не более 300; того — 550 человек на город с населением в 283 тысячи жителей. 1915 году согласно предписанию МВД все публичные дома были акрыты, а помещения некоторых из них переданы воинским частям. Іо проституция не исчезла — она ушла в тень, где до сих пор сохра-илась — и, как утверждают специалисты, очень неплохо.

Инна Можейко

ЗАПОВЕДНИК ХАРЬКОВСКИХ ТРАДИЦИЙ

В 1804 году по ходатайству графа Потоцкого, попечителя учебного округа, на окраине города, на землях, которые харьковские обыватели уступили университету, было решено заложить сад, состоявший из двух частей: нижней, ботанической, для научных исследований, и верхней, английской — для общественных гуляний. Так началась история сада Шевченко.

Двести лет назад нынешний центр города был далекой окраиной, пустырем с оврагами и свалками. Но был отдан приказ — и эту территорию выровняли и вспахали. Узнав об этом, граф Потоцкий, большой знаток садово-паркового искусства, взялся за голову: при закладке был практически уничтожен естественный рельеф, составляющий главную прелесть английского сада, где деревья растут небольшими естественными группами, в отличие от французского регулярного парка, в котором все посажено по шнурочку и аккуратно подстрижено. Садовник был срочно послан в имение графини Браницкой под Киевом с повелением все внимательно изучить и устроить наш сад по образцу ее сада. Одновременно из Крыма, Западной Европы и местных знаменитых питомников везли семена и саженцы редких растений. Только за сезон 1807 года в будущем саду высадили три тысячи деревьев. Граф Потоцкий так лелеял свое детище, что за один год израсходовал

на него тысячи рублей вместо положенной одной. Результатом был гнев министра просвещения графа Разумовского. «Сады при университетах, — писал он, — учреждаются не с тем, чтобы они служили для прогулок сторонних посетителей. Посему предлагаю прекратить все издержки на английский сад». Университет сосредоточился на заботах о ботаническом саде, а общественный поддерживали лишь за счет продажи сена, скашиваемого тут же. Все дальнейшие 198 лет его существования были повторением этой истории: за взлетом следовал упадок и наоборот. Правда, периоды упадка были намного больше. Может, это просто традиция? Впрочем, сопоставляя факты, приходишь к выводу, что весь сад Шевченко — это какой-то заповедник наших харьковских традиций — плохих и хороших.

Сто лет назад газеты писали: «Университетский сад ежедневно к шести часам вечера наполняется горожанами, лишенными возможности дачной жизни и собирающимися сюда, чтобы подышать чистым воздухом. Но по широкой боковой аллее гуляет публика, вооруженная столь длинными шлейфами и поднимающая такую пыль, что трудно дышать. Устроен в саду павильон для кафе, в котором можно получить чай, кофе, молоко и прочее, с расставленными столиками, охотно посещаемый гуляющей публикой. В кафе играет электрическое пианино, чередующееся с фонографом. Устроен также маленький павильончик минеральных вод. Днем сад — место гуляния детей, устраивающих разные игры; для их развлечения существует в саду катание на козликах».

О развлечениях в университетском саду писали не только в газетах, но и в анонимках. Одна из них, поступившая в 1814 году на имя ректора университета Осиповского и харьковского полицмейстера, гласила буквально следующее: «Сделалось мне известным, что в саду, здешнему университету принадлежащему, двукратно приступлено было

пускать тепловые воздушные шары, и токмо за сгорением оных на месте остались они не запущенными.» Как ни странно, но именно эта анонимка стала первым упоминанием о начале эры воздухоплавания в Харькове.

А вот еще одно газетное сообщение: «Что творится здесь вечерами — трудно передать. Во всяком случае, здесь можно насмотреться и наслушаться таких вещей, которые далеко не желательны, особенно ввиду того, что здесь гуляют подростки». А в саркастическом прогнозе на 1901 год сказано: «Университетский сад будет отдан в полное распоряжение господ раклов, которые в отдаленной части сада давно устроили себе ночлежный приют». Власти, конечно, пытались с ними бороться: только за одну ночь в овраге за садом однажды арестовали 40 беспаспортных бродяг и нищих, которые вечерами приставали к гуляющим, прося милостыню, но что от этого изменилось?

Проекты перепланировки, наведения раз и навсегда железного порядка, охраны растений от жителей города и бродячих собак пылились в архивах, и все шло своим чередом — вплоть до конца двадцатых годов прошлого века, когда наш город приобрел столичный статус.

Новая эпоха поставила новые задачи, среди которых идеологическая обработка широких народных масс была не на последнем месте.

Для этого власти использовали любые возможности, в том числе и отдых трудящихся. Несколько клубов и профсоюзов, скинувшись, на заброшенной территории института благородных девиц и старого сада Коммерческого клуба, граничивших с университетским садом, устроили Профсоюзный сад в новом, революционно-агитационном духе: со спортивными площадками, читальней, кинотеатром, духовым оркестром, каруселями и лабиринтом. Вход сюда был платным — 7 копеек;

членам профсоюза полагались льготы; максимальное количество посетителей доходило до 25 тысяч за один день, а график работы был весьма напряженным. Только за неделю обороны тут прошло четыре вечера вопросов и ответов, вечер вербовки в военные вузы, три выставки, карнавал военной книги и десять митингов. Добавьте сюда непрекращающуюся войну с университетским садом за территорию — и вы получите полную картину жизни, проистекавшей в ныне заброшенной части сада Шевченко за новым оперным театром.

Война между садами закончилась в 30-м году полным их объединением. А с 1935 года с сооружением памятника Шевченко сад получил его имя.

Но традиция построить что-нибудь этакое — осталась: то лучший в стране музыкальный театр под открытым небом, то великолепную каскадную лестницу, то киноконцертный зал уникальной конструкции, то цветомузыкальный фонтан взамен старой «вафельницы» оборудовать. Проекты шли еще дальше: установка в районе Каскада макетов динозавров в натуральную величину или превращение овражка, в котором когда-то был пруд, в крытый стеклом террариум с крокодилами. Правда, закончилось все постройкой детского кафе — так и проще, и доходнее. Последнее понятие определяет еще одну нашу традицию — запустить то, что не приносит прибыли, до полной разрухи, а потом сокрушаться, и — не восстанавливать. Так долгое время было и с нашим знаменитым Каскадом, который наряду с Зеркальной струей считался символом Харькова. Но это уже совсем другая история...

Наталья Шубенко

ЮРИДИЧЕСКИЕ КАЗУСЫ
(из жизни харьковчан конца XIX — начала XX века)

В 80-е годы XIX века в Германии, в среде профессоров юридических наук сложилась ситуация, которую можно было бы назвать «разброд и шатания». Одна часть преподавателей продолжала читать лекции по старинке, другая считала, что старый способ не может удовлетворить потребностей преподавания. Вот так и возникло новое направление — практические занятия, среди которых важное место заняло разрешение гражданско-правовых казусов. Вы спросите, при чем здесь Харьков? Отвечаем — наш город, как всегда, моментально среагировал на новшество. Не прошло и двух десятилетий, как в Харьковском университете стали читать такой курс. А спустя несколько лет в Харькове выходят первые сборники казусов по гражданскому судопроизводству. Это были юридические задачки, условия которых моделировали жизненные ситуации. Ну, например. Во двор Х. влетел попугай, которого тот поймал и посадил в клетку. Через неделю Х., узнав, что попугай принадлежит соседнему домовладельцу У., отнес птицу хозяину и потребовал вознаграждение на основе статьи 539 Гражданского кодекса. Обязан ли У. удовлетворить требование Х.?

Или еще. Некто А. застраховал билет 1-го займа в 3-х банкирских конторах. Билет вышел в тираж. Может ли А. требовать уплаты разницы между курсовой и номинальной ценой билета от всех 3-х контор?

Помимо таких вот абстрактных задачек, авторы сборников использовали свою личную судебную практику, т.е. реальные случаи из жизни горожан. Итак, Харьков, конец XIX века. Угол зрения — гражданское право.

Владение

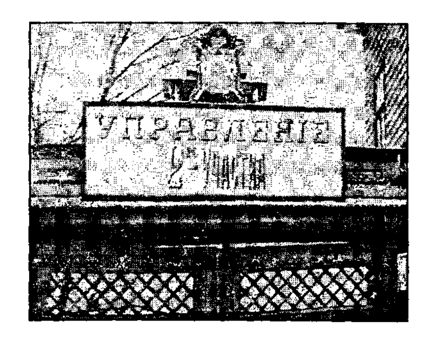
Священник Федоров владел в Харькове участком земли, выходившим одной стороной к реке Лопань. Каково же было удивление духовного лица, когда в один прекрасный день в 1893 г. он увидел, что русло засыпано, и Лопань направлена по другому течению. Предприимчивый священник не растерялся и завладел старым руслом, оградив забором участок в 670 квадратных саженей. Более того, он потребовал признать право собственности на захваченную территорию. Харьковская городская управа предъявила священнику иск об изъятии. Ответчик вновь подал встречный иск о том, что его право пользоваться водами Лопани нарушено городским управлением и он требует (ни много, ни мало) вернуть Лопань в прежнее русло. Чем закончилась эта тяжба, история умалчивает. Но факт остается фактом: смелый священник Федоров, не побоявшийся судиться с городскими властями, вошел в историю.

Брак

18-летняя Анна Немолодышева встретила свою судьбу. Она предстала перед девицей в образе контролера Харьковско-Николаевской железной дороги Бориса Попова. Роман развивался стремительно, и через неделю закончился свадьбой. Молодые поехали в Харьков, где собирались жить в законном браке. Но представьте себе ужас молодой жены, когда, выйдя из вагона на Харьковском вокзале, она увидела

полицейских, намерения которых были совершенно определенными — арестовать ее мужа. Что они и сделали.

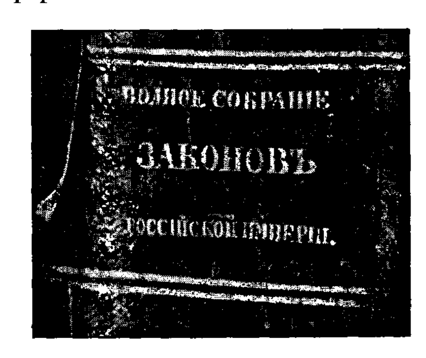
На следующий день новоявленную супругу вызвали в полицию и объявили, что ее муж — не Борис Попов, а его брат Степан, арестованный по подозрению в краже со взломом. Паспорт брата он попросту украл, чтобы иметь возможность бесплатно пользоваться железной дорогой.

Опекун Анны возбудил дело о расторжении брака. Но вот беда, за проведенную в вагоне первую брачную ночь Анна почувствовала к Степану — цитирую: «большую приязнь». А тут еще настоящий Борис Попов, имеющий официальные права законного супруга, судя по всему, вознамерился ими воспользоваться. Вот и гадай теперь, жалеть Анну или поздравить — два мужа, как ни крути, все-таки лучше, чем один. И уж конечно лучше, чем отсутствие супруга.

Ответственность за ущерб

Профессора юридического факультета Харьковского университета решили, что птицам их полета не по статусу ходить за жалованьем лично. И договорились с казначеем, чтобы деньги были доставлены им на дом сторожем университета. Казначей передал сторожу 1600 рублей (восьми профессорам по 200 рублей каждому). Вскоре сторож обнаружил, что одну сторублевку он потерял. Решил проблему он просто: всем профессорам отвез зарплату в полном объеме, а профессору Фатееву отдал только 100 рублей. Когда сторожа спросили, почему он обделил именно Фатеева, ответ последовал незамедлительно: «Да потому, что он никогда не давал мне на чай». Вот к чему приводят гордость, скупость и лень. Так и хочется посоветовать: «Получайте деньги лично и проверяйте, не отходя от кассы».

Подобных казусов авторы сборников приводят сотни. Чего тут только нет — и наследство, и разбой, и аферы. Ознакомившись с этими поучительными опусами, мы можем авторитетно заявить — своих Остапов Бендеров, Джеффов Питерсов и Энди Таккеров хватало и в Харькове. Правда, вместо Ильфа и Петрова и О'Генри об их приключениях рассказывали профессора-юристы, чтобы таким вот оригинальным способом вдалбливать в непокорные головы студентов юридические тонкости, на которых базируется его величество ЗАКОН!

Инна Можейко

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО НА УЛИЦЕ КАРЛА МАРКСА, или ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

Понятие родового гнезда у большинства из нас отсутствует. Согласитесь, трудно так назвать одну из ячеек в бетонных сотах многоэтажного дома. Нет, современные «сливки общества» всячески стараются решить возникшую проблему: заказывают себе родословные и вьют эти самые гнезда в соответствии со своими представлениями, не беря в расчет имеющиеся примеры. А они есть — настоящие дворянские гнезда, построенные в первой половине XIX века — в золотую эпоху русского провинциального дворянства. Правда, их современные обитатели об этом не догадываются. Одно из таких гнезд — старинный особняк на улице Карла Маркса, 26.

В 1838 году, 6 ноября, в Городской думе слушали прошение артиллерии поручика Дмитрия Хрущова о дозволении ему постройки на его

пиоровом месте по улице Благовещенской каменного дома в два этажа. Постановили — разрешить.

Постройку хозяин доверил Андрею Тону — брату знаменитого Константина Тона, построившего в Москве храм Христа Спасителя. Андрей Андреевич был первым в истории Харькова городским архитектором и автором здания института благородных девиц, театра на Сумской и нескольких храмов. Короче, фигура достаточно известная.

Через два года на Благовещенской улице возникает настоящее дворянское гнездо — барский дом, большой сад, флигели для хозяйственных нужд и прислуги, конюшня и каретная на два этажа с жильем для прислуги — всего 6 построек. Внутри — анфилада, то есть череда комнат: гостиная, столовая, диванная, каминная и в центре — большой зал с балконом. Кстати, характерный признак такого гнезда — то, что он и со двора выглядел прилично, а этот — пожалуй, изнутри смотрелся даже солиднее, чем снаружи. Это позже в целях экономии в доходных домах начали штукатурить только передние фасады, а тут все строили для себя, любимых — и для потомков. Правда, потомки Хрущова не дождались светлого часа — через 10 лет глава семейства продает дом ахтырскому помещику Петру Альховскому. Но во второй половине XIX века Альховские, как и многие дворянские семьи, беднеют. Им приходится перестраивать свой дом и сдавать часть его в аренду. И шикарная барская усадьба превращается в обычный доходный дом. Окончательно разорившись, дочь Петра Альховского Мария в 1915 году продает на аукционе мебель и посуду.

После революции барская усадьба, включая подвалы, флигели и каретный сарай, была превращена в злостную коммуналку. А потом — чего здесь только не было: комендатура, общежитие, ЖЭК; в подвале каретного сарая жили расконвоированные военнопленные, работавшие на тракторном заводе, а в подвале самого дома в 60-е годы XX века селили репрессированных, вернувшихся из лагерей.

Да и по сей день — помимо обычных жильцов, здесь расположены тренажерный зал, стоматологический кабинет, курсы гражданской обороны. Дом с достоинством несет груз годов и вывесок. За 160 лет своего существования он не растерял многое из своего первозданного облика.

И — позволяет представить, каким был Харьков в первой половине XIX века. Конечно, если очень сильно напрячь воображение и не замечать ветхости и упадка старинного дворянского гнезда.

Инна Можейко

ДВОРЕЦ ГУБЕРНАТОРА

Ни одна уважающая себя столица не может обойтись без дворца. Разве можно представить себе Петербург без Зимнего или Москву без Кремля! В Харькове с дворцами тоже вроде бы полный порядок: есть Дворец Бракосочетаний, Дворец Новорожденных, Дворец Труда. На самом деле все эти здания к дворцам не имеют никакого отношения: как правило, это всего лишь старые особняки или доходные дома. Тем не менее один — и самый настоящий — дворец у нас в городе все же был — губернаторский.

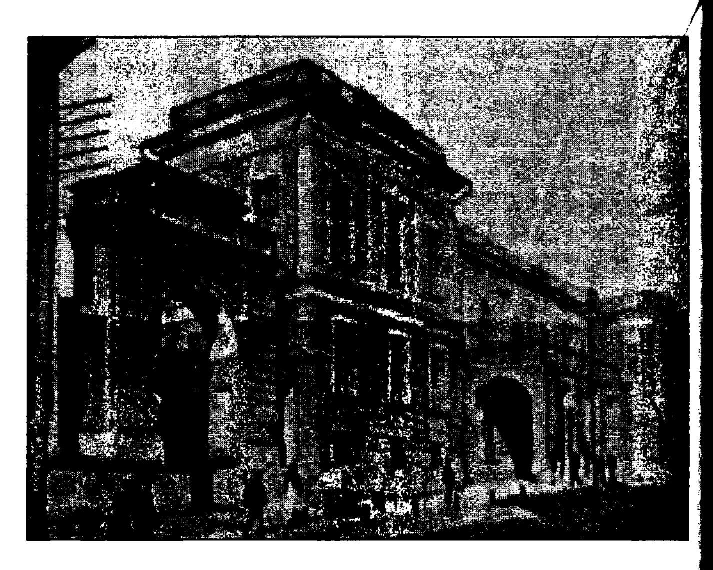
Общеизвестный факт: в 1765 году Екатерина II своим указом учреждает Слободско-Украинскую губернию с центром в городе Харькове. Спустя год императрица отдает «высочайшее повеление» на строительство в нашем городе дворца для губернатора — верховного представителя царской власти. Но места в центре города (на современной Университетской горке) не было, и первый харьковский губернатор Е. А. Щербинин долго торговался с хозяевами нескольких домов на приглянувшемся ему участке. В результате ему пришлось заплатить 4 тысячи 790 рублей, тогда как самый дорогой участок в то время стоил три с половиной тысячи.

Екатерина II лично следила за ходом строительства. Из столицы, видимо в целях экономии, были присланы чертежи проекта, разработанные архитектором Тихменевым. К этому времени по ним уже были построены губернаторские апартаменты в Смоленске и Новгороде. Но даже с учетом такой экономии на постройку из государственной казны ушла астрономическая сумма — 80 тысяч 578 рублей 63 копейки. Строительство дворца велось десять лет и было окончено в 1777 году.

Резиденция губернатора имела 32 помещения; планировка была анфиладной, как и полагалось дворцам той эпохи; все левое крыло занимал овальный зал с колоннами, а при главном входе размещалась парадная четырехмаршевая лестница. Фасад был покрашен в персиковый цвет с бледно-желтыми деталями. В одном флигеле был каретный сарай, в другом — две кухни. Вся территория была обнесена каменной оградой с двумя башенками по углам. Внутренняя отделка повторяла столичную моду: пол во многих комнатах был обит сукном, на окнах и дверях висели тафтяные гардины, а стены были выкрашены в разные цвета и отделаны позолотой. Во многих комнатах были камины, украшенные изразцами и каминными решетками. Мебель, зеркала, хрустальные люстры, часы выписывались из Москвы и оплачивались казной империи. Вся эта роскошь бесследно исчезла, и только отдельные, чудом сохранившиеся элементы интерьера позволяют нам представить ту далекую эпоху — эпоху пышных кринолинов, блестящих балов и дворцовых интриг. Все это в изобилии дворец губернатора видел в 1787 году, когда в Харькове останавливалась Екатерина II, возвращаясь из своего путешествия по Крыму. Именно здесь Екатерина II проводила прием местного дворянства, а затем вышла на балкон, чтобы приветствовать собравшихся горожан, устроивших в ее честь фейерверк, правда, неудачный: одна ракета попала в секретаря земского суда. В качестве компенсации ему были вручены от имени императрицы золотые часы, а фейерверк отменили. На следующее утро Екатерина II торжественно прошествовала по расстеленному ковру от дверей губернаторского дворца до Успенского собора, где состоялся молебен, а после этого отправилась дальше. А харьковским губернаторам недолго оставалось роскошествовать в своем дворце.

В 1802 году в беседе с царем известный харьковский меценат и просветитель Василий Каразин высказывает идею создания в Харькове университета. Он получает Высочайшее одобрение Александра I и добивается согласия харьковского дворянства, а харьковский губернатор Артаков после долгих переговоров и проволочек был вынужден сделать широкий жест — отдать свой дворец под университет. Ничего не поделаешь — казенная квартира есть казенная квартира, даже если она называется дворцом, и распоряжается ею государство. В 1805 году здесь торжественно открылся третий в России императорский университет. Для этого потребовалось немало усилий. В здании был сделан

капитальный ремонт и внутренняя перепланировка — ведь теперь нужны были аудитории для занятий и квартиры для профессуры. Архитектор Тимковский, занимавшийся ею, писал Каразину: «Дом губернатора велик собой. Кажется, весьма мало было смотрено за опрятностью его. По моему расчету выходит теперь в этом доме пять квартир. А когда выломаем губернаторский очаг, то очистится место еще для шестой преподавательской квартиры». Мебель из дворца, в свое время привезенную из Москвы, частично раздали профессуре, частично распродали. Внешние изменения выразились в том, что у входа построили прямоугольный крытый вход — для солидности. Так дворец губернатора стал дворцом наук. Считалось, что это мера временная — пока не будет построено собственное здание университета. Но ничто так не постоянно, как временное. Земля, подаренная университету (сейчас это территория сада Шевченко) была тогда далеко за городом. Мечтатель Каразин хотел построить там целый университетский городок, но профессура взбунтовалась: добраться туда весной или осенью из центра не было никакой возможности из-за непролазной грязи. Поэтому университет остался там, где был — во дворце губернатора. Постепенно он приобрел статус солидного учебного заведения европейского масштаба, выросло количество студентов, а соответственно росло и само здание: внутри идут постоянные переделки, а над флигелями надстраивают второй этаж. В результате этих перемен в основном корпусе разместился Совет университета, правление, училищный комитет. Кроме того, на первом этаже находилась кухня, людская, швейцарская, а на втором — квартира попечителя и его канцелярия. В одном флигеле разместились минералогический, зоологический, физический, астрономический кабинеты и 29 комнатушек студенческого общежи-

ция, в другом — университетская медицинская клиника и службы. Но, несмотря на все эти изменения, дворец остается дворцом — и колыбелью науки в городе. В разное время здесь учились и работали биолог Мечников, писатели Старицкий и Гулак-Артемовский, математики Остроградский и Стеклов, историки Багалей, Бузескул, Костомаров, славист Потебня, биохимик Данилевский, основатель физической химии Бекетов. Так как в то время наука и искусство были неотделимы друг от друга, на втором этаже расположился «Музей изящных искусств и древностей», экспонаты которого позже стали основой коллекции Музея природы и Харьковского художественного музея. При всех внутренних переделках внешний облик дворца на протяжении XIX века не менялся, только в начале XX века фасад по моде того времени расписали «под кирпич» и покрасили в серо-зеленый цвет. В 1917 году был объявлен «мир хижинам и война дворцам», в том числе и дворцам науки. В 1920 году вместо университета, объявленного буржуазным явлением, была создана так называемая Свободная Академия, метко прозванная студентами «Академия Терзаний», а чтобы окончательно изгнать университетский дух, даже Университетскую улицу переименовали в улицу Свободной Академии. Вновь меняется и внешний облик, и планировка здания: разобрана аркада подъезда главного входа, вместо лоджии устроен небольшой балкон, уничтожена часть декоративных элементов фасада. В 1933 году университет был вновь восстановлен в правах, но прежний дух сюда не вернулся.

В годы войны дворец губернатора сильно пострадал. Во время оккупации здание было конфисковано Харьковской гарнизонной комендатурой и предназначено для Зондеркоманды СС. Все, что представляло хоть какую-то ценность, фашисты вывезли в Германию. После войны это здание, разрушенное на 60%, восстанавливали вместе со строителями студенты и преподаватели университета. К 1948 году эти работы были завершены, а в 50-х годах университет получает новое здание, и с 1958 года здесь разместился Украинский заочный политехнический институт, который сейчас преобразован в индустриально-педагогическую академию. Конечно, после стольких перестроек и переделок от дворца губернатора внутри мало что осталось — где-то камины, где-то — печные заслонки, где-то — карнизы и часть лепки. Все это по возможности стараются сохранить в неизменном виде, прекрасно понимая, что в нашем городе сохранилось всего лишь два жилых здания, построенные в восемнадцатом веке.

И пусть дворец, по определению толкового словаря — богатый дом для одного лица с двором и дворовыми постройками — исчез в водовороте истории, но память о его существовании в нашем городе будет жить, пока на улице Университетской будет стоять старинный двухэтажный дом с красивой лепкой по моде екатерининских времен.

Андрей Печенежский

ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ГОРОДА, или УРОКИ ПРАВОПИСАНИЯ

История Харькова похожа на подводный камень, со всех сторон покрытый ракушками и водорослями. Примерно так же наша история обросла сказками, легендами и преданиями, многие из которых связаны с известными в свое время личностями. Недавно, благодаря письму жителя Изюма Юрия Бабича, нам стала известна очередная легенда, представленная автором как абсолютная правда. Согласно ей, осенью 1929 года поэт Владимир Маяковский некоторое время пребывал в нашем городе, который, как известно, был тогда столицей Советской Украины.

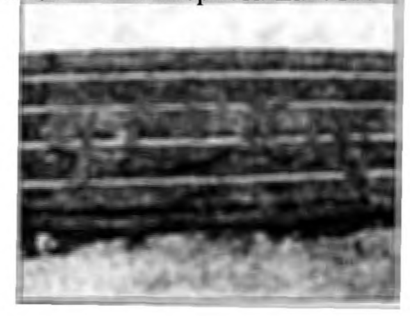
Остановился поэт в гостинице, где на входе красовалась табличка с ее оригинальным названием, по-украински звучавшим как «ХарЬків»... да, да — с мягким знаком посередине. Именно так, по мнению автора письма, раньше писали название нашего города. В один из осенних солнечных дней Маяковский вышел на крыльцо гостиницы... и ему на голову упал этот странный мягкий знак! Потом буква так и не была возвращена на место, и название гостиницы осталось

без нее. В письме жителя Изюма даже есть ссылка на газету «Вісті», в которой было опубликовано стихотворение Маяковского, написанное по этому случаю.

Всього лиш сім літер, а велич яка!
Тому що центральна тут буква м'яка!
Це місто як сонце над світом встає,
Бо Харків — це місто твоє і моє!

По легенде, именно эти строки сочинил Маяковский в тот злополучный день. По всей видимости, поэта очень сильно ударил по голове упавший мягкий знак, и он, никогда раньше, как, впрочем, и позже не писавший на украинском языке, сочинил сие четверостишие! По всей видимости, это был какой-то неизвестный миру выпуск газеты, так как мной не было найдено такого стихотворения. Кроме этого, существует еще ряд фактов, свидетельствующих о нереальности данной истории. Например, то, что в 1929 году еще просто не существовало гостиницы с названием «Харьков». Такая была построена на площади, которая сейчас носит имя «Свободы», только в 1934 году и сначала называлась «Интернационал». Тем не менее, история интересная, и нам остается только продолжить марафон сказок о великом советском поэте и Харькове.

Маяковский частенько захаживал в ресторан «Люкс» на улице Сумской, в коем заправляла бессменная бандерша Мария Ивановна. Однажды, зайдя по привычке в «Люкс», поэт услышал ее своеобразное приветствие:

- Вам «што», Владимир Владимирович?

- Не «што», а «што пятьдесят»! — ответил великий изобретатель «Облака в штанах».

Владимир Владимирович любил Харьков и действительно бывал здесь часто. Наверное больше всего поэту нравилось посещать заведение со смешным названием «ВУФКУ» — всеукраинское фото— киноуправление, где он получал гонорары за свою работу. Маяковский даже посвятил первой столице поэму «Три тысячи и три сестры», которая написана в привычном для него стиле железобетонного соцреализма. Вот отрывок из нее:

«... В полотна железных дорог забинтованный
столицей гудит украинский Харьков,
живой, трудовой, железобетонный!..»

Как говорится: «Вот такие пироги», а точнее, легенды нашего города!

Ольга Адам

1920 ГОД. УКРАИНА НА ВЫДАНЬЕ

Мечта каждой девушки — надежный супруг, а мечта каждой страны — иметь постоянных, надежных партнеров и проводить независимую международную политику на мировой арене. В истории Украины был такой краткий звездный час, и Харьков сыграл в нем ведущую роль. Мы предлагаем небольшой экскурс в историю дипломатических отношений в первой столице.

Парижское Кэ д'Орсе, лондонский Уайтхолл, берлинская Вильгельмштрассе, венский Бальтплатц и русский Певческий мост — вот адреса, где сосредотачивался «пятиугольник» европейской политики. До революции здесь находились Министерства иностранных дел ведущих держав, здесь вершились судьбы мира.

В это же время в Харькове были аккредитованы лишь нештатные консульства. Напомним, что консул в дипломатии примерно тоже, что нотариус в юриспруденции.

Последним в иерархии харьковского консульского корпуса стоял консульский агент из Италии — Дженнари. Он же управляющий отделением Русско-Азиатского банка, что располагался на Сумской, 1. Здесь же при банке располагалась и контора агента. Он не состоял на государственной службе в Италии, следовательно, консульские сборы составляли одну из статей дохода банкира, помогавшего итальянцам в их торговой деятельности.

Вице-консульство Великобритании находилось на Московском проспекте, бывшей Московской улице, и возглавлял его некий Чарльз Георгиевич Блекки. Он же — директор товарищества «Гельферих-Саде». Сюда приходили англичане оформлять паспорта, заключать браки и даже составлять завещания. Кроме того, экспорт и импорт товаров, размещение финансового капитала, открытие новых предприятий не могли состояться без ведома представителя Великобритании, вовремя оформившего консульский патент. Благодаря страсти англичан к футболу нам удалось обнаружить фотографию Чарльза Блекки в окружении футбольной команды завода «Гельферих-Саде».

На этой тихой улочке с романтическим названием Девичья размещалось вице-консульство Северо-Американских штатов. Согласно международным правилам обязанности нештатного вице-консула мог

исполнять гражданин третьего государства или местный житель. Защищать личные и имущественные права американцев в Харькове взялся инженер Иосиф Карсницкий, не позаботившийся о том, чтобы оставить потомкам свое фото.

На улице Бассейной, считавшейся тогда окраиной города, обосновался мсье Пижонно, как вы уже догадались, французский консул. Неизвестно, соответствовал ли характер сего гражданина его фамилии, но оборудованием специальной конторы мсье не стал себя утруждать, и принимал подданных своей страны— гувернанток, учителей танцев и спивающихся актеров — прямо у себя на дому.

Примеру Пижонно последовал его закадычный друг и собутыльник Адольф Мюнх. Шведское королевское консульство помещалось в его небольшой квартирке в Костюринском переулке.

Генеральных консулов государство обычно назначало лишь в самые важные для него города. Харьков был таким городом для Бельгии. Бельгийское генеральное консульство располагалось на Сумской, 34, и старейшиной консульского корпуса в Харькове — дуайеном считался бельгийский генерал с такой понятной для русского человека односложной фамилией Буй.

В этих адресах заключался «шестиугольник» харьковской торгово-промышленной политики с участием иностранного капитала.

Консулы являлись на прием в Губернаторский дворец, играли в футбол, танцевали на рождественских балах с провинциальными красавицами и пили коньяк в коммерческом клубе.

Революция изменила не только мирно протекавшую жизнь консулов, она полностью изменила статус нашего города в политическом отношении.

В апреле 1919 года на харьковском вокзале раздался выстрел в воздух.

Дипкурьеру, прибывшему из Москвы в Харьков в аккурат в пасхальную ночь, пришлось пустить в ход такой неоспоримый довод как наган. Георгий Умблия вез срочную дипломатическую почту для уполномоченного по делам народного комиссариата иностранных дел.

Не обнаружив на вокзале ни одного трезвого извозчика, курьер обратился к начальнику станции, и чиновник, взглянув на охранный лист с надписью «Москва. Кремль. Совнарком. Срочно...», произнес сакраментальную фразу: «Во-первых, никаких лошадей у нас нет, а во-вторых, у нас есть и свой Совнарком...»

Да, действительно, здесь на Дарвина, 4, появился столичный народный комиссариат иностранных дел.

И хотя Москва контролировала все сферы жизни национальных республик, существовала одна единственная сфера, в которой централизованный контроль был невозможен — это сфера международных отношений. На первый взгляд, это кажется невероятным, но если поразмыслить, зарубежные страны контролю ЦК подлежать не могли. Поэтому Кремлю ничего не оставалось, как полагаться на то, что руководители наркоминделов союзных республик по доброй воле будут придерживаться генеральной линии партии. Конечно, Ленин очень не хотел вводить в искушение периферийные органы собственной партии, излишняя внешнеполитическая активность которых в перспективе угрожала превращением формальной независимости в реальную. Поэтому в таких условиях само существование дипломатической деятельности в столице Украины кажется невозможным.

Этот исторический феномен объясняется одной субъективной причиной.

Итак, субъект харьковской дипломатии номер один.

Председатель Совнаркома в Харькове и народный комиссар иностранных дел — Христиан Раковский.

Он был не только прирожденным дипломатом и имел персональные контакты со всеми европейскими политиками первого эшелона, этот человек практически прорубил для УССР окно в Европу.

Так как Раковский не имел никаких корней в местной среде, руководство ЦК, не беспокоясь о буйном расцвете украинского национализма, предоставило ему полную свободу действий на поприще поиска выгодных международных партнеров для Украины. Несмотря на то, что юридические права на вступление в международные отношения у нее появились лишь с 28 декабря 1920, когда был заключен союзный договор между Харьковом и Москвой о взаимном признании суверенитета и полной независимости.

Можно только удивляться оперативности Раковского, который уже 31 декабря заключил договор о мирном сотрудничестве между Украиной и демократической республикой Грузия, а 12 января с Москвой уже были установлены дипломатические отношения.

14 февраля 1921 года они были установлены с Литвой, а 18 марта с Польшей, и в Харькове появился первый официальный поверенный в делах Украины — граф Пуласский, а в Варшаву в качестве полномочного представителя отправился Олег Шумский.

Дипломатические связи нужны были Украине прежде всего для развития экономической деятельности. Был создан наркомат внешней торговли с экспортным фондом на сумму 60 миллионов рублей золотом. Как известно, богатой невесте с приданым поступает гораздо больше предложений руки и сердца, чем сиротке и бесприданнице. И предложения не заставили себя долго ждать.

В апреле 1921-го в Берлине был подписан протокол между УССР и Германией про обмен военнопленными и интернированными гражданами. Фактически это говорило о признании Германией Советской Украины. 7 декабря 1921 года Украина установила дипломатические отношения с Австрией. 2 января 1922 года подобное обручение состоялось и в Турции. До конца 1922-го торговые представительства Украинской республики уже работали в Берлине, Гамбурге, Варшаве, Данциге, Праге, Риге, Вене, Риме и Константинополе. В Харьковский наркомат иностранных дел на Дарвина приходила дипломатическая

почти из двадцати стран мира, и Украина незаметно для себя бросила вызов самому главному претенденту.

Ведь в дипломатии, как и в браке: когда заканчиваются поцелуи перед видеокамерами, наступают серые будни медового месяца — где каждый день идет война и каждую ночь заключается перемирие.

Москва устроила первую сцену ревности Украине, когда ликвидировала украинское торгпредство в Риме. Дипломатический корпус Украины в Прибалтике Москва просто лишила помещения, средств и бесплатных услуг. В августе 1923 все консулаты и дипломатические службы Украины были ликвидированы. Раковский еще пытался что-то сделать, но устроить международный скандал не получилось. Вместо этого его обвинили в измене родине с Англией и с Японией. 20 сентября 1923 года наркомат иностранных дел первой столицы прекратил свою независимую деятельность. Четыре года свободной и плодотворной дипломатической работы дорого обошлись председателю Совнаркома. Он провел в ссылке восемь лет, а потом был приговорен к двадцати годам заключения, но уже через два года был расстрелян в тюрьме.

Иностранные представительства в Харькове, конечно, еще оставались. На улице Раковского (ныне Ольминского) работало Польское Генеральное консульство, где с семье дипломатов родился на свет Збигнев Бжезинский, на Карла Либкнехта, 54 (ныне Сумская) находилось генеральное консульство Германии, Чехословацкое республиканское представительство во главе с Бенешем расположилось на Пушкинской, 44, а на Чернышевского, 63, было открыто вице-консульство Италии. Позднее, в тридцатых годах, появилось Норвежское консульство, где начинал свою карьеру будущий Норвежский диктатор Квислинг, и даже консульство Японии. Но в европейском политическом концерте Харьков уже не играл никакой роли. Так как прерогатива консулата — гражданские и экономические отношения, а не политика.

Весь архив наркомата иностранных дел Украины до сих пор находится в Москве, и составить хотя бы общую картину дипломатической деятельности первой столицы нет ни малейшей возможности. А воспоминания о медовом месяце почти всегда превращаются в горький дым...

Инна Можейко

ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНКУРСА

Двадцатые годы XX века — бурные и радостные, суровые и тревожные — неслись над столичным Харьковом. Как писал поэт,

«Тень «Потемкина» на экране,
Башня Татлина в чертеже,
И Республики воздух ранний,
Пограничник настороже...»

Этот воздух — свежий и пьянящий — кружил головы многим, заставляя перетряхивать привычное, устоявшееся отношение ко всему, в том числе и к театру. Подвалы и полуподвалы на Сумской были оккупированы театральными студиями, группами и театрализованными кабаре. На гребне революционной волны здесь появлялись театры с громкими названиями «Свободный», «Молодой», «Героический». К концу 20-х годов, укрепившись, советская власть решила упорядочить эту театральную вакханалию и превратить театр в орудие массового воспитания трудящихся. Поэтому в 1930 году был объявлен конкурс на создание невиданного дотоле чуда — проекта театра массового музыкального действа в столице Украины — Харькове.

Условия конкурса были следующими:

1. Вместимость театра не меньше 4 тысяч человек.

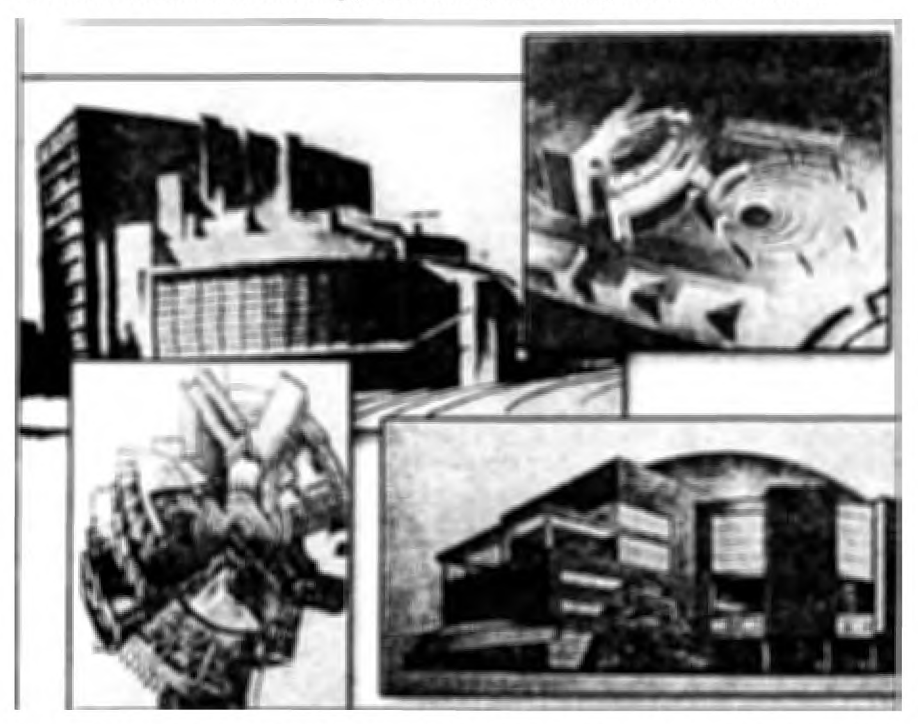
2. Зрительный зал и сцена должны быть предназначены не только для проведения спектаклей, но и для массовых мероприятий: митингов, демонстраций.

3. Сам зритель должен был иметь возможность активно участвовать в этих представлениях.

Эти принципиально новые требования привлекли внимание архитекторов всего мира. Даже такие знаменитости, как Ле Корбюзье или Вальтер Гропиус, прислали свои работы. Всего набралось 144 участника, причем 100 из них были иностранцами. Архитекторы 12 стран, в том числе США, Японии, Италии, Германии, Норвегии, Франции приняли участие в этом архитектурном состязании. Такого размаха Харьков не знал ни до, ни после этого события. Для сравнения стоит привести такую цифру: на конкурс проектов здания Госпрома — ше-

девра конструктивизма мирового уровня — было прислано всего 17 работ.

Большинство проектов театра массового музыкального действа были выполнены в стиле конструктивизма, так созвучного той эпохе.

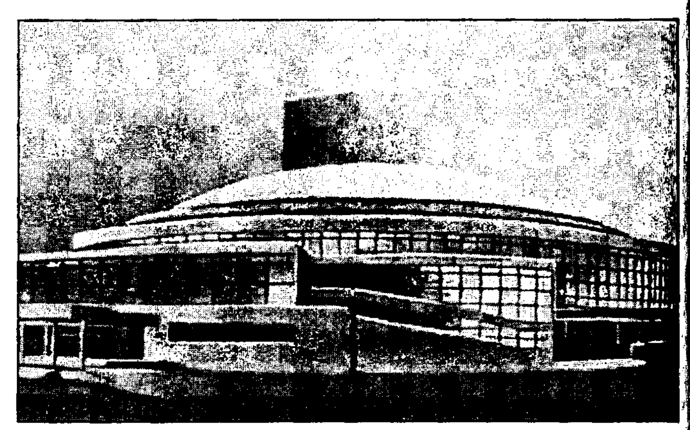

Решения предлагались самые невероятные — отменялись ярусы, ложи и даже сцена в привычном понимании этого слова. Некоторые новаторы предлагали вместо нее большое пространство, связанное с улицей, чтобы можно было по ходу действия ввести небольшой танк, броневик и колонны войск. Другие авторы для большего эффекта предлагали поставить специальные запахораспространители и имитаторы звука. В японском проекте лифты должны были поднимать публику не менее как на тринадцатый этаж. А знаменитый немецкий архитектор Гропиус, предлагая в целом ординарное решение театра, изюминкой своего проекта считал кинофицированные стены, которые позволяли бы уличной толпе увидеть все, что происходило на сцене. Но вершиной архитектурного новаторства стал проект московских архитекторов братьев Весниных, одержавших победу в этом конкурсе.

Весниных в истории советской архитектуры было трое: старший брат — Леонид, средний — Виктор и младший — Александр, который был еще и театральным художником. К началу тридцатых годов они были в зените славы. Корбюзье, неоднократно соперничавший с ними

во многих международных конкурсах, именно Весниных называл основателями конструктивизма и в одном из своих писем сообщал: «Я снова рассматриваю ваши проекты и бесконечно восхищаюсь вкусом, с которым вы их выполнили». Действительно, и проект Днепрогэса, им принадлежащий, и проект харьковского театра, который сами Веснины называли лучшей своей работой, сочетали легкость, простоту, мощь и соответствие идеологическим требованиям времени.

Проект харьковского театра братьев Весниных предусматривал 3 варианта использования сцены и зала. Первый — для академических постановок: оперы, музыкальной драмы, комедии с классической сценой, декорациями и количеством зрителей до четырех тысяч человек. Второй — для спортивных праздников и цирка; сцена здесь при помощи специальных приспособлений превращалась в арену, а количество зрителей увеличивалось до пяти тысяч человек. Третий вариант был предназначен для заседаний, манифестаций и народных собраний. Здесь сцена превращалась в продолжение зрительного зала, а колонны демонстрантов должны были шествовать мимо нее через два боковых выхода; при этом вместимость зала увеличивалась до шести тысяч человек.

Местом для постройки этого феноменального сооружения была выбрана территория вдоль улицы Карла Либкнехта (так тогда называлась Сумская), между Совнаркомовской и Сердюковским переулком (ныне улица Скрыпника). Церковь Жен-Мироносиц, стоявшую здесь с начала XIX века и давшую имя близлежащей улице, взорвали, а на постройку храма революционного искусства выделили 18 миллионов рублей. Но харьковский горсовет, не оценивший геометрическую чистоту проекта Весниных, пожелал придать зданию более презентабельный вид и воплотить в нем трудовой порыв пятилетки. Результат оказался плачевным — здание превратилось в тяжеловесного монстра. Сохранилась только идея трансформации сцены — она предусматри-

мина теперь еще и опускание пола партера с превращением его в бассейн.

Пока корректировался проект, на отведенном участке начали строить подсобные помещения, выходящие на Чернышевскую — артистические гримерные. Но тут столица переехала из Харькова в Киев, и проект театра массового музыкального действа оказался благополучно похороненным. Построенное здание переделали в жилой дом, а на месте пустыря в 1939 году открыли депо для первой линии харьковского троллейбуса. В послевоенные годы здесь методом народной стройки был разбит сквер Победы с фонтаном, ставшим символом города. А о грандиозном конкурсе с фантастическими идеями, многие из которых опередили свое время, напоминает лишь невзрачная серая коробка здания на улице Чернышевской да толстенный альбом с проектами в библиотеке им. Короленко.

Виктор Кофанов

ВОКЗАЛ НА ДВОИХ

Когда я первый раз услышал об этой истории, уже не помню. Со временем в голове осталось только название — «Люботинская республика». Воображение же дорисовало соответствующую картинку. Украинские козаки в ярких костюмах, пристающие к таким же моно национальным девушкам где-то на окраине слобожанского городка. Спев пару песен о синем небе и желтой ниве, молодые, взявшись за руки, уходят в ковыль Дикого поля. Реальная история оказалась не такой давней и не менее романтичной.

1905 год. Россия проигрывает войну с Японией. В Петербурге расстреляна мирная колонна рабочих, убито более тысячи человек. Экономический кризис приводит к социальной напряженности. По крупным промышленным центрам прокатывается волна стачек и забастовок. Призрак революции бродит по империи.

10 октября началась всеобщая забастовка железнодорожников. На 14 число в Харькове был назначен съезд делегатов от всех железных дорог. Прибыв в назначенный день в город, выяснилось, что собраться они не могут. Днем ранее указом Николая II Харьков и Харьковский уезд объявлялись на военном положении. Было решено направиться в Люботин, так как город не входил в зону военного положения. На съезде, который больше напоминал митинг, выступали делегаты и председатель Центрального стачечного комитета Харьково-Николаевской железной дороги, не побоюсь этого имени, Гнат Хоткевич. Люботинцев не замедлили поддержать и соседи, в Будах забастовали рабочие фаянсовой фабрики Кузнецова. Сохранились сведения о том, как делегация в 200 человек под красным флагом побывала в имении князя Святополк-Мирского и просто попросила у того денег. Хозяин дал 100 рублей, а гостивший в тот день граф Лорис-Меликов — 50 рублей. Когда рабочие ушли, князь потребовал направить в имение сотню казаков, дабы подобный конфуз более не повторялся.

Забастовка железнодорожников то приостанавливалась, то возобновлялась, пока 7 декабря в 16.45 на телеграфный аппарат станции Люботин не пришла телеграмма из Воронежа: «Конференция депута-

ков 29 железных дорог постановила объявить всероссийскую забастовку с 12 часов ночи на 8 декабря». Эта резолюция была принята к исполнению, да так лихо, что находившиеся в Харькове члены стачкома не смогли вернуться на станцию поездом и прибыли в Люботин только к вечеру — на лошадях. За время их отсутствия забастовщики успели занять все помещения станции и телеграф, освободить от исполнения обязанности начальника депо и начальника станции, вывести из строя телефонную связь. Станция полностью перешла под контроль Временного союзного управления железной дорогой. Его возглавил запасной агент железной дороги, дворянин Константин Кирста. Надо отметить, что влияние его среди населения было настолько велико, что иногда он говорил: «Люботин — это я». Заместителем Кирсты стал студент Авраам Финкельштейн.

10 декабря на митинге, а они теперь проходили ежедневно, одобрили решение про организацию боевых дружин, вскоре переименованных в народную милицию.

Авраам Финкельштейн: «Необходимость организации вооруженной милиции дала себя чувствовать в первые же минуты захвата станции Люботин. Вокруг бродили темные подозрительные тени, пытавшиеся удить рыбку в мутной воде. Как на самой станции, так и в поселке были недовольные забастовками, выражавшие свою злобу против смутьянов, и ждали темноты, чтобы с ними расправиться».

Однако вот что интересно: на станции вместе с патрулями народной милиции продолжала существовать жандармерия и общая полиция. Такое мирное сосуществование продолжалось до вечера 11 числа, когда союзным управлением было решено разоружить всех, у кого имелось оружие. Без каких-либо проблем к утру следующего дня все жандармы, полицейские, стражники, урядники и пристав были задержаны и посажены в подвал местного кузнеца, после чего была проведена хозяйка винной лавки Лариса Мягкова. Отобрав у той револьвер, великодушная милиция или, если хотите, народная компания направилась... правильно, в имения князя Святополк-Мирского. Где была та сотня казаков, о которой просил князь, документы умалчивают.

Днем 12-го всех сидевших в подвале привели на митинг, который проходил в вагонных мастерских. Арестованные просили отпустить их и вернуть оружие, ...что и было сделано после написания расписки о том, что те будут лояльно относиться к бастующим.

Этот благородный жест местного Дантона окончательно укрепил веру люботинцев в торжество великой идеи преобразования общества на началах справедливости.

В этот же день восставшими была захвачена станция Рыжов. Еще немного и железнодорожная революция с грохотом въедет в Харьков.

Владимир Нестерук

ХАРЬКОВЧАНИН «УРОЖДЕННЫЙ» БОРИС САВИНКОВ

Так сложилось, что в Харькове жили, работали или учились многие великие люди.

Общаясь со студентами, я иной раз шучу: «В XIX веке к Харькову не имели отношения только трое из великих людей Российской империи — Пушкин, Лермонтов и Толстой, последний, впрочем, у нас в городе бывал». Отдельная страница — харьковчане «урожденные». Один из них хорошо известный историкам, но почти забытый современниками — Борис Савинков: революционер, террорист номер один России, писатель, затем контрреволюционер и чуть ли не главный враг большевиков.

Семья Савинковых снимала дом на Пушкинской улице. Отец — известный судья, мать — домохозяйка. Юный Борис учится в гимназии. О тех временах мало информации, известно, что учился хорошо, был тихим, но нервным ребенком. Много читал, особенно любил сидеть с книгой на берегах Лопани.

Переезд в Варшаву, гибель старшего брата — революционера. В начале XX века Савинков — социал-демократ, сторонник Ленина; но пришла романтическая пора, пора террора. «Левое» юношество считало своим долгом пальнуть из-за угла в губернатора, полицейского генерала — ведь это так возвышенно и революционно. Борис входит в Боевую организацию эсеров (партия социалистов-революционеров), возглавляемую страшным террористом и... полицейским провокатором Евно Азефом.

И загремели взрывы — убит министр внутренних дел Плеве, Великий князь Сергей Александрович. Азеф одной рукой выдавал товарищей, оберегал жизнь императора и премьер-министра Столыпина; другой — убивал царедворцев. Партия социалистов-революционеров

становится самой «модной» в России, ее сторонники среди крестьян и рабочих насчитывают сотни тысяч человек. Более всего привлекает людей в партии эсеров — террор, кровавый и беспощадный. Но для любого боевика необходима материальная база и место для совещаний.

И таким местом становится тихий и патриархальный Харьков, где сами террористы стараются «не гадить», а плодотворно заниматься «теоретическими изысканиями».

Из «Воспоминаний террориста» Бориса Савинкова: «В Харькове должно было состояться совещание Боевой организации. Приехали Азеф, Сазонов, Каляев. Именно здесь обсуждалось убийство Плеве и генерала Клейгельса. Все совещания проходили в университетском саду, и после них я показывал город приехавшим друзьям».

После ряда удачных убийств Савинков становится одним из наиболее известных руководителей террора. Правда, в отличие от нынешних террористов, эсеровские боевики считали чужую жизнь все-таки священной и знали: забрав чужое, они обязаны отдать свое. Савинков в «борьбе» — новые покушения, арест, суд, приговор, побег. Внезапно становится известно: Азеф — глава Боевой организации — провокатор; а после его исчезновения эсерам не везет — без полицейского провокатора почти ни один акт террора не удается осуществить. А тут и Первая мировая война. Борис идет добровольцем на фронт, после Февральской революции он — во Временном правительстве, один из ярых противников большевизма.

После Октябрьского переворота — упорный враг Советской власти, в гражданской войне — сторонник генерала Корнилова, поддерживает белое движение, воюет против коммунистов даже после окончания войны. Им организована армия в 5 тысяч штыков, которая пытается поднять восстание в Белоруссии, захвачен ряд городов. Но к 1922 году отряды Савинкова разбиты и откатились в Польшу. Борис продолжает борьбу. Новый террор, писательская работа.

Гениальная операция ОГПУ — по заманиванию Савинкова в СССР, плен, суд, признание Советской власти, замена расстрела тюремным заключением и внезапная смерть то ли от рук чекистов, то ли от рук собственных.

Виктор Кофанов

ДКР

Если бы в начале прошлого века кто-нибудь произнес фразу: «Харьков — столица Украины!», хохоту было бы по всей Российской империи, а более всех смеялись бы сами харьковчане.

Но уже очень скоро на картах появилось новое государство Советская Украина. И объявят об этом именно в нашем городе. Однако сейчас мало кто помнит о другом государстве и его Первой Столице.

К началу первой мировой войны Харьков — крупнейший промышленный, финансовый и деловой центр Юга Российской империи. Население 250 тыс. человек. В основном это рабочие и студенты. Подобный классовый состав представлял собой плодородную почву для произрастания левых идей.

А когда в 1915 году из Риги в Харьков были эвакуированы велосипедный и электромеханический заводы вместе с жаждущими национального определения латышскими и польскими рабочими, атмосфера в городе стала напоминать предгрозовую. Совершенно логично, что в таком центре концентрации трудовых ресурсов и капитала появилась мысль о дистанцировании от столицы и самоуправлении промышленных областей Юга России вплоть до автономии. Нужен был только толчок. А потому, когда в феврале тряхнуло в Петрограде, в Харькове были готовы.

27 апреля областная конференция Советов рабочих депутатов Донецкого угольного бассейна Криворожского рудного района, Екатеринославской и Харьковской губерний, в составе 170 делегатов создала объединенный комитет Советов рабочих депутатов Дон-Кривбасса. Центром стал Харьков.

Но... в это же самое время представители киевской Центральной Рады (которую, кстати, никто не выбирал), на переговорах с Временным Правительством уже ползали по карте с карандашиками, пытаясь придумать границы Укрдержавы. После переговоров Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Харьковская и север Черниговской губернии изымались из ведения Центральной Рады.

Передвижение киевских деятелей по маршруту Петроград-Киев в Харькове не остались незамеченными. Большевики осознали, медлить нельзя.

В середине июля на областной конференции РСДРП (б) избирают нового руководителя Харьковского обкома большевиков — Артема. Профессионального революционера, потрясающе популярного среди рабочих, человека с легендарной судьбой, к тому времени успевшего возглавить вооруженное восстание 1905 года в Харькове, поучиться во Франции, поработать в Китае и организовать там восстание и создать Австралийскую социалистическую партию, кстати, благополучно существующую и поныне. Теперь-то совершенно понятно, с кого брал пример Че Гевара. Да, так вот: уже 7 сентября Артем информировал ЦК большевиков о создании революционного штаба, верховного органа, не признанного Временным правительством и сосредотачивающим в себе всю власть на местах. «Фактически это было дискредитированием республики Харьковской губернии», как писал сам Артем.

Центробежные силы набирали оборот, и после октябрьских событий в Питере, выпавшая власть в лице ХарьковГорДумы свалилась в мозолистые руки обкома Донецко-Криворожского бассейна и Харьковсовета во главе все с тем же Артемом. Войска харьковского гарнизона в подавляющем большинстве перешли на сторону совета, а сдуру примкнувший к Центральной Раде автобронедивизион, что располагался на Чернышевской, бескровно разоружили. Одевшаяся в броню и пушки новая власть, не побоюсь утверждать, триумфально начала шагать по индустриальным районам Юга Империи. На начало декабря в здании Харьковского Дворянского собрания был назначен третий съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна. И опять Киев... Там на середину декабря был намечен свой первый съезд Советов Украины, где киевские большевики собирались триумфально объявить Украину Советской. Харьковчане же, напомню, в Киеве отсутствовали напрочь. Когда на берегах Днепра съезд начал работу, глава киевских большевиков Николай Скрыпник с прискорбием констатировал мизерное представительство своей партии. Дабы сохранить лицо перед Лениным, требовалось что-то предпринять. Единственный шанс позорникам давал Харьков со своим съездом. Но одно дело Украина и Киев, а другое Донецко-Криворожский бассейн и Харьков. С опозданием в несколько дней делегация Скрыпника появляется в Харькове в зале заседаний. Немая сцена.

После всей закулисной канители киевлянам как однопартийцам-соседям предоставили слово. Те выступили. Провозгласили торжество Советской власти на Украине. Им похлопали, посадили как почетных гостей в президиуме, и... продолжили заниматься своими делами.

С этого момента советская история будет считать харьковский третий съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна... первым киевским съездом Советов Украины, а если Украины, так значит и Харьков - Украина...

Осознав свою ошибку, харьковчане бойкотируют работу киевской делегации. Из воспоминаний Евгении Бош: «Не скажу, чтобы нас

встретили совсем враждебно, но в их отношениях проглядывало искреннее недружелюбие, даже в мелочах давали понять, что приехавшие для них — нежеланные гости. Харьковчане не только не оказывали содействие в работе ЦИК и народного секретариата, но значительно осложняли ее и во всем подчеркивали, что за деятельность этих учреждений они ответственности не несут». И дело здесь не только в извечной нелюбви харьковчан к киевлянам. Просто киевская делегация постоянно стучала по телеграфу в Москву о действиях харьковчан.

Так 24 января уже нового 18 года, по старому стилю, предчувствуя неладное, В. Затонский отбил депешу в Совнарком РСФСР с требованием не допустить автономии Донецкого региона.

Подобное скотство со стороны «коллег киевлян» не могло не вызвать ликования по поводу отъезда тех в свою столицу — Киев. А в освобожденном Харькове тотчас же собрался четвертый съезд Советов ДонКривбасса.

И вот оно — 9 февраля в Харькове была провозглашена Донецко-Криворожская республика в составе Российской Федерации. Столица также Харьков.

Председателем Совнаркома — правительства республики избран Артем. Четыре министерских портфеля при этом были предложены эсерам, что опровергает расхожее мнение, будто Донецкая республика есть результат творчества одних лишь большевиков.

Однако в истории остаются не декларации, а дела.... Что же было сделано?

Во-первых, была проведена территориальная реформа по экономическому признаку, во-вторых, судебная реформа, введены единые формы судопроизводства. В-третьих, под защиту была взята не только частная розничная торговля, но и запрещалась национализация частных банков. Более того, там, где еще при киевских беспредельщиках конфискации все же состоялись, деньги были возвращены. Интересен такой факт, Ленину пришлось даже брать под защиту Антонова-Овсеенко, когда Совнарком ДКР попытался помешать тому в экспроприации миллиона рублей у Харьковских капиталистов.

Главным экономическим органом республики был Южный Областной Совет Народного Хозяйства, который располагался в помещении нынешнего автотранспортного техникума. Координаторы Южсовнархоза были направлены во все уголки республики, выявляя нерентабельные предприятия. Вскоре на ряде шахт был отмечен даже рост производительности труда. В марте наркомат просвещения запретил закрывать школы, ввел бесплатное образование для детей бедноты, открыл курсы по ликвидации неграмотности, детсады, разработал программу по созданию летних лагерей. Также предусмотрено расширение обучения на украинском языке. В конце февраля было доложено об открытии украинских школ в республике. В Харькове была открыта украинская гимназия.

Такими были первые шаги становления одного из мощнейших в индустриальном отношении государств Европы. Ведь территория ДКР находилась на достаточном удалении от фронтов 1-й мировой. А территория, надо сказать, была немаленькой: от Сум на севере до Крыма на юге, и от Таганрога на востоке до Днепра на западе. Именно с запада медленно и неотвратимо надвигалась та сила, которая вскоре перемелет и молодые советские государства, и Центральную Раду, их пригласившую.

В начале марта, осознав серьезность положения, Совнарком ДКР приступает к созданию Донецкой армии. К 5 апреля в ее составе 13 тысяч человек, но что могла сделать она против 400-тысячного рейхсвера?

8 апреля пала столица Донецко-Криворожской республики — Харьков. Все, конец истории.

Когда в 1919 году Красная Армия окончательно входит в город, Харьков назначают столицей Украины. Беспроигрышный политический ход: Киев наказан, а любые поползновения харьковчан, направленные на возрождение Донецко-Криворожской республики, разбиваются об ее новый статус. Сегодня можно утверждать только одно. С таким характером, который был у города в начале прошлого века, он был обречен быть столицей.

Владимир Нестерук

ДИВЕРСАНТ «БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ»

Илья Григорьевич Старинов родился 2 августа 1900 года в деревне Войново Орловской губернии. Первенец в семье путевого обходчика закончил четырехлетнюю школу в селе Завидово и с 12 лет уже работал сторожем на торфяных разработках. Еще до революции он попал в Тверь и устроился работать на одну из фабрик.

Во время гражданской войны Илья вступил в Красную Армию и участвовал в боях против Деникина и Врангеля. В 1919 году попал в плен, бежал, был ранен. Наслушавшись рассказов товарища по госпиталю, после выздоровления попросился служить в саперную роту.

К осени 1922 года Старинов окончил за год двухгодичный курс Воронежской школы военно-железнодорожных техников и был направлен в железнодорожный полк в Киев. Полк восстанавливал разрушенную в годы войны железнодорожную сеть. Вдоль железных дорог, вблизи населенных пунктов было полно неразорвавшихся боеприпасов. Пользуясь любой возможностью, Старинов изучал устройство различных типов взрывателей, пробовал (и успешно) выплавлять взрывчатку из бомб и снарядов. Увлечение молодого военспеца минным делом заметило начальство, и его командировали в приграничную полосу для составления планов разрушения железнодорожной инфраструктуры на случай войны. Подрывному делу Илья обучался (и не один год) у специалистов, служивших в старой русской армии, внимательно следил за публикациями по саперному делу в иностранных военных журналах. Большое влияние оказали на него ученики знаменитого путешественника, сподвижника Пржевальского, капитана В. И. Роборовского, создававшего в свое время части специального назначения.

Весной 1930 года Старинова как специалиста перевели в Главное разведуправление Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГРУ). В качестве инструктора он преподавал основы диверсионной тактики группам китайцев, поляков, работникам западноевропейских компартий, в т. ч. Андре Марти и Пальмиро Тольятти.

В начале 1930-х годов в западных приграничных округах развернулась работа по подготовке кадров для партизанского движения в возможной войне, велось строительство укрепрайонов, партизанских

бы, роизводилась закладка тайников с оружием и снаряжением (в т. ч. на территории сопредельных государств). Старинов организовал лабораторию, где разрабатывались образцы специальных диверсионных мин. В частности, разработанная им тогда «угольная мина» очень эффективно применялась впоследствии — в годы Великой Отечественной войны. Мина маскировалась под кусок угля и подбрасывалась в угольные бункеры паровозов. Попадая в паровозную топку, она взрывалась и выводила паровоз из строя.

В 1933 году Старинова перевели служить в Москву, в Наркомат обороны, и он поступил на учебу в Военно-транспортную академию. В 1934 году Илья пришел со своими идеями к выдающемуся военному инженеру Д. М. Карбышеву, с которым познакомился еще в 1929 году Карбышев занимал должность начальника кафедры академии им. Фрунзе. После беседы со Стариновым о минах различного назначения и минах замедленного действия, массовое изготовление которых предлагал Илья Григорьевич, Дмитрий Михайлович рекомендовал ему написать на эту тему диссертацию.

В 1936 году Старинов по направлению руководства ГРУ уехал «добровольцем» в Испанию — советником и инструктором разведгруппы Доминго Унгри. Предстояло на практике отработать методы ведения диверсионной войны. В декабре 1936 года Старинов (в Испании его кличка была «Вольф», но в своей книге «Записки диверсанта» он пишет «Рудольф») вместе с подготовленной им диверсионной группой впервые вышел на боевое задание. В ходе операции между городами Теруель и Калатаюд были разрушены автомобильный и железнодорожный мост, выведена из строя линия связи.

Под Кордовой диверсионной группе, в которую входил Старинов, удалось пустить под откос эшелон со штабом итальянской авиадивизии. Это событие вызвало большой резонанс. Побеседовать с минерами приехали знаменитый журналист Михаил Кольцов и писатель Илья Эренбург. 23 марта 1937 г. в «Правде» появилась статья Эренбурга об этой операции. Имя Старинова, естественно, в ней не называлось — о его участии в испанских событиях знали только посвященные. Бывал в отряде Старинова и Эрнест Хемингуэй, работавший фронтовым корреспондентом. С бойцами отряда он принял участие в нескольких рейдах в тыл противника. Собранные материалы он использовал впоследствии в своем знаменитом романе «По ком звонит колокол» (1940), где правдиво, хоть и с небольшим налетом патетики, описал действия диверсионной группы в тылу противника.

За неполный год, который Старинов провел в Испании, им была создана эффективная система подготовки диверсантов и изготовления специальных мин. Обученные им группы произвели подрывы почти под сотней поездов (не каждый подрыв заканчивается крушением), уничтожили несколько сот автомобилей, около 2000 солдат и офицеров про-

тивника, множество мостов и линий связи. Испанская война стала таким образом, первой, где диверсионная деятельность велась в таком масштабе. В ходе этой войны проявился в полной мере специфический военный талант Старинова. Он разработал основы подготовки диверсионных сил и управления ими в боевых условиях, тактику и стратегию их применения, определил пути развития специальных мин и техники.

Когда Старинов в Ленинграде сошел с парохода, оказалось, что многие его сослуживцы и знакомые арестованы. Пока он воевал в Испании, массовые репрессии буквально выкосили военные кадры высшего и среднего звена. Тщательная подготовка к ведению партизанской войны, которая велась в 30-х годах, была названа «заговором с целью свержения советского правительства». Чувство честно выполненного воинского долга с первых же часов на родной земле сменилось отчаянием.

О своем участии в испанских событиях Старинов докладывал лично Наркому обороны К. Е. Ворошилову. Ворошилов высоко оценил заслуги Старинова, рекомендовал его начальству повысить его в звании и в должности. Подрывнику были вручены ордена Ленина и Красного Знамени за работу в Испании.

Но вместо повышения по службе Старинова вызывают в НКВД и допрашивают о целях формирования тайных партизанских баз, о подготовке партизанских кадров в 30-х годах. Из бесед с женами арестованных Старинов уже знал, что их обвиняли «в неверии в мощь социалистического государства» (дескать, враг в случае войны может продвинуться в глубь советской территории на целых 100 километров (!) — базы закладывались в 30—100 км от западной границы), «в подготовке к враждебной деятельности в тылу советской армии». Ища защиты от преследования, Старинов обратился к Ворошилову, и тот смог его защитить. Таким образом, Старинов оказался одним из очень немногих, избежавших ареста. А репрессированных по этому делу оказалось не менее 10 тыс. человек — было арестовано все руководство ГРУ, руководители разведки западных военных округов, почти все руководители партизанских отрядов, рядовые партизаны; укрепрайоны и партизанские базы были ликвидированы.

После успешных действий по созданию диверсионных подразделений в Испании Старинов ожидал, что опыт его будет востребован и он сможет и дальше продолжать работу в этом же направлении. Но его назначили начальником Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА. От более престижной предложенной должности Старинов отказался. Ему была важна не официальная позиция, а возможность заниматься своим делом. 17 февраля 1938 года Старинову было присвоено звание полковника.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. Старинов вошел в группу, которой было поручено организовать разминирова-

ние занимаемых территорий (в ходе отступления финны активно минировали местность, используя мины-сюрпризы). В ходе одного из разминирований в феврале 1940 года Старинов попал на прицел снайпера и был дважды ранен в правую руку, после чего два месяца пролежал в госпитале и получил инвалидность. При выписке из госпиталя ему дали справку о негодности к военной службе со снятием с учета. Подвижность правой руки оставалась ограниченной до конца жизни. За финскую войну Старинов получил второй орден Боевого Красного Знамени.

22 июня 1941 года Илья Григорьевич проснулся от начавшейся бомбежки и подумал сначала, что ведутся взрывные работы. Звено за звеном на город пикировали бомбардировщики. По московскому радио передавали урок утренней гимнастики. Старинов оказался в самой гуще событий, стал свидетелем полного расстройства управления войсками. Как он и предполагал, немцы смогли легко овладеть основными автомобильными и железнодорожными мостами. Его срочно вызвали в Москву и назначили командиром оперативно-инженерной группы, в задачи которой входило уничтожение транспортной инфраструктуры перед наступающим противником.

Группа Старинова действовала очень успешно. Ей удалось разрушить десятки мостов. Поскольку немцы шли буквально по пятам отступающих советских войск, требовались мины замедленного действия (МЗД), которые становятся на боевой взвод спустя время, необходимое для прохода своих колонн. Не ожидая поступления штатных МЗД, Старинов начал изготавливать их в полевых условиях. Установленные в куче щебня или накрытые булыжниками МЗД превращались в камнеметы — мины направленного действия (МОН). Мины устанавливались на неизвлекаемость и при попытке разминирования взрывались. Уже после войны на принципе направленного взрыва создадут штатные мины: МОН-50, МОН-100 и др., которые очень широко применяются сегодня во всех военных конфликтах.

13 июля Старинов приказом Наркома обороны был назначен начальником первой фронтовой партизанской школы Западного фронта. Прибыв в Рославль, где находилась школа, Старинов убедился, что никто из людей, поставленных на подготовку партизан, не имел никакого понятия о тактике действий партизанских отрядов. Все приходилось начинать сначала! Опыт 30-х годов был утрачен, кадры уничтожены!

В конце июля Старинов едет в Киев, где когда-то служил и где в свое время был мощный центр по подготовке партизанских кадров. Ни одного бывшего инструктора найти не удалось! Подготовку партизан вели партийные чиновники, которые в этом ничего не понимали. Пять дней Старинов ведет занятия в Киеве, позже проводит короткие занятия в Чернигове, организует школу в Орле. В сентябре в Орел для

подготовки прибыли группы из Тулы и Курска. Старинов, таким образом, организует подготовку диверсионных кадров в масштабе нескольких фронтов, областей, трех союзных республик! Фактически он оказался единственным в Красной Армии специалистом диверсионного дела. Пример Старинова еще раз убедительно показывает величие подвига народа, который, находясь между жерновами сталинских репрессий и военной машины Германии, нашел в себе силы и победил в Великой Отечественной войне. Не благодаря коммунистической партии и Сталину, а вопреки им!

Во второй половине сентября Старинов получил задание осуществить минирование и уничтожение важнейших объектов промышленной и транспортной инфраструктуры Харькова. Приказ на проведение работ Старинов получил в Ставке Верховного Главнокомандования лично от начальника Генерального Штаба маршала Шапошникова. В Харькове он встречается с Н.С. Хрущевым, который в должности Члена Военного совета фронта согласовывает план установки минных полей. В дальнейшем, как признается Старинов, Хрущев трижды спасал его от ареста.

В Харькове отряд Старинова установил сотни мин — такой масштаб минирования в ходе войны был применен впервые. В одном из партийных особняков на нынешней Мироносицкой улице Старинов установил радиомину большой мощности. На глубине более двух метров в подвале был установлен на неизвлекаемость 350-килограммовый заряд ВВ с радиовзрывателем (в то время радиомины находились на вооружении только в Красной Армии). Ближе к поверхности была установлена ложная мина малой мощности — «блесна». Предполагалось, что, обнаружив ее, немецкие саперы посчитают объект разминированным, потеряют бдительность и дальнейшие поиски прекратят. Так и вышло. Радиомины были установлены и в других зданиях города. Ночью 14 ноября с мощной радиостанции Воронежа был дан сигнал на подрыв радиомин. В заминированном особняке на воздух взлетели комендант Харькова генерал-лейтенант Георг фон Браун и офицеры штаба 68-й пехотной дивизии. Этот диверсионный акт вошел в анналы диверсионного искусства и специальные учебники. Немецкие саперы, «разминировавшие» особняк, были расстреляны. А Старинова, имя которого фашистская разведка все-таки «раскопала», Гитлер занес в список личных врагов.

Вместе с Ильей Григорьевичем в минировании объектов в Харькове принимали участие и испанские республиканцы, которых он обучал диверсионному делу ещё в Испании. После победы франкистов они выехали в Советский Союз и работали на предприятиях Харькова. Старинов добился, чтобы группу испанцев приняли в инженерные части, и до конца войны возил их с собой по всем фронтам.

При приближении гитлеровцев к Москве полковник Старинов (генералом он так никогда и не стал) руководил установкой минно-взрыв-

ных заграждений под Тулой, Солнечногорском, Серпуховым, на Дмитровском шоссе, а 28 ноября получил назначение на должность помощника начальника штаба инженерных войск Красной Армии.

Еще в середине ноября Старинов через Военный совет Юго-Западного фронта направил письмо И. В. Сталину о необходимости массового производства специальных противотранспортных мин, об организации диверсионной деятельности в тылу противника. В конце ноября его вызвали в Ставку. Но принял его не Сталин, а известный своим самодурством и жестокостью Л. З. Мехлис, доказать которому ничего не удалось. Более того, Мехлис пообещал расстрелять Старинова, если тот не прекратит беспокоить Верховного Главнокомандующего «ерундой». Вместо плановой диверсионной работы в тылу врага Ставка приняла решение дать партизанам задание жечь леса и деревни (зимой!), т. е. лишить самих партизан убежища, а попавших в оккупацию русских людей — крова над головой.

Очередное письмо к Сталину возымело действие. В Госплане прошло специальное совещание, на которое был приглашен Старинов, и уже к весне новые мины начали в массовом порядке поступать в войска и в партизанские отряды.

16 декабря Старинов вместе с испанцами едет в Ростов-на-Дону для устройства минных заграждений. Здесь он применяет оригинальную идею массовой установки мин открытым способом. Мины устанавливались прямо на землю без всякой маскировки вперемешку с массой ложных мин. Такое минирование требует меньше времени, сил и средств. Эти мины хорошо видны противнику, но главная цель достигается — противник вынужден обходить препятствие. И снова, едва оглядевшись, Старинов начинает планировать заброску диверсионных групп в тыл противника по льду Таганрогского залива. За январь — февраль 1942 года в тыл противника диверсионные группы выходили 110 раз. Ими было установлено 744 мины. Из стрелкового оружия и на минах было уничтожено св. 100 солдат противника, выведено из строя 56 автомашин и 2 танка, подорвано 2 моста.

Однажды в конце февраля диверсионная группа морской пехоты захватила и доставила в штаб батальона большое количество документов. Среди них оказалась толстая тетрадь немецкого военного инженера, испещренная графиками и формулами. Ее передали Старинову. Сам он немецкого языка не знал и дал прочитать ее одному из офицеров: «Какой-то бред про атомную энергию!» — ответил офицер. По приезду в Москву Старинов передал эту тетрадь в Государственный Комитет Обороны по науке. Так впервые советское политическое руководство узнало о работах немцев по созданию ядерного оружия. Эта тетрадь побудила академика А. Ф. Иоффе обратиться к Сталину с предложением срочно создать научный центр по проблеме атомного оружия.

Весной 1942 года Старинов впервые ставит вопрос перед вышестоящим начальством о создании специальных бригад (!) для действий на коммуникациях противника, встречается с командующим воздушно-десантными войсками Глазуновым. После встречи в части ВДВ были направлены опытные инструктора для обучения десантников основам диверсионной тактики и минно-подрывного дела. Но Старинов считал, что необходимо создавать именно войска специального назначения для действия в тылу войск.

Создание войск специального назначения было не за горами. 23 июля Совинформбюро сообщило, что часть, командиром которой является полковник Старинов, пустила под откос 10 эшелонов противника. Старинов ведет переписку с командованием соседних фронтов. Подготовка диверсионных групп велась также на Карельском, Западном и Южном фронтах. Вот-вот должны были быть подписаны документы о создании инженерных частей специального назначения.

Но Старинова неожиданно вызывают в Москву и направляют на работу в Центральный штаб партизанских войск. 17 августа 1942 года приказом Наркома Обороны были созданы Отдельные гвардейские батальоны минеров и Отдельная гвардейская бригада минеров при Ставке «для минирования и разрушения коммуникаций в тылу противника». На Калининском фронте сформировали 10-й Отдельный гвардейский батальон минеров. Из состава 5-ой бригады людей в него попало мало, но в тылу продолжали эффективно действовать 160-й и 166-й батальоны бригады. Особая активность батальонами была проявлена во вражеском тылу с апреля по август 1943 года. После парашютной подготовки летом 1943 года в тыл противника стали забрасываться целые роты минеров.

В Центральном Штабе партизанского движения Старинов возглавил школу по подготовке минеров и технический отдел по производству специальных мин. Началась привычная работа по подготовке кадров и заброска их в партизанские отряды.

В январе 1943 Старинов выехал на Кавказ для планирования операций в тылу противника. С собой он увозит значительную группу испанцев. В тыл противника в район между Ростовом, Сальском, Тихорецкой и Краснодаром с интервалом в несколько дней было десантировано на парашютах 16 диверсионных групп. Позже стали разраба-

ться операции по выводу групп в тыл противника на торпедных катерах в районы Новороссийска и Крымского полуострова.

7 марта 1943 года Центральный штаб партизанского движения был расформирован. Расформировали школу, которую возглавлял Старинов. Его переводят в Украинский штаб партизанского движения. Весной 1943 года в руководстве партизанскими силами возникла идея «рельсовой войны». Предполагалось где только можно взрывать рельсы, просто взрывать рельсы. Идею поддержал Сталин. Старинов посчитал эту идею очередной глупостью, которая отвлечет огромные силы, средства, но ожидаемого эффекта не даст, а, во-вторых, затруднит восстановление железнодорожного полотна после отхода немцев с оккупированных территорий. Как и прежде Старинов настаивал на крушении эшелонов с живой силой и техникой.

Приближалась битва на Курской дуге, и Старинов отбывает на Воронежский фронт. Задачи все те же — срыв перевозок противника по железным и шоссейным дорогам. Как отмечает Старинов, в период подготовки к битве под Курском у вышестоящего командования, наконец, возникло понимание того, что мины не только оборонительное, но и наступательное оружие. Конечно, одним из «виновником» осознания этой реальности был Старинов, чей успешный опыт абсолютно на всех фронтах говорил сам за себя. Самое удивительное, что Старинову удалось убедить один уровень руководства за другим отказаться от «рельсовой войны» и вести «войну на рельсах». В результате был принят именно его план о массированном ударе по коммуникациям противника.

Для координации усилий партизанских отрядов Старинов вылетает в тыл противника. В ходе Великой Отечественной войны это был его первый вылет за линию фронта. В партизанских отрядах Ковпака, Федорова, Сабурова, Вершигоры и др. он проводит обучение минеров. Впервые планировалось масштабное применение МЗД на железных дорогах.

5 июля 1943 года началась Курская битва. Старинов считал, что если бы партизанские отряды были своевременно обеспечены необходимым количеством мин, взрывчатки и специалистами — подвоз по железным дорогам можно было бы парализовать полностью. Более того, он считал, что уже в 1942 году можно было бы полностью парализовать снабжение противника по железным дорогам на всех фронтах.

Дальнейшие события показали, что расчеты Старинова были правильными.

Так, только отряд Федорова с 7 июля по 10 августа, используя МЗД, пустил под откос 123 эшелона противника (!), в то время как за предыдущие 16 месяцев только 65. Для уничтожения такого же количества эшелонов, скажем, с воздуха понадобились бы сотни самолето-

вылетов, сотни тонн авиационной взрывчатки, неизбежные потери десятков самолетов. Противник спешно бросал на охрану коммуникаций новые и новые части, но мины продолжали взрываться. В результате действий диверсантов снабжение войск по многим железным дорогам было полностью (полностью!) парализовано. Всего же во второй половине 1943 года партизанами было пущено под откос 3 143 эшелона! По результативности диверсии партизан оказались в 100 раз эффективнее, чем авиация! Но даже после столь внушительных результатов положение Старинова не улучшилось и ему все так же приходилось убеждать вышестоящее командование в необходимости масштабного проведения диверсионных акций. И это кажется невероятнее всего!

В дальнейшем Старинов участвовал в повышении боеспособности партизанских отрядов на территории Польши, Югославии (в сентябре — ноябре 1944 года был начальником военной миссии СССР при И. Б. Тито), Румынии. С конца 1944 года до окончания войны занимался разминированием объектов на территории Германии.

За годы войны Старинов прошел практически по всем фронтам, создал десятки школ по подготовке диверсантов, лабораторий по производству мин, подготовил лично свыше 2000 подрывников. Его ученики и подготовленные ими минеры пустили под откос около 12 000 эшелонов противника.

После войны Старинов занимался восстановлением железных дорог. В 1956 году вышел в отставку. С 1956 по 1962 год был старшим научным сотрудником отдела истории ИМЛ при ЦК КПСС. С 1966 года по 1973 год — на преподавательской работе в учебных заведениях КГБ. С 1984 года — профессор по спецдисциплинам. Написал более 150 научных монографий.

Старинов награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Боевого Красного Знамени, многими другими наградами. С медали «За победу над Германией» Старинов стер напильником барельеф Сталина, т. к. до последнего дня жизни считал, что именно Сталин и его окружение было виновно в том, что Советский Союз вступил в войну не подготовленным, уничтожил в ходе репрессий кадровый потенциал армии.

Таким образом, можно утверждать, что Старинов сделал решающий вклад в создание в 1950 году войск специального назначения — спецназа ГРУ Генерального штаба. Он разработал в деталях тактику и стратегию его применения, создал десятки образцов специальной техники, в т. ч. ПМС — поездная мина Старинова и АС — автомобильная мина Старинова. Именно Старинов сумел доказать, что «мины не оборонительное, а сугубо наступательное оружие» — «заложенная в нужном месте мина бьет без промаха» в отличие от слепого снаряда.

Умер Илья Григорьевич Старинов в октябре 2000 года, перешагнув столетний рубеж.

Владимир Нестерук

«ПОЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА НАЧИНАЛАСЬ... В ХАРЬКОВЕ»

В нашем городе издавна жили рядом, плодотворно сотрудничая, разные национальности: русские и украинцы, сербы и армяне, евреи и белорусы, немцы и греки. Но был народ, который по своей численности в XIX веке занимал третью строчку после русских и украинцев, а его вклад в развитие Харькова никто так и не смог посчитать, непростое это дело. Впрочем, так же сложно подсчитать, что сделали харьковчане для этого народа. Итак, поляки. Имена многих знаменитостей связаны с нашими местами: Костюшко, Мицкевич, Бжезинский и конечно же Юзеф Пилсудский.

Весной 1920 года затихала гражданская война в России, большевики побеждали своих противников. И хотя еще не был подчинен Дальний Восток и Кавказ, не захвачен Крым, где укрепились остатки Белой гвардии, всем было ясно, коммунисты победили. И нравится или нет нынешним «демократам», но народ пошел за ними, да и не только народ, но и большая часть офицерского корпуса и главное — наиболее интеллектуальная его часть, офицеры Генерального штаба. Потому что коммунисты единственные решили те вопросы, которые никто не взялся решать — вопросы собственности, прежде всего земли и вопросы будущего величия страны. Впрочем, к 1920 году наиболее радикальная часть РСДРП (б) решилась идти дальше в Европу, их представлял Троцкий, другая часть выступала против похода, эту часть возглавляли Сталин и Дзержинский. Но государство, которому было едва два года — Польша разрешила все вопросы, напав на страну Советов. 6 мая взят Киев, заключен союз с разгромленным Петлюрой. Ответ следует быстрый и безжалост-

ный. И уже 13 августа 1920 года части Красной Армии вышли к окраинам Варшавы.

Руководитель Польши Юзеф Пилсудский призвал поляков к сопротивлению. Сотни тысяч крестьян и рабочих, студентов и чиновников стали добровольцами. К тому же большевики допустили ряд серьезных ошибок — национализировали польскую землю, не раздав ее крестьянам, а начали строительство коммун и совхозов, не учли национальных особенностей. Помогла и «гениальность» красных полководцев — Михаил Тухачевский, командующий Западным фронтом, таранными ударами продвигал армии на сотни километров, растягивая коммуникации, забывая о резервах, забыв элементарные стратегические построения, впрочем, если он их знал. К тому же молодой командарм, будучи протеже Троцкого, «не дружил» с командующим Юго-западным фронтом Егоровым. Последний имел опыт и звание, существенно превышающие достижения бывшего поручика Тухачевского, всю Первую мировую войну просидевшего в немецком плену. К тому же Егорова очень даже поддерживал будущий скромный секретарь, а пока член РВС Юго-западного фронта Сталин. В итоге Егоров войска в ловушку не отправил, а горе-полководец Тухачевский был разгромлен. 15 августа 1920 года начался отвлекающий удар пятой польской армии Владислава Сикорского — по центру Западного фронта, а 16 августа Пилсудский взял винтовку и лично повел в атаку главную ударную группу. В течение месяца Западный фронт трескается по швам, уцелевшие красные части спасаются бегством в Германию. Поляков удается остановить, только после того как они вновь захватывают Минск. Силы сторон истощены, и в 1921 году заключен мирный договор. Советские республики вынуждены признать за Польшей Западную Белоруссию и Украину. А в Варшаве радовался Юзеф Пилсудский, бывший социалист, бывший террорист, создатель Польской республики и ее спаситель, к тому же оказавшийся бывшим... харьковчанином.

5 декабря 1867 года в Литве, у литовского (как тогда говорилось) шляхтича Юзефа Винценты Пилсудского родился четвертый ребенок, названный, как и отец, Юзефом.

Неплохой достаток и имение «усилиями» отца были приведены в упадок, последующие годы семья живет в благородной бедности.

Осенью 1885 года Пилсудский поступает в Харьковский университет. Учится юноша неплохо, но очень скоро оказывается втянутым в революционную деятельность. Из полицейского рапорта: «1885 года декабря двенадцатого дня возле здания Университета состоялась студенческая демонстрация. Задержано двадцать три студента. В их числе один из организаторов демонстрации студент медицинского факультета Юзеф Пилсудский». Через два дня Юзеф был выпущен, отделавшись только строгим внушением. И вновь учеба, конспира-

ные собрания. Налажены связи с террористическими организациями. Но внешне все спокойно — студент бывает в харьковских театрах, много читает, и мало кому известно, что именно им организована конспиративная квартира на улице Екатеринославской. Харьков покинут в 1886 году, переезд в Вильно (ныне Вильнюс). Но связи с городом остаются, в 1887 году Пилсудский через Харьков передал яд, которым должны были начиняться бомбы, предназначенные императору Александру III. Но... харьковская полиция обнаруживает в переписке одного из студентов план покушения, и император спасен. Юзеф арестован и сослан в Сибирь.

С 1892 года он — один из создателей Польской социалистической партии и муж польской красавицы социалистки Марии Юшкевис. Впрочем социализм и Маркс его мало интересуют, прежде всего — освобождение Польши. Связи Пилсудского ширятся, японская и немецкая разведки, связи с Австро-венгерским Генштабом, работа на врагов Российской империи, предоставление для пользы дела «в наем» своих боевиков-террористов. С началом Первой мировой войны — организация Польского легиона, воюющего на стороне Германии и Австро-Венгрии. Предательство германских «хозяев» в 1917 году и арест, содержание в Магдебургской тюрьме. Поражение Германии в войне и провозглашение независимости Польши. В 1918 году вплоть до принятия в 1921 году Конституции, Пилсудский числится на странном, не знающем аналогов посту «начальника государства».

В дальнейшем он предпочитает не занимать «главных» постов, оставаясь реальным диктатором, но управляющим из тени, особо безграничной его власть становится после переворота в 1926 году. Умрет Юзеф Пилсудский 11 мая 1936 года.

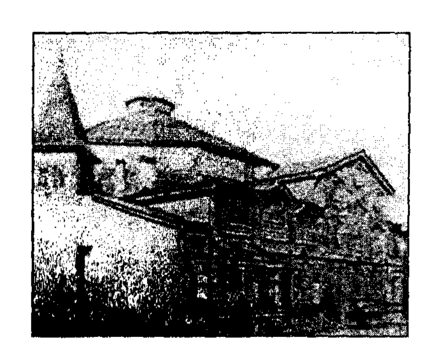
Кем останется в глазах современников и потомков: создателем и спасителем Польши, заложившим семена ее погибели в 1939 году, диктатором, уничтожившим несколько тысяч человек и спасшим, возможно, миллионы, жестким и хитрым политиком, человеком с высочайшим самомнением и верой в свою богоизбранность. Но при всех своих плюсах и минусах в глазах последующих поколений он был все же первым руководителем Польской республики. И человеком, оставившим яркую страницу в истории нашего города.

Наталья Катрунова

ЦИРК, ЦИРК, ЦИРК...

Слово «цирк» происходит от латинского "circus", что означает «круг». Цирк родился на площади. А площадные артисты, как все мы хорошо знаем, выступали окруженные зрителями. Таким образом круг стал наиболее естественной площадью для выступлений. Постепенно опытным путем определился и наиболее целесообразный размер этой площади-манежа — 13 кв. м в диаметре, выступ барьера, которым он был обнесен, и его покрытие. А еще позже, когда выступления перешли в закрытое помещение, для исполнителей воздушных номеров потребовалось закрытое пространство, то есть купол.

Бывал ли ты в цирке, уважаемый читатель? Глупый вопрос, конечно. Потому не будем тратить время на описание той уникальной атмосферы, которая царит в этом удивительном здании, начиная с кассы и заканчивая закулисьем. Просто войдем сюда еще раз. Оживленная суета и предчувствие праздника, который вот-вот начнется еще ни о чем не говорят. Но уже через пять минут фойе опустеет, а на арену выйдут артисты. И это будет одно из многочисленных представлений нашего знаменитого Харьковского цирка, одного из старейших и (не будем скромничать) лучшего в бывшем СССР и царской России. А пока у нас есть время заглянуть в прошлое. Дело в том, что среди многочисленных видов зрелищных искусств самым популярным в нашем городе был именно цирк. С давних пор в разных местах Харькова привлекали внимание пестрые театры шапито, а ярко наряженные клоуны громко зазывали народ на представления, сочетавшие в себе традиции ярмарочного балагана с высшим мастерством, блеф и обман — с подлинным риском, плоские шутки на потребу толпы со злободневной политической сатирой. С середины 19 века антрепренеры, стремясь опередить друг друга, добивались от городских властей раз-

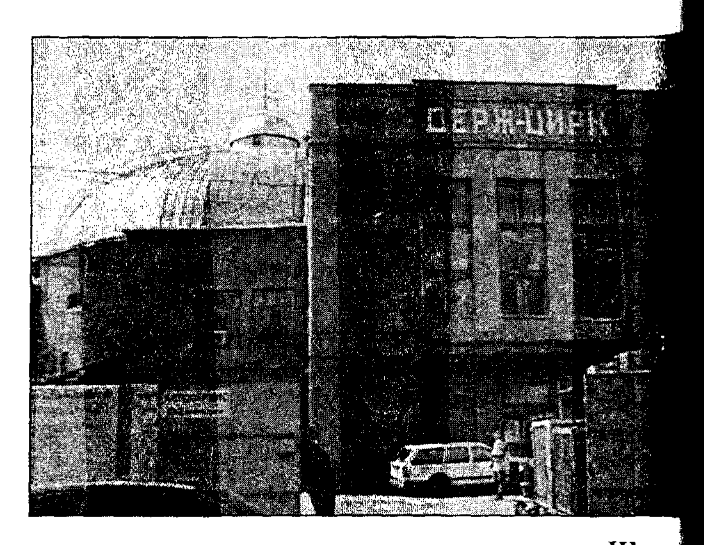
рения цирковых выступлений. Поэтому наряду с шапито стали появляться и стационарные здания цирков. Сохранились сведения о том, что еще в 1881 французские антрепренеры братья Годфруа построили на Торговой площади (ныне пл. Р. Люксембург) деревянный цирк с правом показа представлений в течение 5 лет.

Совсем неподалеку (если, конечно, мерить расстояние нынешними остановками трамвая) было построено еще два (!) деревянных цирка на бывшей Жандармской улице (ныне ул. Полтавский шлях). Один из них принадлежал знаменитым братьям Никитиным, создателям первого русского стационарного цирка. Можно представить себе, какой популярностью пользовался у харьковчан цирк, если предприниматели не боялись вкладывать деньги в строительство цирковых зданий, находящихся так близко друг от друга. В начале XX века на месте второго деревянного цирка был построен первый каменный цирк — театрального предпринимателя Грикке.

Здесь выступали многие знаменитости: братья Дуровы, один из которых ездил на свинье по Екатеринославской улице, хотя какой именно, история умалчивает. Энрико Труцци — первоклассный наездник, который первый в истории цирковых представлений начал жонглировать горящими факелами стоя на лошади. Марта Сур, о которой в одной из газет того времени написано: «не только прекрасная наездница, но и недюжинная балерина», и многие другие звезды цирка тех лет. В 1917 году цирк Грикке был преобразован в Государственный и считался одним из лучших в стране. Харьковчане знают и помнят это здание как «старый цирк».

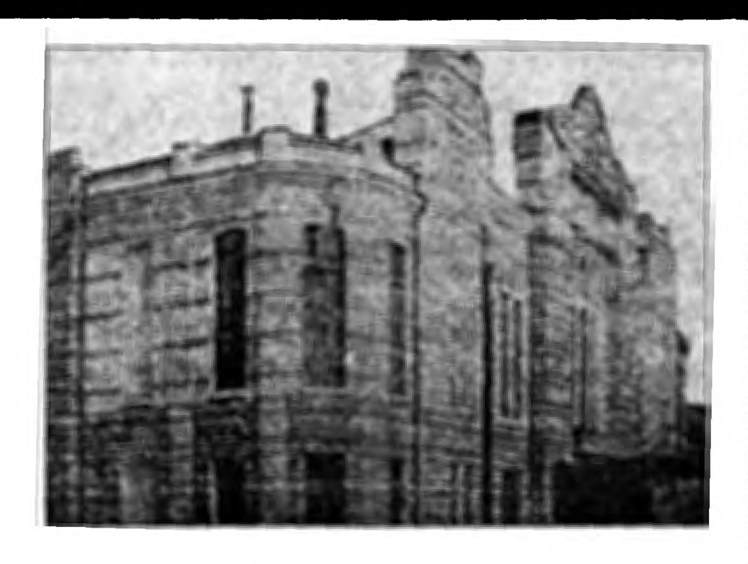
Но о нем мы еще поговорим, а пока вернемся к началу XX века. Каменный цирк Грикке был построен в 1906 году и, как мы уже выяснили, процветал. Казалось бы, чего еще? Но буквально через два года, в 1908, и буквально в двадцати шагах от него на углу Благовещенской (ныне Карла Маркса) и Дмитриевской улиц появляется еще одно огромное, вмещающее несколько тысяч человек, здание цирка. Просто циркомания какая-то! Мы помним его как театр оперетты или театр Миссури.

Господин Миссури был управляющим цирка Никитиных и, вероятно, поэтому здание проектировалось именно под цирк. Но надежды на рентабельность не оправдались, и Миссури стал предпринимать всевозможные переделки и перестройки, но это уже совсем другая история и, поверьте, очень интересная. Много чего видели эти стены. Наверное, поэтому до сих пор не завалились. Хотят поведать миру о себе, но миру не до них.

Даже школьники знают, какую роль сыграли в истории театра Шекс пир и Мольер. А любители балета помнят имена Петипа и Нижинско го. Но кого помнят люди, которые приходят в цирк? Знают ли он имена тех, кто уже более двух веков приводит их в восхищение? Вед у цирка, как и у других видов искусства, есть своя история, и, конечн же, уходит она в глубину веков, когда на манежах Древнего Рим устраивались битвы львов со слонами, стоя на крупах лошадей, мча лись наездники, люди сражались с хищниками, и лилась кровь н радость жаждущей хлеба и зрелищ толпе. Ничего общего между тем нынешним цирком, кроме названия некоторых жанров, нет. Совре менный цирк родился в XVIII веке в Англии, а точнее в Лондон Жаль, что в великом городе не сохранилось тому никаких свидетельст И тем не менее именно здесь родился и жил Филипп Астлей, которы в конце XVIII века открыл в Лондоне школу верховой езды и в ней ж давал представления. В 1780 г. он открыл специальный амфитеат с ареной, где сочетал конные номера с выступлением канатоходце акробатов и клоунов. История справедливо называет амфитеатр Аст лея первым стационарным цирком в Европе. Астлей был человеко военным и это оказало большое влияние на созданное им искусств И даже сегодня это ощущается. Вспомните ливреи билетеров и уни формистов, мундиры укротителей, буйство красок, гром труб и ли тавр. И наконец, в цирке судят о человеке не по происхождению, а п доблести. Это старый офицерский принцип.

Сколько бы не рассказывал анекдотов в «Белом попугае» всенарод ный любимец Юрий Никулин и сколько бы не снимался в кино, им его в первую очередь ассоциируется с цирком. Потому что артис цирка — это особая категория во всем огромном актерском братств

Ведь если в театре артист может играть сильного, ловкого и смелого человека, на самом деле не будучи таковым, то в цирке это исключено. Здесь сила, ловкость и смелость демонстрируются воочию; на арене все имеет реальный характер, если можно так сказать «настоящность». А цирковая декорация — это попросту аппаратура, на которой или при помощи которой показываются те или другие упражнения, а по цирковой терминологии — трюки. Цирк — это прямая демонстрация мастерства! Имена Никулина и Попова, Бугримовой и Кио знакомы, как минимум, трем поколениям харьковчан. Хотя мало кто знает, что оттачивали они свое мастерство и стартовали на нашем, харьковском манеже. Но было бы несправедливым не дополнить этот звездный ряд еще одним именем, а точнее поставить его первым. Федор Дмитриевич Яшинов. Человек, который 50 лет проработал в должности директора цирка, и благодаря которому провинциальный, во всяком случае в масштабах бывшего Союза, харьковский цирк гремел на всю страну, а начинавшие свою карьеру артисты превращались в первоклассных мастеров. И может быть именно потому, что эти полвека человеческой жизни были прожиты с такой пылкой любовью к цирковому искусству, наш харьковский цирк зажигал и будет несмотря ни на какие трудные времена зажигать свои огни! А под его куполом всегда будут жить любовь к приключениям и стремление к чуду, самоотдача и бесстрашие, трудолюбие и упорство. И не найдется здесь места людским порокам: мелочности, подлости, несправедливости. Здесь всегда будет царить благородство. Причем неподдельное.

Ольга Адам

ИСКОПАЕМЫЙ... КВАРТИРАНТ

Музеи бывают разные — художественные и исторические, природы и воды, восковых фигур или сексуальных культур. Но сегодня наш рассказ коснется истории самого особенного музе нашего города.

Речь пойдет о музее археологическом. В первой столице он имее самую что ни на есть ископаемую и трагическую историю.

Рождением музея мы обязаны легендарному археологическому съезд 1902 года. Напомним, что по случаю съезда были организованы специальные археологические выставки, на которых экспонировались материалы раскопок таких именитых прапрадедов нашей археологии ка Багалей, Городцов, Редин, Данилевич и многих других. После съезд археологическая коллекция из нескольких тысяч единиц хранения хорошо документированная и охватывающая период от каменного век до средневековья, поступила в музей университета.

Колыбелью для новорожденной коллекции стала бывшая квартир попечителя Харьковского учебного округа на Университетской улице Годы становления музея совпали с гражданской войной, и ему пришлось понести невосполнимые потери. Первыми пострадали художественная и нумизматическая коллекции, несмотря на то, что новые власти организовали губернский комитет охраны памятников древности и искусства (ГКОПДИ), где крестным отцом археологии был профессор Федоровский.

Комитет создал подробные инструкции по выявлению, исследовани и охране археологических памятников для населения. Сумел упорядочить каталог оставшихся ценностей подготовить карту памятников археологии региона и наметить план

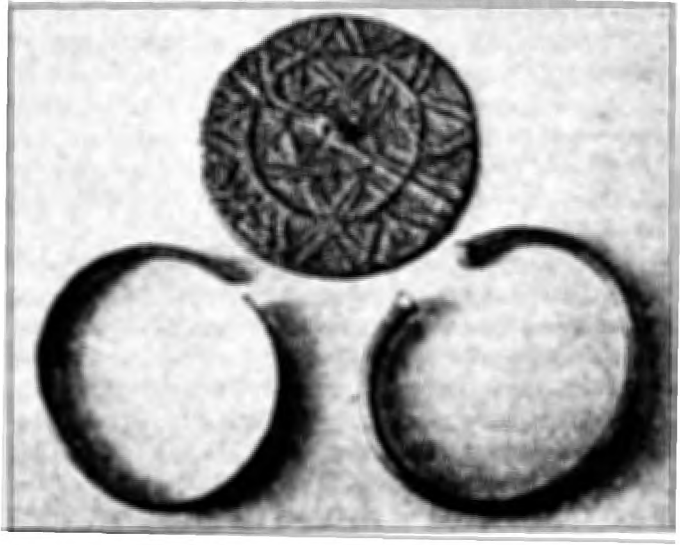
новых раскопок. Большинство экспонатов музея народный комиссариат художественно-исторических имуществ РСФСР причислил к категории уникальных, в высшей степени редких, чрезвычайно редких и весьма редких.

Но финансовую поддержку комитету в связи с этими обстоятельствами комиссариат оказывать не собирался. Вместо этого советская власть решила вплотную заняться политпросвещением харьковской ученой элиты. И когда в комитет по охране памятников был прислан новый секретарь, призванный этим заниматься, все члены комитета в знак протеста подали в отставку.

Дальше события развивались стремительно: большевики быстро организовали новый комитет, который через неделю в полном составе ушел на фронт, а в городе с минуты на минуту ожидали вторжения деникинцев, шла постепенная эвакуация и «в высшей степени редкие» наши музейные экспонаты готовились в свое первое путешествие в эшелоне вместе с семьями ответственных партийных и советских работников. Но доехали они в сопровождении такого почетного эскорта лишь до Белгорода — там, неизвестно к счастью или к горю, на поезд напали лихие отряды батьки Махно, что нынче известно доподлинно, так как ценности: эмали, монеты, геммы и многое другое были позже обнаружены в Гуляйполе.

После нашествия орд Деникина городские музеи превратились в разграбленные склады, которые надо было заново описывать, оценивать и раскапывать. Основная часть коллекции все же пропала безвозвратно.

В 1920 году харьковские ученые вновь образовали комитет, и работы у него теперь было еще больше. Университет был ликвидирован,

но профессор Федоровский добивается, чтобы археологическая коллекция стала музеем. Официально годом рождения музея считается 1933. Именно в этом году он получил помещение на Совнаркомовской (напротив нынешнего оперного театра) и гордый статус городского музея. Профессор Федоровский возглавил музей и до 1936 года проводил систематические поиски и раскопки, обработку и научный анализ вещественного материала.

При музее заработали научные курсы и семинар. Директор сумел вдохновить большую группу людей на энергичную работу по изучению местных древностей путем экскурсий и разведок. Работа велась в любую погоду и абсолютно на общественных началах. Художником при музее самоотверженно работала Зинаида Серебрякова из рода Лансере—Бенуа, имение которой под Харьковом после революции оказалось разграблено. Она осталась без средств к существованию, но все равно бесплатно работала над зарисовками и упорядочением экспонатов и размещением экспозиции в залах.

Многие из этой археологической группы впоследствии стали профессиональными археологами, а пока они выполняли роль экскурсоводов. Фонды стремительно пополнялись. В экспозицию стали входить экспонаты эпохи неолита, медно-бронзового периода, скифо-сарматской эпохи, готского периода, эллинской культуры, кочевников и славян. Кроме того, в музее были египетские мумии, саркофаги, коллекции изделий из Китая и Монголии, бронзовые статуэтки и большие статуи, печатные доски с иероглифами, доспехи средневековых рыцарей и многое другое. Поэтому в посетителях недостатка не было — за год музей обслуживал более 4 тысяч экскурсий. В Харьков приезжали археологи со всего Союза и из-за границы, чтобы поработать с материалами музея, который стал гордостью города. В том же году музей вновь был принят в большую университетскую семью. И как это у нас часто бывает, завистливые коллеги стали потихоньку выживать популярного директора. В 1936 беспартийный профессор археологии Федоровский вынужден был оставить любимую работу. Да и в новом помещении музею пришлось прожить совсем недолго — война началась, когда еще не все экспонаты переехали в здание.

То, что осталось от музея после войны, можно было пересчитать по пальцам: остатки безлюдовского монетного клада, который когда-то составлял более тысячи арабских дирхем IX века нашей эры, отдельные предметы восточного происхождения из дореволюционного фонда, каменная плита с текстом херсонесского декрета II века нашей эры, коллекция каменных баб, два мраморных бюста — вот и все нехитрое богатство. Конечно, этого было недостаточно, чтобы организовать научную экспозицию хотя бы одного из периодов, тем более что здание было разрушено и восстановлению не подлежало...

Возрождать музей нужно было за счет новых археологических исследований. Первым стали копать скифский курган у Люботина под руководством Семенова-Зусера. Затем молодой, начинающий ученый Борис Шрамко провел интенсивные широкомасштабные раскопки в бассейне Северского Донца, преимущественно скифского времени.

За его плечами такие знаменитые памятники как Водяное, Мохнач, Донецкое городище, городище у Коробовых хуторов, Бельское городище. Рамки одной статьи, конечно, не могут вместить подробный рассказ обо всех археологических исследованиях нашего края, но можно сказать, что на основе ежегодных поступлений музейные фонды увеличились настолько, что новая экспозиция, состоящая из более чем двухсот тысяч экспонатов, безусловно, могла бы снова составить гордость нашего города и давала бы своим посетителям полное и подробное представление о жизни наших предков. Мы могли бы проследить как этнически разные народы заботливо пронесли огонек цивилизации сквозь все препятствия, терпеливо приспосабливая нашу землю к нормальному существованию. Могли бы, но... музей, у которого нет возможности создать экспозицию хотя бы об одном из периодов, ютится в комнатушках и подвалах музея природы. Сотрудники крупнейшего в Украине археологического музея проводят научные исследования в тесноте и без специальной аппаратуры. Заведующий музеем археологии и этнографии Валерий Владимирович Скирда считает, что музей фактически превратился в склад археологических находок.

В прошлом году к столетию Салтовской культуры в галерее АВЭК харьковчане могли увидеть часть этих уникальных экспонатов. Может быть, мы стоим на пороге того времени, когда в историю музея впишется новая страничка, и он, наконец, приобретет новый юридический адрес, может быть, город предоставит квартиру для археологической науки, благодаря которой, в принципе, и установлен возраст первой столицы. А пока что археологический музей у нас проживает лишь на правах квартиранта.

Инна Можейко

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СОН НАЯВУ, или ИСТОРИЯ СИНЕМАТОГРАФА ПО-ХАРЬКОВСКИ

Ответ на вопрос «Кто изобрел кино?» знают все — конечно же братья Люмьер. Но так ли на самом деле? Обратимся к истории.

Общеизвестный факт: 22 марта 1895 г. братья Люмьер впервые показали парижской публике движущиеся картины. Уже в 1896 году их сеансы начались и в России. Кинематограф у нас тогда называли иностранцем, но мало кому известно, что родом этот самый иностранец из Харьковской губернии, как и его изобретатель, сын крепостного крестьянина из села Окоп, Иосиф Андреевич Тимченко.

Окончив церковно-приходскую школу, он устроился в Харьковский университет учеником механика. Здесь он проработал 7 лет и заслужил репутацию великолепного специалиста. В это же время он знакомится с известным путешественником Миклухо-Маклаем и под его влиянием решает уехать на Новую Гвинею. Но поездка сорвалась, и Тимченко вернулся к своей любимой механике. 9 января 1884 года в Москве на съезде русских естествоиспытателей демонстрируется разработанный им гениально простой аппарат для проекции изображения на экран. Это произошло на 1 год и 3 месяца раньше, чем демонстрация синематографа на бульваре Капуцинов. Но, кроме ученых, это изобретение никого не заинтересовало. Николай II, узнав о нем, воскликнул: «Все это — вздор, и никакого значения таким мелочам придавать не стоит». Не предполагал тогда великий самодержец, что буквально через два с половиной года фильмы братьев Люмьер начнут победоносное шествие по России, а изобретенный Тимченко механизм будет использован в лучших моделях зарубежных киноаппаратов безо всякого упоминания об авторе.

Первое кино харьковчане увидели 7 июня 1896 года в саду Коммерческого клуба. Его демонстрировал агент английской кинофирмы Монше. Осенний киносезон этого же года открыл некто Ахиллес, который в фойе городского драматического театра показывал иностранные фильмы, как писали газеты, отвратительного качества. Но никто не подозревал, что в это самое время харьковский фотограф Альфред Федецкий уже начал снимать первую в Украине кинохронику.

Ателье Федецкого, находившееся на Екатеринославской, считалось лучшим в городе. Сам он получил редкое по тем временам образование в фотографическом институте при Венской академии художеств, был предан своему делу и мечтал об открытии высшей фотографической школы в России. Благодаря своему мастерству был хорошо известен за границей. Зарабатывал на жизнь портретами, но при этом всегда старался отказаться от общепринятой композиции снимка и делал фотографии, близкие к реалистичной живописи. И харьковчане, проходя мимо его мастерской, всегда останавливались, чтобы полюбоваться выставленными в окнах портретами местных и приезжих знаменитостей. Любопытный факт: в благодарность за свой портрет известный маринист Айвазовский подарил Федецкому картину с дарственной надписью.

Зная пристрастие фотографа ко всяким новинкам, горожане не очень удивились, прочитав в газете, что Федецкий рекомендует к использованию привезенное из-за границы новое изобретение — кинематограф, делающий 120 снимков в минуту.

А воскресным декабрьским утром на замерзших харьковских улицах звенели голоса мальчишек-газетчиков: «Завтра, 2 декабря, в оперном театре будет дан сеанс кинематографа Альфреда Федецкого! Впервые в Харькове будут показаны живые фотографии из местной жизни!

Джигитовка казаков Оренбургского полка! Харьковский вокзал в м
мент отхода поезда! Спешите видеть!»

Почтенная публика, собравшаяся в тот день в оперном театре, сл
шала «Севильского цирюльника» крайне невнимательно. Зал был п
лон, но все ждали конца спектакля. Даже в антракте только и разгов
ру было, что о предстоящем киносеансе. Ведь при всем уважении
Федецкому, харьковчане привыкли считать киносъемки вотчиной ин
странцев. Но последующие полчаса не оставили камня на камне
этого представления. Изображение на экране оказалось настолько че
ким, что можно было легко узнать лица людей. Восторженная публи
вскакивала с мест и аплодировала. Это был настоящий успех отеч
ственной кинематографии.

Федецкий, занимаясь съемками, мало интересовался коммерческо
стороной дела. Его больше привлекала любовь ко всему новому. Во
сеансы были благотворительными, средства от них шли в пользу хар
ковской бедноты. Поэтому, наверное, он и не смог выдержать жестко
конкуренции в кинобизнесе. Харьков заполонила иностранная кино
продукция. Французские и английские фирмы 10 лет удерживали мо
нополию на производство фильмов. Только в 1908 году в Петербур
Дранков наладил производство русских кинолент. А в Харькове в это
же году братья Боммер открыли первый капитальный кинотеатр. О
пользовался такой популярностью у горожан, что посещение его бы
связано с риском для жизни. Однажды толпа, жаждавшая зрелищ
задавила несколько человек насмерть. После этого-то и появилис
номера мест на билетах. Еще одним новшеством был тапер, сопровож
дающий фильм игрой на дребезжавшем фортепиано.

Владельцы кинотеатров, возникавших, как грибы после дожд
ввели специальные правила поведения, запрещавшие, например, то
пать ногами, если посреди сеанса рвалась лента. Впрочем, таки
досадные мелочи не слишком смущали публику. И вновь пере
затаившим дыхание залом разворачивалась совсем иная жизнь, боль
ше похожая на сон — роковая любовь, невероятные приключения
неведомые страны.

Эпидемия кино 100 лет назад охватила все и вся. О его будуще
размышлял Лев Толстой, электрическим сном наяву называл его Бло
но лучше всех о нем написал Андрей Белый: «Синематограф — сколь
целомудренной грусти, надежды, сколько воспоминаний при этом слов
Синематограф — уют, трогательное поучение. Он возвращает нам про
стые истины».

Кино называли чудом XX века. Увы, вечных чудес не бывает, и н
исходе столетия опустели кинотеатры, мы перестали ходить в кино —
нам достаточно просто включить телевизор...

Инна Можейко

СКУЛЬПТУРНЫЙ СИМВОЛ ХАРЬКОВА – КАКИМ ОН МОГ БЫТЬ

Любовь к Великому Кобзарю в нашем русскоязычном городе имеет глубокие корни. Хотя сам Шевченко в Харькове никогда не был, первый в мире памятник Кобзарю был поставлен именно у нас. Семья предпринимателей, просветителей и меценатов Алчевских заказала бюст поэта петербургскому скульптору Беклемишеву еще в 90-е годы XIX века. Разместили первый памятник Кобзарю в саду Алчевских возле их особняка в Мироносицком переулке (ныне ул. Совнаркомовская). Там он простоял, правда, недолго — всего три года, а затем власти распорядились его убрать. Но уже в 1910 году возникает новая идея памятника Шевченко. Поставить его решили в саду Технологического института. Как предполагал автор идеи, харьковский скульптор Сабо, на тропинке, ведущей внутрь искусственного холма — музея и читальни, должен быть установлен бронзовый памятник Тарасу, изображавший его в простом украинском костюме и с книгой в руках. Соорудить памятник предполагалось на пожертвования граждан, но началась Первая мировая война, затем — революция, и было не до памятников.

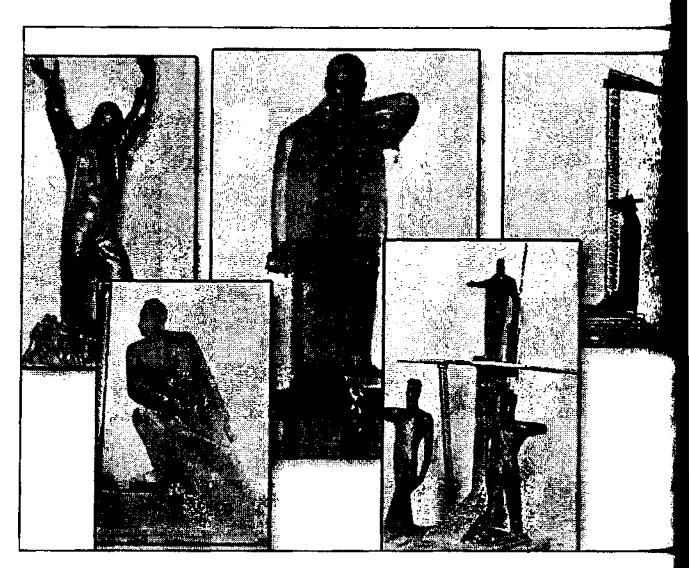
К мысли о создании памятника вернулись только в 1929 году. Правда, теперь его создание взяла в свои руки не общественность, а новая власть. Поэтому основная идея памятника была сформулирована следующим образом: Шевченко — поэт-революционер, борец за национальное и социалистическое освобождение Украины, провозвестник новой коммунистической организации. Был объявлен конкурс, который потом объявляли еще пять раз — может быть, потому, что идея несколько не соответствовала действительности...

Местом для памятника выбрали центр площади Тевелева (ныне пл. Конституции), рядом со зданием ВУЦИК. Процедура закладки, состоявшаяся в 1930 году, происходила очень торжественно — с речами, митингами и знаменами — вполне в духе того времени. После торжеств, как сообщали газеты, трудящиеся отправились в оперный театр выражать свою солидарность с властями в процессе над украинскими националистами, а скульпторы — в мастерские — творить.

Через год в небольшом особняке на улице Дарвина были выставлены результаты творчества скульпторов. Более 100 проектов, при-

надлежавших студентам и профессионалам, провинциалам и столич ным мэтрам, скульпторам СССР, Франции, Германии, Итали Польши — осмотрело авторитетное жюри и 15 тысяч зрителей. Интер к выставке, и без того огромный, подогревался прессой, но и пос тители, и жюри после осмотра работ пребывали в некоторой раст рянности. Их можно понять, ведь даже сегодня эти проекты ош ломляют своей, мягко говоря, несуразностью.

Конкурс был закрытым, и об авторах мы можем судить только п названиям, впрочем, тоже достаточно красноречивым: «бригада», «4—5 «до воли», «вражою злою кровью». Работы западных скульпторо выполненные в стиле конструктивизма, не содержали даже намека н фигуру. Это были шары и диски, пересекающие друг друга под ра ными углами. Исключение составили, пожалуй, только французы представившие Тараса взбирающимся к Господу Богу в сопровожде

нии двух ангелов с серпом и молотом в руках, и поляки, изобразив шие его в одежде шляхтича с типично шляхетским жестом.

Остается только порадоваться, что жюри не утвердило ни один и этих проектов. Конкурсный марафон продолжался. В начале 1933 год видные мастера, принявшие участие в финальном его этапе, очеред ной раз представили свои проекты. Мухина, Страхов, Чайков, Кри чевский и Меркуллов, Бульдин, Дараган и Торубаров — лишь некото рые имена в этом титулованном перечне участников. Но ни один и 30 проектов, по мнению жюри, не отвечал условиям и задачам кон курса. Правда, четыре из них жюри предложило авторам доработать, том числе — проект ленинградцев — скульптора Манизера и архитек тора Лангбарда. Через три месяца они подают новый вариант, кото

рый был признан самым лучшим. Конкурс таким образом был наконец-но завершен, и Матвей Манизер приступил к работе над скульптурой.

На этом, однако, приключения будущего памятника не закончились. Власти, четыре года подумав, решили перенести его с площади Тевелева в университетский сад, на то самое место, где в течение почти 30 лет спокойно стоял памятник основателю университета Каразину. Василия Назаровича в прямом смысле слова подвинули к университету, и на его месте в марте 1934 года повторно заложили памятник Тарасу Григорьевичу. В июне этого же года группа известных артистов театра «Березиль» выехала в Ленинград, чтобы позировать Матвею Манизеру, создававшему скульптурную галерею героев прошлого и нашего времени.

Катерина — Наталья Ужвий: «Как-то жутко становится от странной мысли, что в какой-то один день тебя на свете не станет, а в бронзе останешься на века». Крепостной — Амвросий Бучма: «За весь мой долгий творческий путь такую работу мне приходилось выполнять впервые. Она меня так захватила, что я не чувствовал усталости». Запорожец — Иван Марьяненко: «Во время сеансов я с большим волнением наблюдал, как из бесформенной глины из-под пальцев художника постепенно вырастали плечи, голова, лицо...» Прототипом крестьянки стала молодая актриса «Березиля» Сусанна Коваль; повстанец и «разрывающий путы» — Лесь Сердюк, а вот фигуры героев нашего времени безымянны — все, кроме одной. Наталья Гордиенко — харьковчанка, спортсменка, комсомолка, лучшая пионервожатая города, работница завода «Красный Октябрь». Ее бронзовое воплощение завершило эту сложную шестнадцатифигурную композицию, ставшую несомненной творческой удачей Матвея Манизера.

Злые языки, правда, долго еще говорили о том, что поворот головы Манизер позаимствовал у харьковского скульптора Страхова, а композицию — у молодых скульпторов Муравина и Ражбы, представивших на конкурсе 1933 года многофигурный вариант памятника с тем же самым принципом размещения героев — только на плоскости. Но, как бы там ни было, идея, время и место сошлись для того, чтобы

превратиться в скульптурный шедевр, достойный быть символом пе
вой столицы Украины.

У подножия памятника, воздвигнутого без малого 70 лет наз
сегодня течет обычная городская жизнь, и только экскурсоводы вз
хлеб рассказывают приезжим о том, что на его изготовление пош
30 тонн бронзы и 400 тонн лабрадорита; что для его строительст
была специально проведена узкоколейка и здесь работало 200 рабоч
разных специальностей; что до войны он считался самым больши
бронзовым памятником в СССР и до сих пор — одним из лучших
мире. А бронзовый Тарас спокойно взирает со своей высоты на в
происходящее внизу и думает свою думу...

Виктор Кофанов

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Уже завтра ее величество память запишет в свой каталог листок сегодняшнего дня. Река времени подхватит его, чтобы где-то там за излучиной превратиться в реку забвения. Говорят, если внимательно всмотреться в воду этой реки, можно увидеть много интересного.

В 1902 году на берегу реки Харьков по проекту архитектора Цауне было начато возведение специализированного здания театра, а в девятьсот девятом его приобретает харьковский, как сейчас сказали бы, монарх развлечений Жаткин. В лексиконе харьковчан появляется новое словосочетание — Малый театр. Но оставим короткий предреволюционный период деятельности театра, кстати, слывший весьма фривольным заведением.

За три года гражданской войны через город вместе с разноцветными властями прошли, ненадолго задержавшись, известные артисты, поэты: Вера Холодная, Александр Вертинский из старорежимных, Есенин, Мариенгоф, Хлебников из новых, а молодой революционный солдат Леонид Утесов самолично арестовывал коменданта Харькова. Вот в этой круговерти вместе с наступавшими и отступавшими (для кого как) передвигались группы актеров многочисленных театров погорелой Российской империи.

Первые попытки поставить театр на службу новым задачам Пролеткульта (пролетарской культуре) делали Московский театр Революции во главе с Мейерхольдом, затем Петроградский героико-революционный театр. Такие названия театры сами себе выбирали, прежде всего, чтоб отличаться от старого театра сразу же даже названием — театр для людей революции, о людях революции, об ее героях. Вместо «императорский» теперь «героический».

К 1921 году Харьков — столица Советской Украины, как и вся страна, находился в ужасающем экономическом положении. Промышленность остановилась, безработица достигала 50 и более процентов, демобилизованные красноармейцы возвращались, и шли или на биржу труда или пополняли ряды организованной преступности, и лишь харьковская ЧК работала без выходных. И вот в таких условиях в помещении Малого театра из разрозненных групп актеров и рабочей

молодежи создается театральная студия, которая останется в справо
никах и энциклопедиях как Харьковский героический театр. Перв
попытка в нашем городе создать другой, новый театр, репертуар кот
рого составляло бы только истинно революционное искусство. А с
мым известным произведением этого направления к тому време
была пьеса Маяковского «Мистерия-Буфф», впрочем, насколько изве
ным, настолько и скандальным. Как ее представлял сам автор — «Г
роическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи».

Сама пьеса разбита на шесть действий, это — Вселенная, ковч
ад, рай, страна обломков и земля обетованная, а среди действующ
лиц есть такие экзотические как эскимос-рыбак, эскимос-охотник, обе
черт, Лев Толстой, молот, серп, сапог и доска с рычагом.

Однако не стоит удивляться тому, что машины и вещи одушевл
лись и ставились на один уровень с людьми, что так близко иде
футуризма. В начале 20-х «Человек-машина» — это звучало горд
Саму же пьесу можно назвать футуристической библией революци
где человек, прозванный здесь «человеком просто» пройдя испытан
голодом, побывав в аду и раю, возвращается на землю уже «человек
будущего» и вместе с такими же другими строит царство освобожде
ного труда.

Премьера пьесы была назначена на 7 ноября 1921 года. На занаве
был написан лозунг «Кто был ничто — сегодня все», а все места заня
весьма разношерстная по классовому составу харьковская публика.

Это единственная репродукция декорации сохранившаяся с то
спектакля, написанная художником театра Александром Хвостенко-Хв
стовым, кстати, выпускником того же Московского училища зодч

писи, ваяния и архитектуры, в котором учился Маяковский, а посему, конечно же, исполненная в футуристическом стиле. Простим театральному художнику некоторые географические вольности. Подумаешь, Москва явно западнее Харькова. Пустяки. Ведь для современников вся планета тогда представлялась вихрем революций, кочующих над земным шаром.

Рождение нового из хаоса старого на сцене по ходу пьесы сопровождалось репликами с мест, отвечающими политическим взглядам аудитории. Кричали в основном «балаган» и «гениально». Когда закрылся занавес, зал уже вовсю напоминал митинг. Скандал равнялся успеху.

После спектакля было проведено анкетирование. Из 56 рабочих остались довольными 40 человек, недовольными тринадцать. Вот некоторые мнения. Рабочий: «Поразительно, первый раз вижу такой спектакль и за все время революции впервые почувствовал себя удовлетворенным, хотя и бывал в командировках в Москве». Из отрицательных характеристик следующие: «долой футуризм», «пьеса «Мистерия Буфф» — безвкусный лубок, написанный кретином», «портит цинизм, которым пропитана пьеса, как и автор, здоровый парень Маяковский».

Эхо этих споров быстро достигает Москвы, и через месяц в Харьков врывается сам автор.12 декабря в нынешнем театре Шевченко он участвует в диспуте о футуризме. Неизвестно, чем закончился сей диспут, но известно, что через два дня Маяковский выступал в общественной библиотеке, откуда направился, надо думать, пешком в Героический театр для того, чтобы там устроить небольшой Дювлам, нет, это не то, что вы подумали — Дювлам расшифровывается достаточно безобидно «Двенадцатый юбилей Владимира Маяковского». Окрыленный вниманием автора и публики, Героический театр с оптимизмом смотрел в будущее.

Сейчас уже можно говорить о том, что пьеса Маяковского родила театр, она же его и погубила, после «Мистерии-Буфф» трудно было создать что-то более сильное и яркое о революции, и хотя были поставлены еще два спектакля — «Царь-голод» и «Армия в городе», — театр умирал, хотя я осмелюсь предположить, что причиной явилось не несоответствие пропаганды революции со сцены и повседневной жизни, с которой приходилось сталкиваться самодеятельным актерам за пределами театра.

Вчерашние спекулянты и преступники сегодня стали нэпманами; то, из-за чего ЧК вчера расстреливало, сегодня поощрялось властями.

Буфф буржуазии побеждал мистерию революции, а красная сказка мировой революции разбивалась о серые будни быта.

Героический театр, вынырнув из пучины революции, погрузился в реку забвения.

Владимир Нестерук

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

История Российской империи XIX века разноо
разна и сложна. Немалое место в ней занимают кавказские войны
Казалось, какое отношение имел к этому Харьков?

Прямое. Неподалеку от нашего города в красавце Чугуеве был
поставлена точка этим самым войнам.

Из телеграммы князя Барятинского государю Александру II о
22 августа 1859 года: «Имею честь поздравить Ваше Императорско
величество с тезоименитством, все крепости горцев в Чечне взяты
Осаждаю аул Гуниб, где заперся Шамиль со своими мюридами».

А равно через три дня по Кавказской армии прошел приказ: «Гу
ниб взят, Шамиль в плену, поздравляю армию». Имам Шамиль за
щищался до последнего. И только после многих недель осады, реши
спасти последних друзей и семью, сдался русским войскам.

Осень захватила небольшой город Чугуев, что неподалеку от Харь
кова. По грязной улице протащилась упряжка лошадей, тянущих ка
рету, на плацу исправно мерили шаг солдаты, подбадриваемые крика
ми фельдфебеля. Славился Чугуев несколькими вещами: тем, что старш
Харькова на десяток с лишним лет, большими военными лагерями
вкусным виноградом.

Но в этот день город был не похож на самого себя. По улица
промчался полицмейстер, раздавая приказы дворникам и хозяевам до
мов, рота солдат наводила чистоту, пугая обывателей. А чуть позже, н
небольшой площади выстроились войска, по краям жались горожане
Когда показались кареты, раздалось громкое «ура». Толпа восторжен
но закричала: «Государь, государь». Из кареты вышел высокий краса
вец в форме русского офицера — император Александр II, из друго
кареты появился пожилой мужчина в горском костюме — Шамил
Император пригласил имама пройтись по парку: «Как Ваше здоровье
сударь? Всем ли Вы довольны?» Завязалась беседа. Позже пленник
пригласили отобедать, а потом посмотреть парад.

По площади пошли войска: вначале пехотные части. Александ
показал на мальчика в ряду солдат: «Это мой сын». Появилась нова
колонна, во главе молодой офицер: «И это мой сын». Завершала пара

конница, император указал на высокого, мощного офицера: «А это мой старший, наследник». «Счастлив отец, у которого растут такие воины», — ответил Шамиль. По окончании парада царь пригласил гостя и пленника в Харьков — осмотреть город.

Так в маленьком Чугуеве ставилась точка в войне, длившейся пятьдесят лет.

Александр II

Приход России на Кавказ начинался вполне мирно. В XVIII веке во времена Екатерины II Грузия попросила покровительства у императрицы. В 1801 году при императоре Павле I Грузия официально вошла в состав империи. Так же поступила Армения, опасаясь турецких и персидских зверств. Но трудности ожидали русских в горах Северного Кавказа, многочисленные народы которого не желали терять своей независимости, а тем более не желали отказываться от походов за русскими рабами и от грабежей. Особенным упорством отличались чеченцы, ингуши, авары и некоторые племена черкесов. В итоге в начале XIX века началась долгая война по захвату и удержанию Северного Кавказа.

В 1819 году русские войска строят крепости — Грозная (будущий Грозный) в Чечне и Внезапная в бывшем Аварском ханстве (Дагестан). Начинается сопротивление, одним из первых руководителей чеченского сопротивления становится Бей Булат. Следует сказать, что до русского вторжения Чечня и бо́льшая часть Дагестана жили вольными общинами — братствами и никогда не знали дворянства и единоличного руководства. Все решалось по традиционному праву — адату. Различные общества жили разным, кто земледелием, кто скотоводством, немаловажными были ремесла и походы за добром русских и рабами.

Шамиль

Как ни странно, значение ислама было невелико, по преданиям некоторые племена даже не были мусульманами или приняли вероисповедание совсем недавно и не совсем

искренне. Экспансия русских все изменила — появилась необхо
мость в едином руководстве. Развитие получили крайние формы исл
ма и фанатизм, ранее не свойственный горским народам.

Восстание Бей-Булата к 1820 году набирает силу, но вождь вско
убит неведомыми людьми. Экспансия империи усиливается со врем
ни воцарения Николая I, человека консервативного и сторонника с
ловых решений. К тому же большинство управленцев и офицер
вначале не знали специфики Кавказа, обычаев, верований и зачасту
оскорбляли чувства горцев, даже не желая того порой, но иногда
специально. И тогда часть жителей Северного Кавказа находит сил
способную объединять и как казалось многим — остановить русски
Этой силой стал ввод шариата — мусульманских законов и газават
религиозная война против «неверных».

Первым военным, гражданским и религиозным руководителем (им
мом) Дагестана и Чечни становится Гази Мухамед. В 1832 году и
организован поход в Чечню, поддержанный местным население
В ответ русскими войсками во главе с бароном Розеном сожжен
60 аулов, жители переселены в равнинную местность, где за ним
легче было наблюдать. После смерти Гази Мухамеда, вторым имамо
становится Гамзат-бек. Но в 1834 году он был убит наемными убий
цами прямо в мечети. И тогда имамом становится Шамиль.

Рожденный в простой семье в 1798 году, он становится ученико
Гази Мухамеда и выдвигается в число его ближайших сподвижнико
Юношей он учит русский и арабские языки, занимается стихосложе
нием, изучает военное дело, историю, мистику, математику, закон
диспута.

За пять лет Шамиль объединяет под своим руководством террито
рии Чечни, Ингушетии, бóльшую часть Дагестана. К нему примыка
ют многие руководители независимых горских отрядов, в их числ
знаменитый Хаджи Мурат.

В 1839 году Шамиль и пятьсот его сподвижников были окружен
в горном ауле Ахульго русскими войсками в количестве 15 тысяч
Восемьдесят дней длилась осада, непокоренные горцы вырвались и
окружения, потеряв 400 человек, русские потери были более трех ты
сяч человек. С 1839 по 1849 год Шамиль правит Восточной частью
горного Кавказа, успешно отбивая русские войска в более чем десяти
сражениях. За эти годы потери империи составили двадцать тысяч
человек. И тогда было принято радикальное решение — уничтожит
все горные аулы, население переселить на равнину, в каждом новом
селении поставить воинскую часть, лишить Шамиля поступления про
дуктов и пополнений. Подобная стратегия, подкрепленная мощно
русской армией, набравшей специфический горный опыт, сделали сво
дело. Силы Шамиля тают, население нищает, усиливаются репресси
со стороны «мусульманской службы безопасности», появляются недо

юньные и враги. Но еще долгие 10 лет воюет Шамиль и его верные мюриды, пока не оказываются окруженными в ауле Дарго. Финал известен — сдача в плен.

Именно в эти годы середины XIX века в России начинают проводиться реформы, на престоле новый император Александр II, ему удается закончить войну на Кавказе. Финальная точка будет поставлена в 1859 году в Чугуеве, недалеко от Харькова, когда впервые встретятся император Александр II и плененный имам Шамиль. Впереди у них будут долгие годы жизни и разные судьбы: один умрет в далекой Мекке мирным богомольцем, второй от бомбы террориста, получив «благодарность» за освобождение крестьян от крепостного права, Балкан от турок и свершив множество не менее значимых дел, не успев главного — принять Конституцию. И судьбы Российской империи пойдут иной дорогой. Что делать, таковы странные судьбы стран и великих людей. Но важной вехой в этих судьбах и истоках множества историй — маленький город — Чугуев, 1859 год.

Виктор Кофанов

СОГРАЖДАНИН НЕБА

Университетско-губернский Харьков начала XIX века зрелище являл собой не самое живописное, а плотина с двумя водяными мельницами, что находилась чуть ниже современного Харьковского моста, была такого жуткого вида, что в ожидании проезда высочайших особ, возле мельниц был устроен дощатый щит с нарисованным на нем зáмком и предназначенный «для скрытия непривлекательной наружности мельниц». 1837 год.

2004 год — самая большая в стране барахолка находится между станциями метро имени двух академиков. Воистину подобный союз возможен только в нашем городе. Наш рассказ о человеке, который не имел никакого отношения ни к гидротехнике, ни к оптовой торговле. Однако, и мельницы XIX века, и базар XXI и тогда и сейчас, носят одно и тоже название, самую упоминаемую на планете Земля харьковскую фамилию — Барабашова.

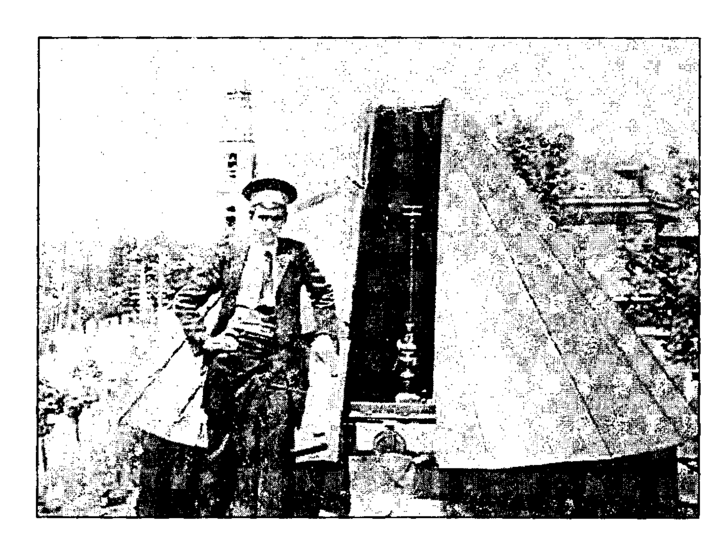
«Круто изменила дальнейшую жизнь» — фраза, подразумевающая ту жизнь, предыдущую. Какая жизнь у 12-летнего мальчишки? Весьма насыщенная: игра на скрипке, стихосложение, чтение (в основном Жюль Верн), в конце концов, запуск кота на воздушном змее. Как-то отец мальчика, известный офтальмолог, ученик Гиршмана, подарил сыну книгу по астрономии и подзорную трубу. Коленька Барабашов поднимается с ней на чердак, и звездная наука пополняет свои ряды еще одним харьковчанином. Справедливости ради надо сказать, что отец мальчика был страстным любителем-астрономом, а потому во время поездки во Францию и старший и младший Барабашовы с невероятным трепетом ждали аудиенции у самого известного европейского популяризатора астрономии. Камилю Фламмариону эти двое русских явно понравились. На книге, которую он подарил юноше, красовалась надпись «От согражданина неба». Итак, дальнейший жизненный путь был предопределен.

Окончив гимназию с серебряной медалью, Николай Барабашов поступает на физико-математический факультет Юрьевского университета. Через год сына навещает отец и... узнает его только по глазам. Худой, изможденный, тяжело дышащий человек. Доктора не обмануть. Туберкулез.

Семья пережила шок. Лечение в Швейцарии ничего не дает. Последний шанс Италия. Сан-Ремо. Профессор Фарланини, который только что открыл новый метод лечения «Пневмоторакс». Пациент выжил, но какой ценой? Одно легкое уже не заработает никогда.

Вскоре лечение прерывает начавшаяся мировая война. Он покидает Италию на последнем русском пароходе. После нескольких дней издевательств турецких чиновников им вдруг разрешают пройти Босфор. Никто из пассажиров не знает, что впереди минное поле. Но судьба явно берегла его для каких-то других более высоких целей.

1916 год. Студент 1 курса физмата Харьковского императорского университета на крыше родительского дома (по адресу Змиевская, 1) в собственной микрообсерватории одним из первых в России получил снимки Луны и солнечных пятен.

Исследуя особенности отражения света от лунных морей и сравнивая их с характером отражения от образцов земных горных пород, ученый приходит к выводу, что лунная поверхность обладает пористостью. Казалось, его совершенно не интересует жизнь, которая проходила там, внизу. Проходила сапогами: гайдамаков, красных, белых, немцев, ЧК. Только по пути в университет он узнавал, какая сегодня власть в городе. Как впоследствии вспоминала супруга: «Можно было пойти в гости при одних, а возвращаться уже при других». Мобилизации он не боялся, какой армии нужны астрономы да еще с одним неработающим легким. В результате он окончил университет в неспокойном 1919 году и не оставит его уже никогда.

С этого момента его карьера будет неразрывно связана с Харьковом. Здесь следует заметить, что молодое государство рабочих и крестьян не экономило на науке, как это происходит сейчас. Статьи харь-

ковского астронома регулярно публикуются в зарубежной и советск
научной литературе. А университет выделяет ему домик в саду, чтоб
жить недалеко от обсерватории.

Здесь он открывает еще один спутник, самый важный и тако
естественный. Николай Павлович с первого взгляда полюбил сво
будущую супругу, и после свадьбы они уже были неразлучны. И
соединили звезды. Чертовски точно сказано! Жизнь двигалась по св
ей привычной орбите. В 1932 году на свет появляется Валя — звездо
ка-дочка. Через год Барабашов зав. кафедры астрономии ХГУ. На
базе формируется харьковская школа планетоведения, создается фото
метрический каталог более чем полусотни деталей луны по методи
предложенной Николаем Павловичем.

И опять в Европе война. Только теперь вместо итальянского Сан
Ремо городок Щучье в казахстанских степях. Работа в Объединенно
украинском университете, так тогда называлось слияние двух высш
учебных заведений второй и первой столицы. Жили очень голодно
пайка на всех не хватало. О здоровье говорить не приходится.

Он вернулся в Харьков первым поездом, по только что восстанов
ленной железной дороге от Купянска. Валентина Николаевна, доч
вспоминает, что самым сильным впечатлением от освобожденного го
рода было отсутствие людей. Когда ее отец первый раз вышел н
улицу, то по пути от Площади Восстания до сада Шевченко он насчи
тал восемь человек. Живых.

В ноябре 43-го Барабашова назначают ректором университета. Со
хранившиеся записные книжки дают представление, с чем ему при
шлось столкнуться. Нужно было составить списки уцелевших сотруд
ников, спасать растения в Ботаническом саду, доставать котел дл
столовой, расселять людей — и все это в условиях полной разрухи. Н
каждая страничка перечеркнута. Это значит сделано. А рядом в Гос
проме по ночам люди рубили паркет на дрова.

Дальше произошло то, что, наверное, должно было произойти
Голод в эвакуации и напряжение сил привели к обострению туберку
леза. Он вынужден был оставить пост ректора. С мая 1945 года о
вместе со страной начинает жить новой жизнью. Даже ошибка пас
портистки кажется символичной. Фамилия теперь пишется через «о»
Это так по-харьковски — Барабашов.

Рубеж 50—60-х — самые яркие, живые годы Николая Павловича
Освоение космоса вызвало общий интерес к астрономии. Он издает
серию научно-популярных книг, где простым языком объясняет стро
ение солнечной системы, перспективы освоения космоса, необходи
мость учиться. В 57-м он смог пробить идею планетария, второго
Украине, вел астрономический кружок во Дворце пионеров, и все эт
не оставляя основной работы в университете, будучи депутатом Вер

ховного Совета СССР. Николай Павлович Барабашов награжден четырьмя орденами Ленина, Золотой звездой Героя Соцтруда... Но какими усилиями ему это давалось. Более четверти века несколько раз в день Николаю Павловичу делала перевязки его супруга Вера Арсеньевна. Когда боль в груди отступала, он мыслями возвращался в прошлое. Крыша родительского дома, телескоп, университет. В тот Харьков, город в котором он родился и умер. Наш город. И другого у нас нет.

P.S. Кстати о базаре. Помните, в начале сюжета я упоминал о деревянном щите, который закрывал ужасные Барабашовские мельницы. Его убрали вместе с мельницами. Это я так к слову.

Ольга Адам

О ЛЮБВИ, МЕТРОЛОГИИ И МЕНДЕЛЕЕВЕ

В 2000 году среди жителей Харькова был проведен опрос. Его результаты показали: харьковчане понимают, что спасти некогда крупнейший промышленный центр может только мощный экономический стержень в виде особой экономической зоны. Но дальше понимания дело не пошло, как говорится, воз и ныне там. А между тем еще 100 лет назад этой идеей был одержим не кто-нибудь, а сам великий создатель периодической системы Д. И. Менделеев.

По причине кризиса в угольной промышленности в конце XIX века правительство направило Менделеева для изучения ситуации в Донецкий регион. Но мало кто знает, что был он и в Харькове. После дневных поездок на рудники он вновь возвращался в город, с которым его связывала дружба с семьей харьковчан Бекетовых—Алчевских.

Андрей Николаевич Бекетов, ректор Петербургского университета, дядя нашего архитектора сыграл решающую роль в устройстве личной жизни Менделеева. То, с чем многие семейные пары мирятся всю

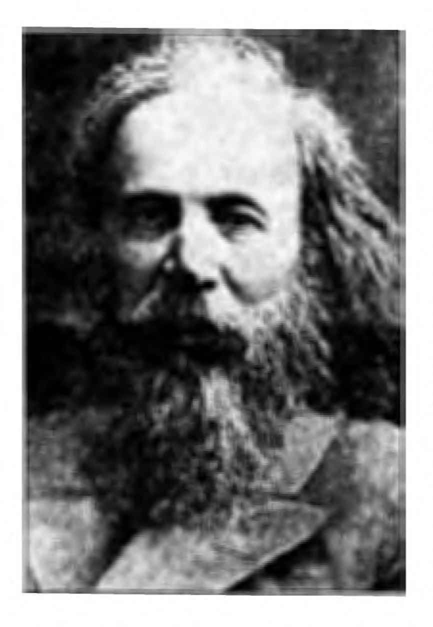

жизнь, было не под силу горячей страстной натуре гениального химика. Упреки, слезы и ограниченность первой жены раздражали его чрезвычайно.

Прожив так лет двадцать, они разъехались, договорившись официально не расторгать брак. Свою новую судьбу он сначала услышал. Вернулся как-то с лекции перекусить и вдруг слышит — музыка. Как давно ее не было. Лекции, опыты, заводы, поезда, лаборатория, расчеты, объяснения с женой, заседания... Как давно не было музыки! За роялем сидела 17-летняя Анна Попова.

Четыре года он писал Анюте нежные и глубокие письма и складывал их в ящик. Трезво оценив положение на шахматной доске: он — крепкий еще мужчина 47 лет, имеющий жену и двоих детей, она — юная красавица, художница, — Менделеев все таки просит ее руки у родителей. Они в ужасе отказывают и отправляют Анну в Рим — подальше от греха и нежелательного жениха. Дмитрий Иванович всерьез думает о самоубийстве. Он пишет завещание и решает по пути на научный съезд в Алжир броситься с палубы в море. Помог Андрей Николаевич Бекетов. Именно он убедил первую жену Менделеева дать согласие на развод. Бракоразводный процесс растянулся на

целый год. Нетерпение Менделее
было так велико, что он, бросив вс
уезжает к Анне в Рим; вдвоем он
путешествуют по Европе. Анна рис
ет, а Менделеев, не забывая о хими
налаживает научные связи. Венчан
состоялось в Петербурге. А через тр
дня крестили их дочь — Любу, кото
рой через 20 лет посвятит свои зн
менитые стихи о Прекрасной Да
Александр Блок, внук Андрея Нико
лаевича Бекетова. С тех пор чета Мен
делеевых никогда не расставалась
и в Харьков они приезжали вмест
Их видели вместе на всех светск
мероприятиях и развлечениях. Ан
писала харьковские пейзажи, а Дми
рий Иванович занимался поиско
причин кризиса в угольной промыш
ленности. Помогал ему в этом Алексей Кириллович Алчевский, личн
заинтересованный, поскольку прикладывал немало усилий для ее раз
вития, не говоря уже о капитале. Вместе они разрабатывали програм
мы поездки по Донбассу, вместе ездили на рудники. Постепенно вы
рисовывалась картина: наш регион как стратегический важный объе
для России умрет , если его не поддерживать государственными инв
стициями. Посетил Менделеев и Харьковский университет. Оцени
блестящий профессорский состав, он отметил тесноту аудиторий
нехватку оборудования в химических лабораториях. Менделееву стал
ясно: надо обращаться к императору. Иначе он пока не мог помоч
этому богатейшему природными ресурсами, минеральным сырьем
научным потенциалом региону. Менделеев пишет книгу «Будущая сил
покоящаяся на берегах Донца». В ней он предлагает срочным порядко
объявить здесь особую экономическую зону, предоставить налогов
льготы, учредить промышленные банки, выдавать ссуды из госуда
ственной казны, ввести в крае особую самостоятельную промышле
ную инспекцию, предоставить льготы на транспорт для рабочих, орг
низовать местное министерство, в юрисдикции которого были бы почт
все виды хозяйственно-экономической деятельности...

И как бы все чудесно сложилось, если бы его слова были услыш
ны. Но предложения остались полностью проигнорированы. И все ж
он решил помочь городу, к которому привязался. 12 июня 1901 г.
Харьков пришло письмо Менделеева, как главного хранителя Главно
палаты мер и весов в Петербурге. В нем он поставил перед губернск
пробирером конкретные задачи: учредить местную палатку мер и ве

гов, найти для нее средства, помещение, сотрудников и сообщить о годовом бюджете. Судить о том, насколько это было важно для Харькова можно по срокам, в которые это все было выполнено — четыре дня! За четыре дня были найдены деньги, люди и дом по ул. Рымарской, 5. Здесь у некоего господина Иванчина была арендована квартира из 5 комнат на три года, ценою в 600 рублей в год. Следом Менделеев выслал 9 ящиков с разными приборами, 50 гирь и средства на нужды палаты. 25 сентября (8 октября) в газете «Южный край» было опубликовано объявление об открытии в Харькове поверочной палатки мер и весов — первой в Украине. Техника, наука, промышленное производство, торговля, строительство, медицина, все, где требуются точные измерения приобрело самостоятельность хотя бы в этом отношении. Меры и весы теперь проверяли, минуя Петербург. Пусть на общем фоне это был малый шаг, но для развития метрологии это был шаг большой. На Харьков и по сей день возложены обязанности ведущего метрологического центра Украины. А будущая сила так и покоится на берегах Донца, только теперь ее замыкают еще и таможенные кордоны. Дмитрий Иванович, пророчивший нам самые блестящие перспективы, такого предположить не мог.

Наталья Шубенко

СОБИРАТЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ ХАРЬКОВСКОЙ ИСТОРИИ

26 апреля 2003 г. в Харькове шел снег. Непривычно холодным оказался этот апрель для нашего относительно южного города. В этот день в Харьков пришло печальное известие из Дортмунда — накануне скончался А. Ю. Лейбфрейд, ученый, архитектор, краевед. Человек, который знал о Харькове, пожалуй, все. Человек, которого называли «ходячей энциклопедией», «живым справочником» по истории нашего города. Три года назад его не стало. Человеческая память, увы, эгоистична, мы быстро забываем о тех, кто ушел. Поэтому в канун печальной годовщины мы хотим поговорить с городом о хранителе его истории.

В каждой семье, если это, конечно, семья с традициями, существуют предания. Было оно и у Лейбфрейдов. Предполагали, что первоначально фамилия произносилась «Либфрид», что означает — люби мир, и уже позднее трансформировалась в «Лейбфрейд» — живи, радуйся. История рода прослежена Александром Юрьевичем на протяжении полутора веков, с того момента, как его дед, Марк Соломонович Лейбфрейд, поселился на харьковской земле. В Харькове родились его сыновья, внуки, правнуки — всего пять поколений харьковчан. Любовь к городу рождалась не на пустом месте — она передавалась из поколения в поколение. В доме отца Александра Юрьевича, известного строителя, постоянно собирались архитекторы. Разговорам о Харькове не было конца. Александр Юрьевич до конца своих дней сохранил подарок, полученный в 1922 г. на 12-летие. Это был разрезанный экземпляр «Истории г. Харькова за 250 лет существования» Багалея и Миллера. Книга стала для него настольной на всю долгую жизнь. А тут еще выпала счастливая возможность прослушать в 1929 г. в библиотеке им. Короленко лекцию самого Д. И. Багалея. Это окончательно убедило Александра Юрьевича в правильности выбранно-

го пути. Лейбфрейд понял, что он и Харьков — неразделимы. Здесь, в Харькове он окончил строительную профшколу, а затем — инженерно строительный институт. В Харькове он руководил архитектурной мастерской, был участником Первого съезда архитекторов Украины, и между прочим, самым молодым из тридцати участников первого организационного заседания. Именно тогда, в 30-е годы, Александр Юрьевич начал фотографировать и рисовать дома, которым угрожало уничтожение, и собирать материалы про старый и новый Харьков. В этом месте нашего повествования самое время сменить пластинку.

Много десятилетий пройдет, прежде чем Лейбфрейд сможет хоть частично реализовать свой творческий капитал, прежде чем выйдут его книги, прежде чем придут заслуженные звания и награды. Кстати, о званиях, известно ли вам, господа, что, хоть Лейбфрейда называли профессором, он так и вышел на пенсию, имея скромную ученую степень кандидата архитектуры. А история такова. После войны, работая в ХИСИ, он готовил к защите докторскую диссертацию. Темой ее были особенности зрительного восприятия высотных зданий, анализ перспективных и пространственных искажений. Был обобщен колоссальный материал от Античности и Возрождения до современных московских высоток. Реферат и диссертация попали на отзыв к некоему лицу, имевшему влияние в архитектурных кругах. Отзыв мало напоминал профессиональную рецензию. Александру Юрьевичу было заявлено, что поскольку он использовал для иллюстрации своих выводов бюст Наполеона Бонопарта, а Наполеон, не кто иной, как французский Гитлер, следовательно, приведенные в диссертации иллюстрации — пропаганда фашизма. Если у вас, уважаемые читатели, возникло желание улыбнуться, напоминаем, что это происходило в начале 50-х. Тогда это было совсем не смешно. Лейбфрейд чудом избежал ареста, а через некоторое время с основательно переделанной и расширенной работой, ознакомил московского профессора, своего оппонента по кандидатской. Тот, не долго думая, раздал ее по главам своим аспирантам. В результате успешно защитились пятеро. Вот так и остался Александр Юрьевич на всю жизнь кандидатом архитектуры. А когда на старости лет его избрали почетным членом Украинской Академии Архитектуры (не действительным, а почетным), он с восторгом рассказывал, как про себя, анекдот про чукчу, который по четным — академик, а по нечетным — спокойно рыбачит. Судя по всему, «спокойно рыбачить» ему приходилось частенько, ведь официальных наград у Александра Юрьевича было совсем немного, и то же можно сказать о материальном вознаграждении за его труды. Конкретный пример: когда Лейбфрейд издавал свою первую книгу, в результате сложных и непонятных отношений с разными издательствами, он вообще не получил гонорар. Вернее, его гонорар составил 20 экземпляров книги. Вот такая «щедрая» оплата.

В продолжении сказанного, звание «почетный харьковчанин» Алек-сандр Юрьевич так и не получил, несмотря на то, что несколько раз, в том числе и нашим видеоканалом, подавались документы.

Последнюю награду, грамоту Президента Украины, Лейбфрейд получил, уже находясь в Германии. Эта грамота — за проект мемори-ального комплекса «Дробицкий Яр». И до этого вклад Лейбфрейда в восстановление и развитие архитектурного Харькова был огромен — он принимал участие в проектировании более ста объектов, из кото-рых сорок были воплощены в жизнь. Но памятник жертвам геноцида занимает особое место. Не случайно из 29-ти проектов, представлен-ных на конкурс, был принят проект архитектора Лейбфрейда и худож-ника Савенкова. А вот увидеть мемориал своими глазами Александр Юрьевич так и не смог: открытие состоялось уже после его отъезда в Германию. Многие харьковчане долго не могли свыкнуться с этой мыслью: как могло случиться, что человек, для которого Харьков был смыслом жизни, в 90 лет покинул свой город? На самом деле все просто и понятно — он ехал к сыну, к тому же в Германии была возможность лечиться, а здесь, в Харькове, он жил на пенсию, кото-рой не хватало даже на необходимые лекарства.

Он уехал, буквально обогатив своими материалами библиотеки, музеи и архивы города. И это лишь малая толика плодов его труда. Из-под клавиш старенькой печатной машинки (компьютер он не при-знавал, хоть и довелось ему пожить в эпоху новейших технологий) выходили статьи на самые разные темы. Не только об архитектуре, отнюдь. Живой, по-юношески гибкий ум Лейбфрейда проникал во все сферы жизни города. Четыре пухлых папки бесценных заметок, из которых опубликовано далеко не все, еще ждут своего часа.

Он бродил по улицам Дортмунда с блокнотом и фотоаппаратом, и в конце 2001 г. по инициативе мэра состоялась выставка уже немецких работ А. Ю. Лейбфрейда. Свои зарисовки он отсылал в Харьков. Иначе и быть не могло: обо всем, что делает Лейбфрейд, должны знать в его городе.

Родственники вспоминают, что в харьковской квартире Александра Юрьевича с 10 утра до позднего вечера толпились люди, человек по двадцать в день, не меньше: историки, краеведы, журналисты, архитекторы, да и просто интересующиеся историей города харьковчане. Потом, уже в Дортмунд, шли потоки писем из Харькова, и он писал в ответ, неизменно подробно отвечая всем. В конце приписывал: «Задавайте вопросы, пока я еще многое помню». Быть может, звучит парадоксально, но тысячи километров, отделявшие Лейбфрейда от родного города, ничего не значили: душой он продолжал жить в Харькове.

25 апреля 2003 г. А. Ю. Лейбфрейда не стало. Это произошло в Дортмунде. В Харькове шел снег...

Владимир Нестерук

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО – КОРОЛЬ СМЕХА

Юмор всегда был у нас в цене. Что делать — жиз-
ненные невзгоды, глупость властей, всяческие неурядицы наш народ
всегда встречал смехом. Но вот что странно, писатели-юмористы по-
явились сравнительно недавно: Зощенко в двадцатые годы, Жванец-
кий в конце шестидесятых — это наиболее известные имена. Впрочем
им предшествовал первый признанный король смеха начала XX века
Аркадий Аверченко.

Происходил Аверченко из разорившейся купеческой семьи, хотя
имелся в родословной и более «интересный» персонаж: дед — разбой-
ничавший возле Полтавы. Из-за нехватки денег он учится на дому.
И с юных лет работа писцом на руднике под Луганском.

Из «Автобиографии»: «Когда правление рудников перевели в Харь-
ков, туда же забрали и меня, и я расцвел душой и телом. По целым
дням бродил я по городу сдвинув шляпу набекрень и независимо на-
свистывая самые залихватские мотивы, подслушанные мною в летних
шантанах, месте которое восхищало меня до глубины души. Работал я
в харьковской конторе преотвратительно и до сих пор недоумеваю, за
что держали меня там шесть лет».

Именно в Харькове делает Аркадий Аверченко первые литератур-
ные шаги — в «Журнале для всех» напечатан его рассказ «Праведник»,
позже целая серия рассказов вышла в «Харьковских губернских ведо-
мостях».

Наконец основан собственный журнал «Штык», Аверченко редак-
тор и журналист под номером один сего издания. И харьковчане
«надрывали животы», листая страницы журнала: юморески, фельето-
ны, карикатуры, злободневная сатира. На первом месте по количе-
ству насмешек — конечно же, власти. Аркадий запишет: « Однажды
меня вызвал губернатор и заявил о том, что одному из нас не место
в Харькове. На это я ему ответствовал: «Ваше превосходительство,
мы с харьковцами как-то уже сжились, привыкли друг к другу,
посему мне кажется дело за Вами. Так вскорости и вышло, губерна-
тор покинул город».

Но власти оказались злопамятными, журнал закрыли, и на смену ему приходит новое издание, называвшееся «Меч». Успевает выйти только три номера и вновь закрытие.

Писатель уезжает в Петербург где печатает «Сатирикон», который читает вся Россия. Вокруг него собираются лучшие писатели-юмористы империи: Тэффи, Саша Черный, Петр Потемкин, Осип Дымов. Печатаются Александр Грин, Осип Мандельштам, Николай Гумилев, Самуил Маршак, Владимир Маяковский, Алексей Толстой, Сергей Городецкий и, конечно, же сам Аверченко, по праву названный королем юмора.

С началом Первой мировой войны многие «сатириконовцы» уходят добровольцами на фронт, в их числе известный поэт и писатель Саша Черный. А вскоре приходят революционные времена. Аркадий высмеивает бездарность Временного Правительства и лично премьера Керенского. Но замена «временных» на власть большевиков оказывается намного страшнее. И вновь юмор становится средством борьбы, на сей раз против террора, института заложников, арестов. В одном из номеров своего журнала писатель печатает портрет Карла Маркса с подписью: «Родился в Германии, похоронен в России».

И вновь закрытие журнала.

Аверченко уезжает на юг, работает в белогвардейских газетах, эмигрирует во Францию. И если белогвардейские войска были разбиты, то писатель нет. Его рассказы продолжают высмеивать советскую действительность. И так успешно, что Ленин будучи поклонником творчества юмориста разрешает эти рассказы печатать.

И перед читателями встают жалкие осмеиваемые фигурки карликов: Троцкий и Зиновьев, Каменев и Бухарин, Дзержинский и Крупская, сам «вождь мирового пролетариата» Ленин и многие другие. А поскольку имя Сталина не тревожилось, он издается и во времена Иосифа Виссарионовича.

Из «Автобиографии»: «Мы издеваемся над именем Божиим, а он нас не накажет. Стало быть, его нет. И гром не грянул, молния не засверкала. Но где-то в беспредельной высоте и глубине взметнулся невидимый жуткий и сухой бич и хлестнул поперек всей России. Земля потрескалась, и двадцать миллионов народа, того народа, который допустил хулу и унижение Бога — поползли с родных мест неведомо куда, устилая трупами сухой, проклятый путь свой».

Виктория Романюк

ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА И КОНСТАНТИНА ПЛАТОНОВА

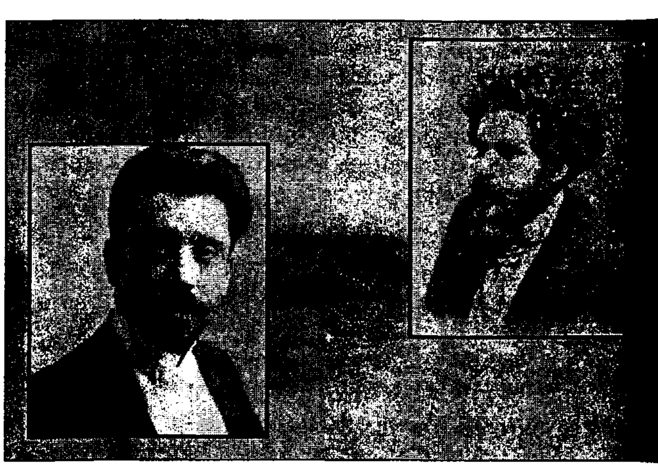
Темные пятна истории, создающие иллюзию абсолютного знания былого, скрывают от нас забытые грани прошлого. Сколько удивительного неизвестного спрятано под этой разноцветной канвой истории, и сколько нам еще предстоит узнать.

Одной из таких забытых, но, безусловно, интересных для нас с вами является история дружбы харьковского врача Константина Ивановича Платонова и поэта Максимилиана Волошина.

Константин Иванович Платонов всемирно известный психотерапевт и гипнолог, координатор клиники нервных и душевных заболеваний Харьковского университета, основатель и руководитель харьковской школы психотерапии, внесший огромный вклад в понимание сущности гипноза, родился и бо́льшую часть своей жизни прожил в Харькове.

Совершая настоящие чудеса, ради спасения человека Константин Иванович не боялся разрушать канонов, и за это получил особую признательность пациентов всей страны, среди которых, кстати, было немало талантливых известных людей.

Многие из них навсегда становились верными друзьями семьи Платоновых.

Константин Иванович был лечащим врачом второй жены Максимилиана Волошина — Марии Степановны, нуждавшейся в наблюдении врача психоневролога. Это сблизило Макса Волошина с Котей Платоновым, хотя, безусловно, и не являлось основной причиной их дружбы.

В нашем городе Максимилиан Волошин бывал не один раз. Останавливался в жилом доме по адресу — Пушкинская, 14. Известно, что в одной из таких поездок в наш город в 1927 году большому ценителю звездного неба Максу Волошину Константин Платонов дал рекомендацию для вступления во французское астрономическое общество.

К сожалению, история не сохранила деталей знакомства, сегодня об этом мы можем лишь догадываться.

Внучка Константина Ивановича Л. И. Вельковская вспоминает:

> «В литературных источниках я наткнулась на то, что еще юный Платонов приезжал в Петербург, будучи женихом своей первой жены Лебедевой. В ее доме он познакомился с воспитанницей Лебедевых Марией Степановной, будущей женой Волошина».

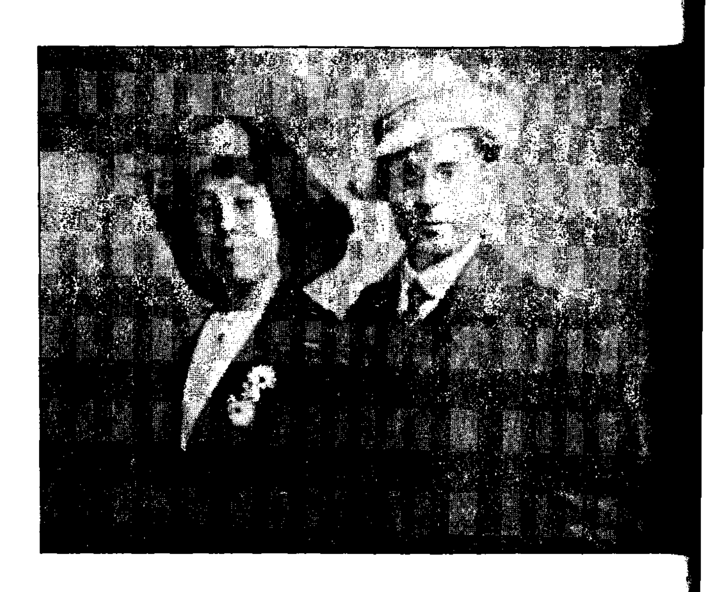
Возможно, Платонова с Волошиным познакомил известный в то время московский журналист Эпифанский, который часто бывал в Коктебеле и так же являлся пациентом Константина Ивановича.

Сегодня в Коктебеле — в доме-музее Волошина сохранилась уникальная переписка наших героев. Судя по этим письмам, Константин Платонов не просто доктор, дающий рекомендации врачебной направленности, а, прежде всего, старый товарищ.

В тяжелые годы начала XX века, когда в один миг были разрушены многовековые традиции, а голод и разруха вынуждали людей идти на преступления против себя и своей семьи, только творчество и безграничная верность истинным духовным ценностям объединяла интеллигенцию.

Особое значение в жизни Константина Ивановича Платонова, как и Максимилиана Волошина, имело изобразительное искусство, книги, музыка и огромная любовь к красотам родной земли.

Однажды в знак своей особой признательности Максимилиан Волошин посвятил Константину одну из своих работ. Чудесная волошинская акварель должна была напоминать о прекрасных мгновениях, прожитых в Крыму. Ведь несмотря на то, что светлые воспоминания о проведенных днях в Коктебеле значили для Платонова не мало, а в одном из своих писем другу Константин Иванович посвятил этому месту поэтические строки, сердце доктора навсегда принадлежало Харькову. Окруженный изображениями любимых видов Коктебеля, с которыми были связаны радостные мгновения, в свободное время Платонов создавал удивительные украинские пейзажи.

Известно, что Коктебель и дом Максимилиана Волошина, впитав ший в себя миллионы надежд, мыслей, идей голосов, навсегда ста убежищем для богатой духом, но нищей интеллигенции России. Осо бой магической силой вновь и вновь сюда притягивались художник и поэты, музыканты и драматурги, ученые и врачи. Бывало, что Волошина гостило до 400 гостей, каждый из которых по-своему уни кальный. Неоднократно в доме Волошина гостил со своей семьей Котя Платонов. Не секрет, что от такого огромного потока ярких ин дивидуальностей у хозяина возникала усталость, а к концу своей жиз ни Волошин все чаще и чаще говорил о «переутомлении от людей Но, несмотря на это, главным правилом всей жизни поэта, как и пожалуй, условием для проживания в его доме было «легкое, радост ное восприятие жизни». Волошин, как и многие его гости, не облада ни славой, ни призванием, ни материальными благами, но лишь ег уникальная способность во всем видеть хорошее и светлое помогал выживать и бороться со временем. Эта способность объединяла Мак симилиана Волошина с Константином Платоновым, который в одно из пожеланий своей внучке написал следующие строки: «Желаю поче ще жить воспоминаниями о твоем хорошем прошлом, усматрива только хорошее в настоящем, и всегда стремиться к еще лучшем будущему — тогда легче будет бороться за жизнь и оберегать ее».

Только радостный и светлый взгляд на мир, объединяющий моло дых, смелых и думающих, помогал жить и не потерять себя, остават ся поэтом, когда вокруг голод и нужда, вынуждал спасать человеч ские жизни в часы, когда привычными становятся боль и смерт Быть незаметным в свое время, чтобы навсегда остаться в памят потомков.

Ветшают дни, проходит человек.
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Максимилиан Волошин

Наталья Шубенко

ХАРЬКОВСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДУЭТА

«Харьков — город шумный, центр Украинской рес публики. После провинции кажется, будто за границу попал».

Наверняка каждый из наших читателей безошибочно назовет пер воисточник этой цитаты и конечно же ее автора — злополучного охот ника за стульями отца Федора.

Харьков произвел такое впечатление на неутомимого искателя со кровищ мадам Петуховой, что он в своих последующих посланиях неустанно сравнивает с ним все другие города, куда заносит его поис ковый азарт: «Не нравится мне город Ростов. По количеству народо населения и по своему географическому положению он значительно уступает Харькову». И далее: «Город Баку значительно превосходит Ростов. Однако уступает Харькову по своему движению».

Не только обстоятельные и не лишенные наблюдательности описа ния отца Федора заставляют задуматься о том, что Харьков в жизни автора играл значительную роль. Вряд ли нужно напоминать, что и знаменитый «автопробег по бездорожью и разгильдяйству», к которо му примазалась «Антилопа-Гну» с своим колоритным экипажем, прохо дил по маршруту Москва—Харьков—Москва. Но путь в первую столицу Украины был тернист, извилист и не слишком быстр.

Автор «12 стульев» родился дваж ды. Первый раз под видом Ильи Иль фа, второй — Евгения Петрова. Обе эти события произошли в г. Одессе. Таким образом, уже с младенческого возраста автор начал вести двойную жизнь. В то время как одна половина автора барахталась в пеленках, дру гой уже было 6 лет, и она лазила че рез забор на кладбище рвать сирень

Такое двойное существование продолжалось до 1925 г., когда обе половинки впервые встретились в Москве («Шутливая автобиография Ильфа и Петрова»). Но необходимо отметить, что у автора «12 стульев» все-таки были два талантливых предшественника — «сложная еврейская душа» и «сложная славянская душа», как они сами себя называли.

«Сложная еврейская душа», волею судьбы оказавшаяся старше по возрасту — Илья Файнзильберг, третий сын в семье скромного одесского бухгалтера, мечтавшего о «практических» профессиях для своих сыновей. В результате первый стал художником, второй — тоже художником, а третий — Ильей Ильфом. Несмотря на бурную литературную жизнь Одессы, первый свой рассказ Илья Ильф вынес на суд публики в 1921 г., вернувшись из Харькова, куда ездил как корреспондент одной из одесских газет. На лицо переизбыток впечатлений, ведь Харьков, по-своему не менее колоритен, чем Одесса. «Сложная славянская душа» — волею случая оказавшаяся младшей, урожденный Евгений Катаев, младший брат известного писателя и обладатель далекой от искусства должности инспектора уголовного розыска. Приехав в Москву к брату, где в то время в редакции газеты «Гудок» уже работал Илья Ильф, был почти насильно препровожден братом в редакции различных юмористических журналов. И вскоре на страницах «Красного перца» и «Смехача» стали появляться юморески, подписанные псевдонимом довольно тривиальным и вполне соответствующим славянскому происхождению автора — Петров.

Вместе писать Ильф и Петров начали опять-таки с легкой руки Валентина Катаева, который, подобно Дюма-отцу, предложил им поработать «неграми» на «плантации литературного рабовладельца». Но когда новоиспеченные «негры» принесли мэтру несколько первых глав, тот нашел, что «ни убавить, ни прибавить», и отечески благословил родившегося самостоятельного автора, отныне именуемого «Ильф и Петров». На вопрос заинтересованных читателей «Как же вы пишете вдвоем?», они, не задумываясь, отвечали: «Как братья Гонкур. Эдмон бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые». На самом деле во время работы спорили чуть не до хрипоты, именуемой в медицине «катаральным воспалением». Потому что вдвоем — по законам арифметики, может быть, и легче в два раза, а по законам творчества — сложнее во много раз.

В их дуэте Петров представлял внешнюю сторону — был общителен, блестящ, неотразим. Один из примеров — случай, кстати, на харьковском вокзале. Группа харьковских деятелей встречала важного гостя — американского писателя Эрскина Колдуэлла. Высокий представительный мужчина, появившийся на ступеньках международного вагона, внимательно и даже с участием выслушал длинную речь на чистом английском. А потом сказал на отличном русском языке: «Боль-

шое спасибо, друзья, за такое проникновенное приветствие, но я – Евгений Петров».

Ильф, напротив, был застенчив и неприметен. Свои радости невзгоды, успехи и неудачи, свое самочувствие и любовь к своем ребенку — он никогда не считал достойными темами для разговор Уже смертельно больной туберкулезом, от которого и сгорел в 40 лет записал в записной книжке: «Ужасно, как мне не повезло». И это был единственная фраза о себе — за всю жизнь.

Петров пережил свою литературную половинку всего лишь на пят лет. Погиб в 1942 году, не в бою, не на фронте, хотя и был военны корреспондентом, а как-то нелепо и неоправданно в авиакатастрофе.

P.S. К середине 30-х романы Ильфа и Петрова были переведен на множество языков — редкий случай популярности при жизни. Ср ди них есть и столь экзотические, как румынский, хорватский, мак донский и даже хинди. Отсутствовал, как ни парадоксально, перевод на украинский. Пытаясь решить эту проблему, Ильф и Петров в 1936 вновь приезжают в Харьков на встречу с писателем Василем Чечвян ским. Увы, работе не суждено было осуществиться: через нескольк месяцев украинского писателя арестовали и расстреляли как «враг народа». Впрочем, и сам Ильф держал наготове сумку с двумя смен ми белья. А первому украиноязычному изданию романа суждено был появиться на свет лишь спустя 35 лет после этой встречи. К том времени давно уже не было в живых авторов. И успел закончить довольно длительный период истории, когда чувство юмора являло чуть ли не преступлением, а произведения Ильфа и Петрова относи лись к разряду крамольной литературы. Видно, кое-кто узнал себя н их страницах и убоялся, что и другие узнают.

Наталья Катрунова

МУКИ И РАДОСТИ ТВОРЧЕСТВА

Годы политических бурь. Харьков, безусловно, в их гуще. Одна за другой сменяются власти: на смену немцам, наводнившими город сигаретами, зажигалками и кофе по спекулятивным ценам, приходит Петлюра, потом гайдамаки с чубами на выбритых черепах, потом деникинцы не надолго, и, наконец, долгожданная власть Советов. Хотя, кому долгожданная, а кому и не очень. Интеллигентные юноши и девушки настроены романтически-революционно! Бурно радуются и не менее бурно страдают по поводу смены флагов. Активно громят твердый знак и букву «ять», а заодно и педагогов, которые внушают им уважение к правописанию и вообще к науке, зачитываются Игорем Северяниным, но при всем этом ни к каким политическим партиям толком не примыкают. Куда податься? На революционный митинг или в ночной белогвардейский кабак? Страшновато, да и родители не отпустят. Можно, конечно, на концерт Вертинского или Иды Кремер, приезжала такая в Харьков. Но опять-таки: дорого. Тогда куда же? В театр! Там самое оно: и пушки, и музы, и тепло. Из постановления Харьковского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 22 января 1918 года: «Харьковский драматический театр является одним из лучших на юге России. По своему назначению и по дешевым ценам на места он питает культурные интересы неимущих масс, в большинстве случаев рабочих и учащейся молодежи. В виду этого он не должен прерывать свое функционирование». И он действительно работал, Харьковский драматический театр, жил интенсивной творческой жизнью, невзирая на цвет флагов, а главное — режиссером в нем был знаменитый Николай Николаевич Синельников!

Харьковчане к этому смело могут добавить «великий», «гениальный» и

еще целый ряд эпитетов в самой превосходной степени. Почему име но харьковчане, ведь имя этого человека пользовалось широчайш известностью в русской театральной провинции, в буквальном смы ле: «от хладных финских скал до пламенной Колхиды». Да потом что начал он свою сценическую карьеру и вообще биографию имен в нашем городе, а в дальнейшем творческая судьба неизменно возвр щала Синельникова именно к харьковским театральным подмостка Но, как говорится, все по порядку. Итак...

Сын преподавателя харьковского уездного училища Николай Си нельников с мальчишеских лет зарабатывал на учение в гимназии те что пел в церковном хоре. Потом вступил в хор харьковского театр принадлежавший некоему антрепренеру Дюкову, человеку случайном в театральной среде, но хорошо известному историкам театра. Стар тельный хорист приглянулся хозяину и он предложил ему сыгра роль лакея в одном из водевилей «Простушка и воспитанная». Мол дой человек не осрамился и роли стали следовать одна за другой.

Тем более, что у начинающего артиста был певческий голос, а театре в то время охотно ставили оперетты. Позже Синельников ск зал: «Мы шли непосредственно в театр и учились на опыте свои товарищей. Учебу заменяли репетиции». Неплохое руководство к дей ствию для студентов-прогульщиков современных театральных ВУЗо Но это в шутку, а если всерьез, старт знаменитого артиста, а впослед ствии режиссера Николая Синельникова в 1874 году в 19 зрелых (ил незрелых?) лет состоялся в Харькове.

В последующие шесть лет, став уже довольно известным актером Синельников, в буквальном смысле, «мотался» по городам и весям России: Житомир, Николаев, Ставрополь, Владикавказ, Казань, Рос

ов-на-Дону и еще многие и многие города необъятной Российской империи. Что же касается амплитуды его актерских работ, то она ничуть не уступала многообразию этой географии: от героя оперетки или комика в драме до Молчалина, Лаэрта и Хлестакова. Но актерскую работу, тем не менее, Синельников не считал главным делом своей жизни. Его увлекала режиссура. В историю театра он вошел в числе первых подлинных режиссеров, не только провинциального, а и вообще русского театра.

Конечно, понятие «режиссер» существовало и до Синельникова, но обязанности представителей этой профессии по преимуществу сводились к решению организационных вопросов и постановке массовых сцен.

В 80-е годы Синельников все больше отходит от актерской работы, бóльшую часть времени уделяя режиссуре и организации театрального дела. В 1886 году в Воронеже, а затем в Харькове организует актерское товарищество, значение которого трудно переоценить. Один из пунктов его устава гласил: «ассосиаторы» (то есть члены товарищества) чтобы обеспечить в возможной степени успех дела на сцене и правильное течение репертуара, помимо аккуратного и добросовестного исполнения ролей, входящих в репертуар каждого должны играть, при надобности, и те роли, кои могут быть названы аксессуарными или выходными». А означало это прежде всего то, что режиссер должен быть в театре определяющим лицом, что же касается труппы, в том числе и провинциальной, то она должна быть собранием не случайных актеров, а коллективом единомышленников, образующих ансамбль. Кстати, знаменитый Московский Художественный театр, выдвинувший такую же идею, открылся в 1898 году, то есть на 12 лет позже! Во многих городах России Синельников проводит свои реформаторские принципы. И где бы не побывал этот великий мастер сцены — будь то Новочеркасск, Ростов-на-Дону или наш любимый Харьков — на сценах этих городов надолго прописываются Шекспир, Шиллер, Гоголь, Островский и Толстой. Но, прекрасно задуманные, с блеском и успехом осуществленные, антрепризы оказываются материально несостоятельными! Ну кто бы мог подумать сегодня, что такое возможно! Да никто!

Чтобы рассчитаться, Синельников вынужден был подписать десятилетний контракт с известным московским

антрепренером Коршем, взявшись руководить художественной стор
ной его московского театра. И из захудалого («В Богословский пер
улок никто и плюнуть не заходит», — признавался сам Корш) превр
тил его в один из самых популярных театров Москвы. После оконча
контракта, отвергнув предложение прийти на службу в Малый теат
Александринский, Синельников опять возвращается в свой любим
Харьков. И Харьковский театр под руководством мастера очень быс
ро становится одним из центров театральной провинции. Период ра
цвета, к сожалению, был недолог, наступил кризис. И связано э
было отнюдь не с деятельностью главного режиссера. Началась мир
вая война, после которой не заставил себя долго ждать первый гро
революции, а вслед за ним и все остальные громы, включая молни

Именно с этого момента мы начали свой рассказ о Синельников
В 1919 году известному на всю страну мастеру исполнилось уже 64 год
Но это была отнюдь не старость. Впереди его ждали новые спектакл
новые молодые актеры в новой стр
не... Советов, которую он, кстати
принял с радостью. Что же касаетс
личной жизни, то, несмотря на нев
роятные трудности того времени, он
была вполне благополучной. Взрос
лые дочь, сын и, конечно же, бес
сменная спутница жизни, положив
шая на алтарь семьи собственну
карьеру драматической актрисы.

Из воспоминаний актера Петкер
«Однажды проходными дворами под
крадывался я к синельниковском
дому, чтобы хоть как-то ощутить ды
хание театра. Вдруг оттуда вышел Александр Баров, зять Синельнико
ва, великолепный характерный актер, воспитанник Художественно
театра. Я пошел за ним, а он обернулся и, узнав меня, сказал: «Юно
ша, я вас знаю. Прошу вас, бегите в театр и скажите: Баров проси
передать: «Все произошло и кончилось печально». К вечеру Харько
заполнился слухами».

Так что же произошло в нашем и без того сумбурном и беспокой
ном тогда городе? Дуэль! Самая настоящая, из-за женщины, с перчат
ками, секундантами, одновременными выстрелами и смертью Синель
никова-младшего.

Да, для полноты картины того времени не хватало разве что тако
смерти.

Остановилась ли жизнь отца? Нет! Через какое-то время он вер
нулся в театр и в наш город, из которого вполне возможно хотел бы
уехать навсегда, но не смог. Его последующая творческая жизнь, уж

советского периода была не менее содержательна и интересна, не взирая на возраст, чем вся предыдущая. Чтобы охарактеризовать ее вполне достаточно двух цитат. Первая, из официального адреса, полученного мастером к юбилею: «На всей территории Республики зрители наслаждаются творениями Вашего мозга, Вашего блестящего дарования, ибо нет труппы, в которой не было бы актера, Вами в свое время созданного». И вторая, из письма самого Николая Николаевича Синельникова: «Вы спрашиваете, дорогой товарищ, что больше заполняло мою трудовую жизнь: радость или горе? Я отвечу, что знал радость в творчестве, и эти минуты сгладили мучительные часы терзаний и вычеркнули все оказавшиеся на моем пути невзгоды».

Наталья Катрунова

ЛЕГЕНДА ХАРЬКОВСКОЙ СЦЕНЫ
Взгляд из-за кулис

Ей, как и новому столетию, шел 18-й год. На про сторах империи Российской утверждался советский строй. Волнов лись все города, в том числе Харьков и Киев. Страсти кипели н площадях, улицах, и, конечно же, театральных подмостках. В Кие на одном из домов улицы со странным названием «Прорезная» висел афиша так называемого «Молодого театра». Она извещала, что здес демонстрируется спектакль «Горе лжецу» Грильпарцера. В помещени вошла девушка, которая недавно приехала из Москвы. Ее взгляд ост новился на снимках эпизода спектакля. Впечатлительной москвичк которой сценическая жизнь была знакома с детства, показалась ориги нальной постановка, необычность оформления, костюмов, мизансц ны... и, вообще, этакий «вздыбленный» стиль спектакля. Именно это спектакль определил в тот момент судьбу девочки, потому что он любила искусство и новое слово в нем.

Еще гимназисткой в Москве девочка с интересом присматривалась «потрясателям» основ старого театра Мейерхольду и Вахтангову. Ее зв

ни Валентина. Она приехала в Киев, где в то время работал педагогом кала ее отец. Случилось так, что молодая восторженная театралка (добавим к этому: получившая классическое образование, знавшая литературу, живопись и балет) связала свою судьбу сначала с Молодым театром, а потом с известным всем харьковчанам театром «Березиль».

Самое время объявить, наконец, героев и поднять занавес: Валентина Чистякова и Лесь Курбас. Муж и жена. Головокружительно красивая пара страстно влюбленных молодых людей. Именно встреча с Курбасом и, конечно же, любовь привела эту рафинированную москвичку, с трудом понимавшую украинскую речь, на профессиональную украинскую сцену. Ей она отдала всю свою жизнь, стала женой мастера, его ученицей, товарищем и коллегой. Но тем не менее в историю театра и нашего города каждый из них пришел со своей славой... Во всяком случае к имени Леся Курбаса никогда не возникало необходимости добавить: муж знаменитой Чистяковой. Равно как и ее имя не нуждается в добавлении: жена великого Курбаса.

Но почет и слава пришли к ней спустя годы, после трагического события — утраты мужа и учителя. А в далекие 20—30-е годы она была влюбленной ученицей и подающей надежды талантливой актрисой. Со временем становилась все ярче и все заметней. На нее стали ходить и о ней стали писать театральные критики. Только вот что писать? Поверьте, это весьма любопытно. «Валентина Чистякова в перші роки своєї артистичної біографії була використана силами, що руйнували мистецтво. Талановита, з легким сприйманням, з багатими артистичними даними, вона була знахідкою для тих, хто намагався стверджувати свої буржуазно-естетичні доктрини в українському театрі — для Курбаса і його приспішників. На щастя, творча натура молодої акторки, що зазнавала мертвлячого формалізму, в основі своїй лишилася здоровою».

Смешно, но не очень. Потому что из-за таких вот «краснoперых» борзописцев-умников гениальный режиссер, гордость украинского театра и нации, поехал на Соловки валить лес и перелопачивать мерзлую землю. Его объявили врагом народа, пытали бессонницей, голодом, многочасовым стоянием лицом в угол без права выходить в уборную. Заставляли признать себя виновным. Впрочем, дальше можно не продолжать. Этот сценарий мы уже знаем наизусть и в нем достаточно менять только имена. А сколько раз мы его еще повторим? Одному Богу известно.

А что же она? Становилась все ярче, все красивей и популярней. Харьков просто бредил этой женщиной. Все новые и новые роли, цветы и овации... Но это на сцене и в зале. А за кулисами? Слухи. Грязные и липкие. «Неужели отреклась? Наверное, ведь ее же не тронули». Мы уже никогда не узнаем, что чувствовала, переживала и думала актриса в тот звездный и казалось бы счастливый час своей

жизни. Зато мы знаем, что именно ей, вдове, в 1961 г. Васильеостро ским ЗАГСом Ленинграда выдана справка, в которой значилось: «Курб Александр Степанович умер 15 ноября 1942 года в возрасте 55 л Причина смерти — кровоизлияние в мозг». Справка была сфальсиф цирована. В 1990 г. украинский театровед Раиса Скалий сумела раз кать настоящее свидетельство о смерти Курбаса, в котором причин смерти черным по белому было написано: «расстрел». Знаем также, ч каким-то совершенно нереальным способом они поддерживали дру другом связь, и об этом свидетельствуют доносы шестерок начальни Соловецкой тюрьмы. И, наконец, мы знаем, что пережив мужа много лет, она ни на один год не рассталась с его матерью, Ванд Адольфовной Янович-Курбас, которую сама и похоронила. Обо вс этом мы узнали из воспоминаний харьковчан, знавших Чистяко лично.

Но никаким воспоминаниям и чудом сохранившимся старым ф тографиям не дано воскресить в полной мере характеры, лица, чувст и мысли ушедших от нас навсегда знаменитых и легендарных лично тей. Но, как это часто бывает, помог случай. Благодаря сотрудника библиотеки им. Станиславского, к нам в руки попал уникальный м териал. Пьеса, которая называется «Чашка черного кофе». Тираж один экземпляр. Под названием — уточнение: документальная драма 3-х действиях и 17 картинах. В этих 3-х действиях на 109 пожелте ших страницах описаны история театра, история любви режиссера актрисы и история жизни мастера. Называется она так потому, чт черный кофе был любимым напитком всей семьи Курбасов и его ка никто другой умела готовить мать. И счастливые, и горькие момент отмечались в ней не рюмкой водки, и не стаканом вина, а чашко крепкого и ароматного кофе. Эта пьеса, написанная одним из бывши «Беризильцев» Василем Василько, никогда не видела света рампы. Но может быть, он когда-нибудь зажжется для нее? И в исполнени новых актеров старого театра оживут не вымышленнные, а реальны герои, которых мы любим и помним. И всегда будем помнить и лю бить, потому что они — наши земляки и наша гордость.

Наталья Катрунова

ЖЮЛЬ ВЕРН УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Во все времена нашей прилежной учебы в школе учителя усердно и настойчиво вдалбливали в толковые и бестолковые головы имена представителей отечественной науки и культуры. В результате даже в самых ветреных и дырявых мозгах бывших школьников, а в последствии самых разных людей самых разных профессий с высшим и средним образованием навсегда поселились Пушкин и Шевченко, Глинка и Лысенко и многие другие основоположники чего-либо и когда-либо. С легкостью, почти не задумываясь, мы вписываем их имена в клеточки кроссвордов и цитируем наизусть что-нибудь из творчества. А если наши компьютерно-нерадивые отпрыски вдруг спрашивают «А кто это?» строго вычитываем их за необразованность. Но существует в этой жизни литература, которую не проходят ни в школе, ни в институте, но которую все любят и все читают, не взирая на возраст, пол и даже статус. И называется она — фантастика. Ведь согласитесь, читающий Жюля Верна убеленный сединами академик не вызовет недоумения, но если он же будет жадно глотать с позволения сказать «романы» Дарьи Донцовой мы позволим себе удивиться.

Итак, фантастика! Путешествия на Луну и Венеру, в недра земли и параллельные миры, в прошлое и будущее. Захватывающее и яркое чтение, скрашивающее серые будни и дающее начало дорогам в неведомое, но при этом презрительно именуемое «задворками большой литературы». Хотя на этих так называемых «задворках» мы встречаем отнюдь не случайные имена. Да и ряды писателей-фантастов становятся все шире и все гуще. Только вот беда, в своем стремительном завоевании места под солнцем большой литературы современная фантастика почему-то теряет имена тех, кому обязана по сути своим становлением. А жаль. У старшего поколения где-то в лабиринтах памяти мелькнули знакомые названия «Аргонавты Вселенной» и «Потомки скифов». И это не случайно. Ведь эти романы зачитывали до дыр те, кто сегодня покорно и безропотно водят внуков в музыкальную школу и на балет, копошатся на дачах и, потрясая орденами, требуют прибавки к пенсии.

«Я учился в 8-м классе средней школы, когда это произведение поступило в нашу библиотеку: самые разные претенденты на роль звездных капитанов немедленно основали астрономический кружок, а будущие строители звездолетов принялись мастерить неуклюжие и

довольно-таки опасные дейтвующие модели ракет, где в роли горю
го использовали... кинопленку. Я же тайком от всех начал пис
продолжение романа, что бы испытать свое первое поражение на ли
ратурном поприще», — вспоминает о романе «Аргонавты Вселенно
писатель-фантаст Николай Дашкиев. Не будем далее испытывать ва
любопытство, если таковое имеется, и объявим автора. Владимир Влад

Также добавим: основоположник научно-фантастического жанр
украинской литературе. В подтверждение того, что романы перв
советских фантастов давали начало неизвестным дорогам человечест
позволим себе еще одну цитату из воспоминаний летчика-космона
Поповича: «Книги, прочитанные в детстве, помнятся долго, если
всю жизнь. Для меня «Аргонавты Вселенной» — букварь космонавт
ки. Уже когда я побывал в космосе — меня просто поразило, к
писатель точно спрогнозировал ситуацию, связанную с невесомость
Было такое ощущение, будто я познал невесомость еще на Земле. К
это удалось писателю до сих пор для меня загадка». Надо сказать, ч
в жизни самого Владко много загадок. Но вовсе не потому, что о
была богата чрезвычайными и фантастическими событиями. Скор
наоборот. Мы просто потеряли детали и подробности, которые ост
ются в воспоминаниях и письмах, архивах и кинопленках. И ч
касается писателя Владимира Владко, всего этого оказалось до обидно
го мало. Но было все же два загадочных фантастических обстоятел
ства в его жизни, связанных с датой рождения и фамилией. В спр
вочниках и энциклопедических изданиях называются две разные дат
рождения — 26 декабря 1900 г. и 8 января 1901 г. Путаница объясня
ется тем, что первая дата указана всего лишь навсего по старому сти
лю. Но при этом только фантаст может позволить себе отметить ден
рождения дважды. Что же касается фамилии — свои первые публика
ции автор подписывал настоящей фамилией Владимир Еремченко. Н
однажды в гранках одной статьи был допущен печатный брак: от пер
вого слова осталось «Влад», а от второго — окончание «ко». Так сам
жизнь спрогнозировала фамилию патриарха украинской фантастики
Самое время рассказать биографию. Итак, Владимир Николаевич Владко
«дважды родился» в городе Ленинграде в семье служащего. Закончил
реальное училище и Институт народного образования. Писать начал
реальном училище, что и определило направление его дальнейше
профессии. Работал журналистом, публицистом и театральным крити
ком. Большая журналисткая практика привела Владимира Владко в конц
тридцатых на кафедру теории и практики партийной прессы Украин
ского института журналистики в Харькове, где он занимал должност
старшего преподавателя. Это было до 1941 года. В годы войны Владко
заведовал сектором литературно-драматического вещания на радиостан
ции им. Шевченко в Саратове, а позже был политическим коммента
тором на той же радиостанции. Его коллегой по работе был известный
украинский писатель и публицист Ярослав Галан. Комментарии Галан
и Владко помнят многие слушатели может быть и до сих пор. А з

министерский радиокомментарий «Путешествие украинских хлеборобов на поклон к Геббельсу в Берлин» немецкое командование огласило по радио, что Владко, «наемник большевистской пропаганды будет повешен на первом столбе, как только немецкие войска войдут в Саратов». После освобождения Харькова Владко возвращается в наш город и с головой погружается в одно из своих любимых занятий — театроведческую работу. Помогает налаживать деятельность театров. Будучи уполномоченным репертуарного комитета по Харьковской области очень много делает для обновления репертуаров харьковских театров. Постоянно выступает в прессе с театральными рецензиями, работает корреспондентом «Правды», заведует украинским отделением «Литературной газеты» и, конечно же, пишет свои фантастические романы. В целом спокойная, плодотворная творческая биография, без черных воронков, синих погон, ссылок и обид на Родину. Но в одной из статей, посвященных творчеству писателя обращает на себя внимание короткий абзац, в котором написано буквально следующее: «Бурной и многогранной была деятельность Владимира Владко. Он много путешествовал по Советскому Союзу, всегда был в вихре трудового энтузиазма строек первых пятилеток». А вот и названия статей: «Балахна — страна бумажная», «140 автомобилей за год», «Тракторострой», «Черная кровь земли — нефть», «Люди, карьеры, домны».

Насколько искренним был Владимир Владко в этих опусах мы не знаем и не узнаем никогда. Но зато мы знаем точно, что подобное творчество у журналистов всех времен и народов называлось вкусным и ласковым словом «заказуха». Так может быть поэтому журналист и публицист Владимир Николаевич Еремченко стал фантастом Владимиром Владко? Смотрел в небо и мечтал о крыльях, которые унесли бы его вместе с благородными и чистыми героями от Земли Советской в загадочный звездный мир, в мир древних скифов или механических роботов, подальше от ура-патриотических воплей, социалистических соревнований, пятилеток в четыре года, стахановцев, тимуровцев, корчагинцев и прочих красноперых маньяков... Может быть? А может быть и нет. Ведь так кажется нам, взирающим на недавнее прошлое с высоты сегодняшних событий. В конце концов не так уж это важно. Важно другое: жил в нашем городе и писал свои книги, которые помогали поднимать в космос ракеты и созидать на земле, последний украинский Жюль Верн... Или, может быть, первый? Но об этом мы узнаем тогда, когда завершится наконец спор на тему: «Будет ли завтра украинской фантастики».

Наталья Катрунова

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВО ИМЯ НАУКИ
(Судьба доктора Григорьева)

«Самопожертвование. Это страсть настолько всеп
глощающая, что по сравнению с ней даже голод и вожделение
безделка. Она влечет своего раба к погибели в час наивысшего утвер
дения его личности». Эти слова принадлежат известному английско
писателю Сомерсету Моэму. Вспоминая биографии великих, мы, ко
нечно же, соглашаемся с ним, но вглядываясь в лица людей и ра
мышляя над их поступками, не можем удержаться от скептическ
улыбки. Но вовсе не потому, что мы так уж плохи, просто в нра
ственном мире большинства, то состояние души, которое называю
самопожертвованием, доступно далеко не всем. Поэтому мы и помни
имена героев наизусть и благодарны им за то, чего не умеем сами.

В 1936 году в Германии в маленьком городке Гамбург-Эпендор
был воздвигнут монумент с надписью: «Памятник посвящается рен
генологам и радиологам всех наций, пожертвовавших своей жизнью
борьбе против болезней ближних...». А на гранях камня — печальны
мартиролог со 169-ю фамилиями тех, кто скончался от облучения. Н
одной из плит — имя нашего земляка, доктора Сергея Петровича Гри
горьева. В 1920 г. этот человек основал и возглавил первую всеукра
инскую рентгеновскую академию. 31 октября этого же года академи
было присвоено имя доктора Григорьева, а всего лишь за шесть дне
до этого события он умер от брюш
ного тифа в возрасте сорока двух лет
В журнале «Врачебное дело» находи
некролог, в котором написано бук
вально следующее: «вместе с немно
гими отважными первыми, со все
энергией своей богато одаренной на
туры, вошел он в неведомое царств
загадочных икс-лучей и в течени
долгих лет напряженной и упорно
работы отвоевал много ценных сокро
вищ: методов и приемов исследова
ния затаеннейших уголков человечес

кого организма, куда знал доступ только он и он один. Это далось ему не только ценой бессонных ночей, нечеловеческого напряжения и энергии, бесконечной борьбы с неожиданными препятствиями на путях никому неведомых — нет, ценою крови своей, ценою тела заплатил он за драгоценные практические блага икс-лучей, теряя палец за пальцем от мучительной аденокарциномы». И далее: «Рентген-Академия, на создание которой он отдал остатки своей жизни, энергии, здоровья, все силы, еще не уничтоженные икс-лучами, которой он жил в последние дни, о которой говорил в предсмертном бреду, Рентген-Академия не была им закончена. Всю свою жизнь он отдал науке. И вскрытие было логическим завершением, последним звеном его существования. Он завещал тело свое как редкий уникум, для изучения изменений от длительного воздействия рентгеновских лучей...» Пионеры рентгенологии работали на очень примитивной по сегодняшним меркам аппаратуре и знали, чем грозит чрезмерное воздействие рентгеновских лучей. Но некоторые из них, тем не менее, буквально сознательно шли на риск. Вот уж поистине: «Безумству храбрых...». Доктор Григорьев тоже знал, но тем не менее 17 лет из своей недолгой жизни посвятил практической и научной рентгенологии. Кто знает, сколько бы осталось ему еще, молодому, полному энергии, сил и планов, мечтательному и страстному, каким помнят этого человека современники, если бы не ранняя смерть? Трудно сказать, во всяком случае, немного. На вскрытии его тела были обнаружены явления значительной атрофии лимфатического аппарата и ряда эндокринных желез, рецидивные явления ракового процесса на кистях рук, изменения сосудов мозга. Кстати, по странной иронии судьбы сам Рентген избежал участи своих последователей. Проявляя известную осторожность в работе с икс-лучами, он прятался в оцинкованный шкаф, а вскоре перестал ими заниматься. Умер в 78-летнем возрасте от рака, распознанного с их же помощью.

Имя Григорьева, созданная им же академия носила недолго. В 1931 году легким росчерком пера ей было присвоено новое имя «выдающегося партийного деятеля» Власа Чубаря. Но тоже не надолго, потому что еще одним росчерком пера товарищ Чубарь был пущен в расход в 30-е годы. Рентгено-радио-онкологический институт, который так назывался к тому времени остался без имени, зато получил новое специальное здание, построенное в стиле «конструктивизма» по проекту архитектора Эстровича. А о докторе Григорьеве остались только воспоминания, причем в буквальном смысле этого слова, фотография, портрет, написанный современным художником, несколько книг, которые подарила институту вдова и краткие (тоже в буквальном смысле) биографические сведения. Известно, что он родился в 1874 году в Харькове, в семье ремесленника, закончил гимназию с золотой медалью и стал студентом медицинского факультета. Организовал рентге-

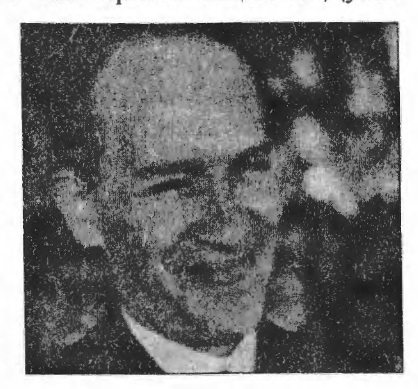
нологический кабинет, ставший своеобразным стартом к делу всей жизни, был известен как уникальный диагност, помимо практической врачебной деятельности серьезно занимался наукой. Тогда он, конечно же, не мог знать наверняка, что уже через пять лет после его смерти в Рентген-Академии, благодаря радию, полученному из лаборатории Марии Кюри, было положено начало радиотерапии онкобольных, а сама академия станет уникальным исследовательским институтом государственного значения, что в 90-е годы этому институту вернут имя его основателя и что в этом институте каждый день рядовые врачи-ученые будут одерживать блистательные победы над смертью, а самый страшный диагноз для многих тысяч людей больше не будет приговором. Вот собственно и все... А каким Григорьев был в жизни, в общении, что любил и кого ненавидел мы можем только догадываться, внимательно вглядываясь в черты его лица на единственной сохранившейся фотографии. Догадываться и в который раз задаваться вопросом: что же все-таки испытывает и о чем думает человек, обрекая себя на верную гибель во имя дела, которому служит

Наталья Катрунова

ЛЕГКО ЛЬ НА СЕРДЦЕ ОТ ПЕСНИ ВЕСЕЛОЙ?

Когда-то основоположника русской классической музыки Михаила Ивановича Глинку упрекали за то, что в «Иване Сусанине» он прославил царское самодержавие. Что бы опера появилась на советской сцене, поэту Сергею Городецкому пришлось писать новое либретто. После этого прошло более полувека. И что же? Сегодня опера Глинки идет на сцене Большого театра с прежним названием «Жизнь за царя». И никому нет дела, что царское самодержавие использовало оперу в своих интересах. К чему этот исторический экскурс? Для того, что бы извлечь урок.

Исаак Осипович Дунаевский. «Легкий», «удачливый», «веселый», «солнечный», «беспечный», «придворный»... Что только не говорили о нем? Да и сегодня не молчат. Шипят, щелкают зубами, даже проклинают: «в бесчеловечной, гнетущей политической атмосфере — бодрячество, шапкозакидательство». «Кругом кровь, а он — «я другой такой страны не знаю». Но при этом все же пели его песни и сейчас поют. И о сердце, которому не хочется покоя, и о Родине, и о Москве, и о весне. Ну а насчет шапкозакидательства он ответил в одном из своих писем и современникам и потомкам, но об этом позже... А пока отправимся на улицу Петровского и задержимся на несколько минут возле дома, где некоторое время жил Исаак Осипович Дунаевский. Хотя в те годы он был просто Ицик и Дуня. Журналистам «Первой Столицы» довольно часто приходится слышать: «Что и этот был харьковчанин?» На что мы весело отвечаем: «Да, а Вы не знали?» Ведь для того, чтобы быть харьковчанином не обязательно родиться здесь. Достаточно того, чтобы город оставил глубокий след в биографии, в творчестве, в памяти, наконец. Чтобы в нем остались учителя, друзья и близкие, и чтобы к ним всегда хотелось вернуться. Имен-

но таким городом для Исаака Дунаевского был наш Харьков, ведь здесь он стал музыкантом. А потому, не углубляясь в подробности ранних детских лет, которые Исаак провел в захолустной Лохвице Полтавской губернии, начнем нашу историю с того момента, когда два брата Борис и Исаак, блистательно провалившись в Лохвицком реальном училище, рискнули попытать счастья в Харькове. Риск состоял в том, что процентная норма, которая была установлена для евреев, и которая была главной причиной провала в училище, могла стать препятствием в губернском Харькове. Но братьям повезло, директором музучилища, куда они решили поступить был знаменитый Слатин. Несмотря на то, что приемные экзамены закончились, он допустил Исаака и Бориса к испытаниям и не пожалел об этом. Спасибо, Илья Ильич, от потомков!

Казалось бы, чего еще? Поступили в элитное учебное заведение да еще и на бюджет (как сегодня говорят)! Так нет же, папа Осип (практичный еврей) определяет Исаака и Бориса, параллельно так сказать, в Харьковскую частную гимназию, директором которой был некто Николай Кнорринг — разносторонне образованный человек и превосходный музыкант-любитель. Ведь неизвестно как сложится жизнь? Музыкой сыт не будешь. Но так уж случилось, что и в гимназии Кнорринга Исаак очень серьезно занялся именно музыкой. Много лет спустя в одном из писем Кнорринг вспоминал: «Игра Исаака крепла с каждым днем. Не довольствуясь скрипкой, он почти самоучкой выучился на рояле, что было необходимо, потому что в нем стала проявляться тяга к сочинительству».

Самое время вспомнить об учителях, ведь именно они, в большинстве случаев, определяют жизненный путь человека. И неважно кто он — композитор, ученый или «рабочий с колхозницей».

Первым учителем Дунаевского был известный в те времена в Харькове И. Ю. Ахрон. «Я не могу обойти молчанием огромное влияние, которое оказал Ахрон на меня не только как педагог-скрипач, но и как отличный композитор и всесторонне развитый музыкант. Он был моим старшим другом, воспитателем. Ему я обязан своей музыкальной культурой, как и первыми композиторскими работами вполне профессионального характера», — напишет впоследствии Дунаевский.

«Ваша техника отстает на 15 лет от Вашей музыкальности», — сказал как-то Дунаевскому Ахрон. Но, естественно, дело было не в лени. Просто его все меньше влечет скрипка и все больше — творчество. Именно поэтому Дунаевский поступает в класс свободного сочинения к знаменитому профессору Богатыреву, основателю Харьковской композиторской школы, в только что образовавшейся народной консерватории. И одновременно — на юридический факультет Харьковского университета, который так и не окончил, к сожалению, а может быть, к счастью? До отъезда в Москву, куда его отобрали в числе лучших для работы в столичных театрах, еще целых шесть лет. Много это или мало? На фоне всей жизни — миг. Хотя сам композитор так никогда не думал.

Его постоянным местом работы в 1919—1924 гг. был драматический театр Николая Синельникова. К этому времени относятся и первые пробы в создании театральной музыки.

О Харькове театральном 20-х годов «Первая Столица» рассказала если не все, то почти все, поэтому не будем повторяться и позволим себе утверждать: старт великого композитора Исаака Дунаевского именно в нашем городе — состоялся!

В 1924 году Дунаевский уехал из нашего города в Москву. Что было дальше описано в многочисленных статьях и брошюрах в основном доперестроечного периода. В них мы получаем этакий привычный портрет советского популярного деятеля искусства, обласканного судьбой, смело и решительно шагающего по жизни «с песней веселой» и благосклонно принимающего бесконечные почет и награды, вплоть до парохода, названного его именем. Кто-то даже сказал, что музыку Дунаевского внедряли насильственно как картошку при Екатерине II. Действительно, во многом именно так и было. Но, пожалуй, стоит добавить к этому праздничному сценарию жизни кое какие штрихи. Итак: сидя в тюремной камере поэт и режиссер Шмидтгоф слышит как пионеры поют его песню: «Эх, хорошо в стране советской жить», музыку к которой написал Дунаевский. Сюжет и композиция фильма «Веселые ребята» обсуждались на квартире Каменева, который так и не увидел его, потому что был арестован.

Автор сценария фильма Николай Эрдман и оператор Владим
Нельсен — тоже...

Как же мог композитор работать в такой обстановке? Как м сочинять свою солнечную музыку? Трудный вопрос. И ему, безв менно ушедшему из жизни от болезни сердца, а вовсе не покончивш му с собой, как это принято считать, до сих пор задают его. Со зл ным смехом или снисходительной улыбочкой. Но почему бы не зад его Моцарту или Гайдну, они ведь тоже были придворные. Глин наконец, ведь мы не зря его вспомнили в начале.

В заключение, еще немного информации для недоброжелател В послевоенные годы в «веселой жизни» Исаака Дунаевского п изошли невеселые перемены. Началась традиционная травля, к ко рой добавилась личная драма: любимый сын попал в мерзкую ис рию. По Москве поползли липкие и грязные слухи и сердце, кото «умело так любить» просто разорвалось от горя. Для полноты кар ны добавим: из всей сочиненной музыки в быту звучало едва 10%. Огромное количество музыки безвозвратно утеряно.

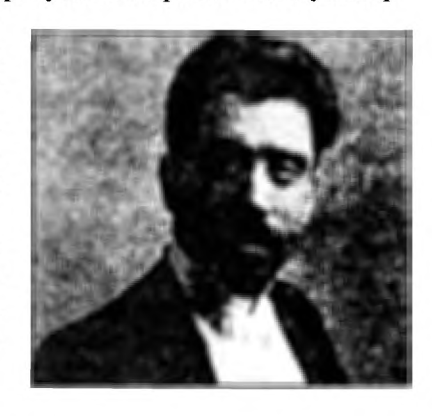
Инна Можейко

ДОКТОР ПЛАТОНОВ

В 1923 году в Харькове был поставлен уникальный научный эксперимент. 32-летняя студентка мединститута согласилась на роды под влиянием гипнотического внушения. Роды прошли успешно, и методика получила дальнейшее распространение. В 30-е годы Харьков становится местом зарождения новой науки — психотерапии. А в 1961 году в нашем городе была открыта первая не только в СССР, но и во всем мире кафедра психотерапии, психопрофилактики и психогигиены. У истоков всех трех событий стоял один и тот же человек. Его звали Константин Иванович Платонов.

Жить без мук, первую очередь душевных; без боли — и физической в том числе; без страхов и кошмаров — свободно и счастливо — возможно ли это? Профессор Платонов был уверен, что человека можно этому научить, что врач может и должен помочь человеку обрести его «Я» — причем не лекарствами, а словом, внушением и самовнушением. Путь к этой уверенности был непрост и длился всю его 92-летнюю жизнь.

Его отец, известный харьковский врач, владел клиникой душевных и нервных болезней, где, кстати, проходили практику студенты медицинского факультета университета. Вопрос «Кем быть?» для юного Кости не стоял — после окончания 3-й харьковской гимназии он в 1898 году поступает на медицинский факультет Харьковского университета. Правда, учился он там больше положенного — его отчислили на год за участие в студенческих волнениях. Зато окончил — блестяще, и, получив диплом лекаря с отличием, пять лет работал здесь же на кафедре нервных и душевных болезней.

В 1909 году его, как подающего большие надежды ученого, командируют на три года в Петербург, в Военно-медицинскую академию, к самому Бехтереву.

Это стало поворотным моментом в карьере Платонова — Бехте в те годы занимался созданием учения о личности, которое базиро лось на комплексном изучении мозга методами анатомии, физиоло и психологии и целью которого было воспитание личности и прео ление аномалий поведения человека. Одним из направлений эт учения было изучение гипнотического внушения и его возможност Платонов увлекся этим направлением.

Защитив диссертацию, 35-летний доктор медицины вернулс Харьков. И вскоре харьковчане читали такое объявление: «Доктор м дицины Платонов Константин Иванович. Улица Московская, 17. Не ные болезни, алкоголизм. Прием по понедельникам, средам, четвер и субботам от 6 до 7 часов вечера». Стоит добавить, что кроме Пла нова, за лечение алкоголизма в городе тогда брались всего три вра хотя нервными и душевными болезнями на тот момент занимал 40 специалистов, имевших свои приемные кабинеты.

Одновременно была работа в Женском медицинском институте железнодорожной клинике, а после революции он заведовал Нервн клиникой Харьковского мединститута.

В 1921 году на базе харьковской психиатрической лечебни «Сабурова Дача» был организован первый в мире психоневроло ческий институт. У Константина Платонова наконец-то появил возможность заниматься тем, что его волновало с юности. Он ор низовывает при институте психотерапевтический кабинет, впосл ствии преобразованный в отделение, а с 1929 года читает курс пс хотерапии при Украинском институте усовершенствования врач Именно тогда — в 20—30-е годы — Платонов впервые в Советск Союзе ставит на научную почву применение гипноза в обезболи нии, в первую очередь — при родах. Полный успех применения е метода наблюдался в 87% случаев. У жителей довоенного Харько Платонов имел репутацию волшебника, который может все. Нем лую роль в этом сыграли и гипнотические способности самого Ко стантина Ивановича.

Внучка Константина Ивановича Платонова, Людмила Ильинич Вильковская, вспоминает: «При всей своей внешней мягкости дед о ладал волевым характером. Я с детства помню сеансы гипноза, кот рые он проводил. Он действительно обладал гипнотическим возде ствием и его пациенты быстро входили с состояние транса. В эт состоянии у них менялась манера поведения и даже почерк. Дед ум произнести несколько ключевых командных слов таким волевым, р шительным тоном, и пациент послушно выполнял его волю...»

Несмотря на свою занятость, профессор тем не менее никогда был ученым сухарем, который в жизни ничем, кроме науки, не ин ресуется. Его дом на Рымарской был всегда полон гостей, он прекр но рисовал, любил хорошо одеваться, но самой главной его страст

была музыка. Особенно он любил оперу, а потому в оперном театре у него был абонемент.

С началом войны в эвакуацию Платонов не уехал — ему было 64 года, на руках была больная жена, а на «Сабурке» — полторы тысячи больных. Он приходил туда каждый день — пытаясь хоть чем-нибудь помочь несчастным людям. Однако после расстрела пациентов в декабре 41-го оставаться в Харькове он просто не мог. Платонов перебрался в Миргород, его колоссальный научный авторитет помог ему устроиться консультантом в районной поликлинике, и он выдавал справки о несуществующих болезнях юношам и девушкам, которых угоняли в Германию, спасши таким образом не один десяток жизней и не одну сотню судеб. Через 10 лет ему вручат за это орден Ленина. В 1944 году профессор вернулся в Харьков — преподавать, консультировать, лечить. Светлана Николаевна Смирнова, ученица Платонова, вспоминает: «В 1946 году профессор Платонов читал нам курс психотерапии и показывал действие гипноза. На его лекции приходили студенты не только нашего, но и других курсов. Это был необыкновенно красивый, элегантный, подтянутый мужчина. Он всегда хорошо одевался, не смотря на сложное и тяжелое для страны время. Представьте себе: Харьков лежит в руинах, транспорт не ходит, карточная система — и тут появляется обаятельный, аристократической наружности мужчина с великолепной артистической речью, который учит нас не только предмету, но и радости жизни».

Радость жизни во всех ее проявлениях — это было жизненное кредо самого Константина Ивановича. Этому он учил своих студентов, своих пациентов. Ему было отмерено еще 25 лет полноценной

жизни. Он преподавал, консультировал, лечил, писал. Его ключевы работы (а общий список их составляет более 50 названий) переводил на английский, немецкий, французский, испанский, итальянский другие языки. Монография «Слово как физиологический и лечебны фактор» по сей день считается энциклопедией психотерапии, а самог профессора называют руководителем психотерапии в СССР.

Врач, который лечил души людей. Лечил не лекарствами, а слово и научил это делать других. Ученый, поставивший знания о гипно на научную основу. Основатель школы. Все это — о Платонове. Н главное, высшее звание дали ему не коллеги-медики и не правител ство, а харьковчане. Они говорили: «Доктор Платонов. Тот, которы может все».

Андрей Печенежский

1919-Й ГОД В ХАРЬКОВЕ

Год 1919-й. Украина. Совсем недавно сбежал в Германию гетман Скоропадский. Под ногами у всепоглощающей советской власти путается Симон Петлюра со своей Директорией. В Одессе, оккупированной французскими войсками, действует более 15 контрразведок различных государств и режимов. В Харькове, столице Советской Украины, открывается губернский съезд Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали известные в то время большевики — товарищ Артем, товарищ Межлаук, товарищ Ворошилов и другие официальные лица.

Конечно же началось все с приветствия, всеобщей радости по поводу того, что из Харькова наконец-то изгнаны белогвардейские банды всех оттенков и заклейменный проклятьем весь мир голодных и рабов наконец-то может вдохнуть воздух свободы. Съезд, который должен был выразить волю всей харьковской губернской бедноты начал работу. Был избран президиум в составе пяти человек: товарищей Кина, Николая, Смирнова, Артема и даже некоего товарища с истинно крестьянским именем Рафаил. После чего был прослушан похоронный марш, посвященный памяти павших борцов за свободу. Далее почетным председателем был избран товарищ Ленин, конечно же не присутствовавший на съезде, и вступительная часть благополучно завершилась исполнением Интернационала. Пошло-поехало... С самого начала было понятно что это лишь репетиция, попытка поиграть в Мальчишей-Кибальчишей.

Небольшая справка о делегатах съезда: большинство из них — лица, занимавшиеся физическим трудом и земледелием, десятая часть — служащие, семь лиц — безработные, из 354 депутатов, только 39 имели среднее или высшее образование, третья часть подвергалась тюремному заключению, подавляющее большинство принадлежали к числу коммунистов....

Первым вопросом было приветствие российскому пролетариату и деревенской бедноте, которое огласил тов. Иванов:

«Мы, рабочие и крестьянская беднота, собравшись на первом съезде Харьковской губернии шлем свой привет рабочим и крестьянству

Советской России. Привет вам, товарищи, высоко держащие зна пролетарской революции, в тяжелых условиях голода, разрухи и о сточенного натиска мирового капитализма. Мы в течение 9 месяц были с вами, мы здесь на Украине боролись за Советскую Власть, соединение с вами, за уничтожение проклятой демаркационной л нии, и мы победили, товарищи, мы с вами, мы пришли к вам помощь. Мы дадим новые и новые полки на общий красный фро мы дадим хлеб армии, голодному Петрограду и Москве... Товарищ рабочая и крестьянская беднота Советской России! (Аплодисменты)

С места: Я от фракции левых эсеров, предлагаю вместо «Ра чая и крестьянская беднота» сказать: «Рабочее и трудовое кресть ство», потому что в понятие трудовое крестьянство входит беднота кулаков.

Тов. Иванов: Я против! Кому мы направляем наш привет? Зд говорят о трудовом крестьянстве? В такой неопределенной форме п слать привет мы не можем! В России это настроение уже прошло, трудовое крестьянство перешло в тот лагерь куда мы посылаем н привет — к рабочим и беднейшему крестьянству...

Вот так, «с приветом» делегаты продолжили работу, продолжи решать какой быть Украине.

Газета «Правда» писала об Украине, как о временно отчужденн части страны, имелось в виду Советской России. Похоже, никто собирался строить непосредственно Украинскую республику, про было много красивых обещаний и громких слов!

«Фабрики — рабочим!», «Землю — крестьянам!», наверное был такие лозунги как: «Коров — дояркам!» и «Кухни — кухаркам!», то

ко зачем непонятно, ведь кухарки должны были управлять страной! Но, главное пообещать, покричать и постучать кулаком по чему-нибудь! Особо в деле громких слов отличились товарищ Артем, говоривший о международных хищниках, дикарях из-за океана, которые придут для того, чтобы съесть крестьянство, и тов. Решко, подогревавший и без того кипящий возмущенный разум лозунгами типа: «Да здравствует кровавый террор над буржуазией!» Аплодисменты, звучит Интернационал.

Из уст делегатов съезда звучали и просьбы, например не забывать о том, что мы революцию Февральскую и Октябрьскую здесь на Украине получали по телеграфу, в запечатанных конвертах, а потому так легко сдавали все позиции, как только международный империализм двинул сюда свои штыки!.. Занятная, истинно героическая правда... Еще одним, отличившимся в деле борьбы с мировой хунтой был тов. Раковский, начавший эту борьбу прямо здесь на съезде с обвинений в адрес эсеров: «Эта партия имела «определенное прошлое» и когда Советская Россия боролась со всяческими трудностями вонзила нож в спину июльской авантюрой (шум, крики), заговором в Купянске и т. д. и т. п». На следующий день, эсер Богачев, имевший в отличие от Раковского на выступление не 2 часа, а только 25 минут, пытался реабилитировать свою партию, но, я думаю, каков был результат, догадаться нетрудно.

Тов. Артем: Товарищи, говорят, что лежачего не бьют, но однако если человек лежит только для того, чтобы притворяться, чтобы затем укусить или ударить, по отношению к нему, если не бьют его совсем, то держатся с известной осторожностью.

Врагов революции, к числу которых причислялись все, кто поп дался под руку и другие части тела, большевики предпочитали бит причем чаще всего до смерти!

Харьковский губернский съезд Совета рабочих и крестьянских д путатов закончился. На нем были приняты какие-то решения, но м об этом говорить не будем, ведь главное не решения, а действи Какими были действия всем хорошо известно, к тому же образы уч стников съезда как наглядные пособия говорят сами за себя, они хот ли хорошо жить, их сердца требовали перемен, глаза требовали зр лищ, а желудки хлеба — и на все это они имели полное право в любо время и в любом государстве!

Пройдут годы, — перестанет существовать Советский Союз. Мно гие потомки будут осуждать революцию, назовут ее переворотом, строителей коммунизма переименуют в преступников. Но это впол естественно и неизбежно! Главное — помнить свою историю и н перевирать ее в угоду какой-нибудь новой власти!

Инна Можейко

ДЗИГА ВЕРТОВ

Имя, звонкое, как струна, в котором слышны воля, напряжение, действие — Дзига Вертов, а за ним, за этим именем — грустный чудак с мягкой интеллигентной улыбкой и негромким голосом. Это имя стоит в одном ряду с Маяковским, Мейерхольдом, Татлиным. Он тоже — революцией мобилизованный и призванный. Пионер отечественного документального кино, новатор, неутомимый экспериментатор и человек, создавший специфический киноязык, которым он разговаривал со зрителем.

Из дневника Дзиги Вертова:
«Видеть и слышать жизнь, подмечать ее изгибы и переломы, улавливать хруст старых костей быта под прессом Революции, следить за ростом молодого советского организма, фиксировать и организовывать отдельные характерные жизненные явления в целое, в экстракт, в вывод — вот наша ближайшая задача».

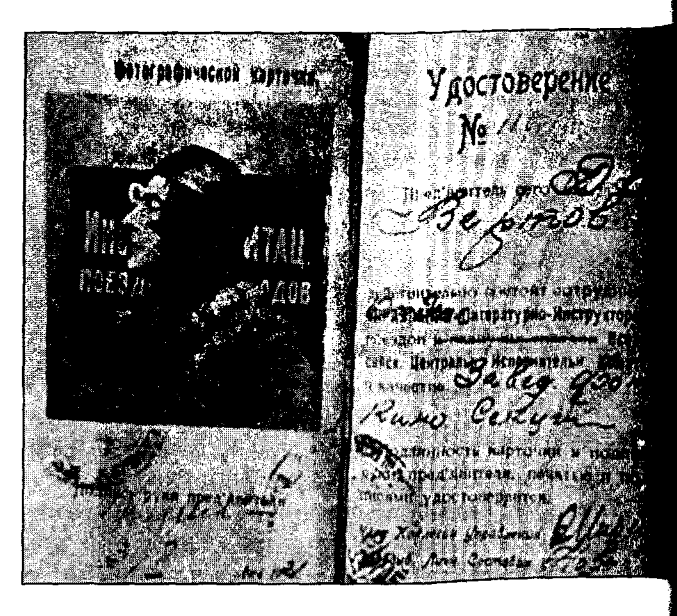

Штатное расписание Московского кинокомитета в 1918 году содержит такие сведения: «Вертов (Кауфман) Денис Аркадьевич, секретарь отдела хроники, 885 рублей. Ведает внутренней жизнью отдела, принимает от операторов весть снятый ими материал». Ему, сыну небогатого мещанина из захолустного Белостока, недоучившемуся студенту Петроградского психоневрологического института, было тогда всего 22 года. Успел он к тому времени уже много. Был мобилизован в армию, командирован в военно-музыкальную школу в Чугуеве. Потом перебрался в Харьков и работал здесь в молодежном журнале. К 1918 году он переехал в Москву, и старый знакомый по белостокскому реальному училищу — Михаил Кольцов — предлагает ему работать в кино. Семь месяцев спустя на экранах идет фильм «Годовщина революции» — первая крупная работа, в которой принял

участие начинающий кинематографист. Однако пока это — привы
ная хроника, снятая и смонтированная так, как это делали все. А Верт
напряженно думает о новом кино, которое не просто будет копирова
жизнь, но и заставлять зрителя думать и сопереживать. Для изучен
нового зрителя Вертов уходит из режиссуры — в прокат. Он отправл
ется с агитпоездом «Октябрьская революция» на Украину. Здесь Ве
тов воочию увидел, с каким восторгом принималась хроника и к
холодно и равнодушно реагировали зрители на слезливые драмы.
1922 году Вертов, вернувшись в Москву, создает группу «киноков»
единомышленников, согласных с его идеями.

Из дневника Дзиги Вертова:
«Я — киноглаз. Я — глаз механический. Я — машина, показываю
мир таким, каким только я смогу его увидеть. Я освобождаю себя
неподвижности человеческой, я в непрерывном движении, я прибл
жаюсь и удаляюсь от предметов, я подлезаю под них, я двигаюсь с мо
дой бегущей лошади, я врезаюсь на полном ходу в толпу, я бегу пер
бегущими солдатами, я опрокидываюсь на спину, я поднимаюсь вмес
с аэропланом, я падаю и взлетаю вместе с падающими и взлетающим
телами...»

В подвале на Тверской, 24, где помещалось Культкино и работа
группа «киноков», было сыро — так, что ржавели ножницы и раскле
вались стыки. Неизменная помощница — Елизавета Свилова — един
ственная из монтажниц, согласившаяся работать с Вертовым и позж
ставшая его женой. Михаил Кауфман — младший брат, оператор «ки
ноков». Илья Копалин — киноразведчик, в обязанность которого вхо

было узнавать о самых интересных делах и событиях, чтобы после их фиксировать для кинохроники. Операторы Лемберг и Беляков. Этот подвал стал их вторым домом. Здесь в спорах рождались и воплощались новые идеи. Здесь создавались выпуски «Киноглаза» — жизни врасплох, фильмы «Шагай, Совет!» и «Шестая часть мира». Это — фильмы-поэмы, где рифмуются строки и кинокадры, дополняя и подчеркивая друг друга. Вертов ничего не инсценировал. Он собирал кинодокументы и виртуозно объединял их, создавая драматургию искусством монтажа. Тем не менее новаторский характер фильмов и строптивый характер их создателя воспринимались неоднозначно, особенно чиновниками. А в прессе появились статьи, в которых группу «киноков» называли «кинококками», расплодившимися в мутной кинематографической среде, а Вертову советовали подождать лет 50, дескать, тогда его эксперименты будут понятнее широкой публике. «Шагай, Совет!» и «Шестая часть мира», которые сегодня считаются классикой мировой кинопублицистики, не были приняты заказчиками. Группа «киноков» распалась. Вертов уехал на Украину.

Из дневника Дзиги Вертова:

«Я голоден. Я невероятно голоден. Творчески, конечно. Если бы я зависел только от пера и бумаги, я писал бы и днем и ночью — писал, писал и писал. Но я должен писать на пленке. Писать киноаппаратом. Я не работаю ради денег — это необходимо понять. Для меня мой фильм — мой ребенок».

Обосновавшись на киевской киностудии, Вертов снимает три самых знаменитых и самых спорных фильма — «Одиннадцатый», «Человек с киноаппаратом» и «Симфония Донбасса». Первый немой фильм без слов — «Человек с киноаппаратом» был заявлен как экспериментальный. Он был без сюжета. Скорее, это был фильм о методе работы. Дальше был эксперимент со звуком. Через год на экраны вышел первый советский звуковой документальный фильм — «Симфония Донбасса» — с шумами, записанными на съемочных площадках. Его показывали не только в Советском Союзе, но и на Западе. Чарли Чаплин после его просмотра в письме к Вертову пишет: «Я никогда не мог себе представить, что эти индустриальные звуки можно организовать так, чтобы они казались прекрасными... Мистер Дзига Вертов — музыкант. Профессора должны у него учиться, а не спорить с ним. Поздравляю. Чарли Чаплин».

В этот период Дзига Вертов часто приезжает в Харьков. Он не перестает удивляться тому, как изменился город его юности. Новый Харьков куда больше соответствовал его революционно-романтическому настроению и желанию увидеть кипение новой жизни, чем патриархальный Киев. Дзига Вертов снимает строительство харьковских заводов, первый в стране небоскреб из монолитного железобетона, во время съемок 11-го Украинского партсъезда пробует звукозаписываю-

щую аппаратуру, которую потом, усовершенствовав, применит в «Си
фонии Донбасса». Украинский период закончился в 1933-м. Верт
возвращается в Москву. На очереди у него — эпохальный фильм «Т
песни о Ленине» — и первое в мире звуковое синхронное интервь
бетонщицей Днепрогэса Белик.

Из дневника Дзиги Вертова:
«Наконец-то я в отпуске. Сильнейшая нервная реакция организм
Стараюсь держаться бодро. Но несколько лет без отдыха дают се
знать. Бросить курить. Мало есть. Раньше вставать. Делать не то, ч
хочешь, а то, что нужно. Спешить; надо спешить».

Теперь его интересует человек — как он может быть прекрасе
Вертов ищет способ, которым можно передать внутреннюю красо
человека и свое восхищение им другим людям. Зная о том, как ск
ванно чувствует себя человек перед камерой, он подолгу провод
время со своим героинями, либо снимает человека, когда он в пр
вычной обстановке или сильно устал. Его задача — показать тай
красоты человека, сбросившего маску. В предвоенные годы он сним
свои последние значимые работы — фильмы «Колыбельная», «Тр
героини».

Из дневника Дзиги Вертова:
«Творческий труд — радость. Движение — радость. Изобретение — р
дость. Отдых после труда — радость. Бездействие — горе. Бесплодн
труд — горе. Неподвижность — горе. Смертельно устать — горе...».

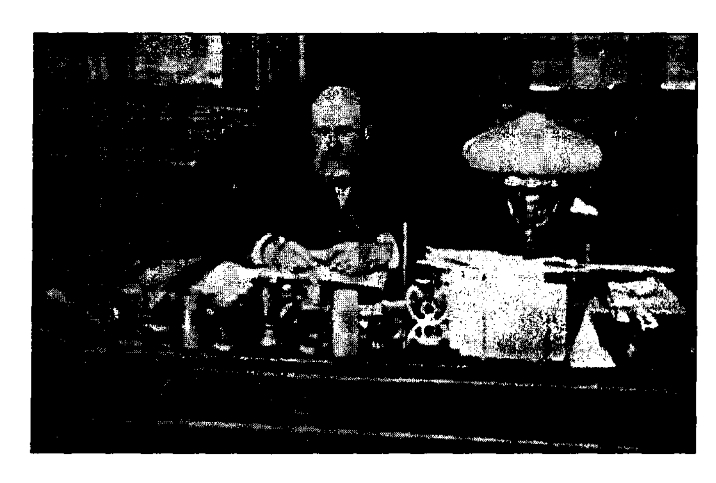
Поэт неигрового кино, в последние годы жизни Вертов мечт
снять детектив. Он умер в 1954-м. О нем написан десяток книг
у нас в стране и за рубежом. Энциклопедии называют его одним
основателей советского и мирового документального кино. А он пр
сто поставил и пытался решить те вопросы, на которые сегодняшн
режиссеры и сценаристы по-прежнему ищут свои ответы: как най
образы, через которые зритель поймет авторскую мысль? Как из хр
ники событий и потока новостей — черновика истории — сделать т
что будет достойно войти в эту историю? И как показать на экра
человека — без маски...

Инна Можейко

РОЛЬ ВТОРОГО ПЛАНА

Комиссар Мегрэ, Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Жеглов и Шарапов, Пал Палыч Знаменский — список великих сыщиков, созданный литературой и кинематографом, можно продолжать и продолжать. Но в тени этих великих всегда присутствует человек, без которого невозможно раскрыть ни одно тяжелое преступление, и в первую очередь — убийство. Это судебно-медицинский эксперт. В детективе это в лучшем случае роль второго плана. Отечественная школа по подготовке таких специалистов была создана в Харькове, а ее основателем по праву считается Николай Сергеевич Бокариус.

Сейчас трудно сказать, что заставило сына преподавателя Одесской гимназии, грека по национальности, человека жизнерадостного и жизнелюбивого, избрать такую специальность. Работа это тяжелая, работа грязная, работа страшная. Психологическое давление на человека огромное — ведь к виду насильственной смерти, да еще и в самых мельчайших подробностях — привыкнуть нельзя. Сами эксперты говорят, что с полной отдачей он может работать не больше семи лет. Тем не менее эти штучные специалисты, работающие на стыке медицины и права — необходимы — без их заключений не возбуждается ни одно уголовное дело, связанное со смертью человека. Судебную

медицину должны знать и юристы, и врачи — ведь по закону в слу необходимости любого из них могут привлечь как эксперта. Вот то ко своей специальностью делают это единицы. Без малого сто дес лет назад этот выбор сделал и Николай Бокариус — выпускник ме цинского факультета Харьковского императорского университе С университетом — а позже с медицинским институтом будет связа вся его дальнейшая жизнь.

Сверхштатный ординатор университетской хирургической клин ки, Николай Бокариус уже через три года после окончания универс тета защитил докторскую диссертацию и стал помощником прозекто одной из старейших кафедр университета — кафедры судебной мед цины. Карьеру он делал стремительно: через тринадцать лет он у заведует этой кафедрой, а еще через три года приступает к главно делу своей жизни — организации Института судебной медицины составе университета.

В начале XX века корпуса медицинского факультета располагали на окраине города — на Ветеринарной площади. Именно здесь и бы построено небольшое здание института, в котором Николай Бокари начал собирать наглядные пособия для занятий — ведь по его глуб кому убеждению, студента в этой специальности можно выучить толь на практике. Одновременно он пишет — нет, в первую очередь научные труды, а учебники по судебной медицине, и, издавая их свои деньги, сопровождает их цветными иллюстрациями — для т же наглядности. А в 1911 году Николай Сергеевич Бокариус первым России провел дактилоскопическую экспертизу — то, без чего немы лима современная криминалистика.

Одновременно он успевает делать массу дел — преподает курс пл стической анатомии в художественной школе, читает курс школьн гигиены для учителей, заведует кафедрой в Женском медицинско институте, преподает судебную медицину на юридическом факульт те, ездит в научные командировки за границу, а в годы первой ми вой — организует и проводит курсы по подготовке сестер милосерд и санитаров. Остается только удивляться неистощимой энергии это невысокого худощавого человека с затаенной улыбкой в глазах.

Новую власть Николай Бокариус принял безоговорочно — как н стоящий ученый, он был далек от политики, а большевики, поним ценность специалиста с мировым именем, создали ему условия д работы — в борьбе с бандитизмом и становлении службы уголовно розыска они нуждались в судебных медицинских экспертах. Поэто они не только не тронули профессора явно из «бывших» — ему ост вили квартиру на Чернышевской, 46, где Николай Сергеевич жил дореволюционных времен вместе со своей семьей — и более того, был назначен первым в истории Украины главным судебно-медици ским экспертом.

20-е годы стали для Николая Сергеевича Бокариуса временем расцвета его таланта не только как ученого и педагога, но и как организатора — он с головой отдается делу создания структуры судебно-медицинской экспертизы в стране. В 1921 году он создает судебно-медицинскую лабораторию, в 1924 — становится консультантом Главного управления и розыска, с 1925 — заведует научно-техническим отделом Харьковского угрозыска, руководит им же созданным Институтом экспертизы, ведет огромную практическую экспертную работу не только по Харькову, но и для Киева, Петрограда, Полтавы, Мариуполя... Перечень должностей, на которых он работает — именно работает — и его достижений в эти годы занял бы целую страницу. Но при всей своей загруженности он не забывает о студентах, справедливо полагая, что будущее его дела зависит именно от них. Он продолжает читать лекции и проводить практические занятия — правда, приходить на них он мог только поздно вечером — и студенты терпеливо ждали своего профессора, ведь каждая его лекция — это была квинтэссенция колоссального опыта в сочетании с энциклопедической образованностью и блестящим изложением. Знание семи иностранных языков, постоянное общение с зарубежными коллегами, великолепная библиотека, в которой — настоящие раритеты издания 1726 года — все это было поставлено на службу подготовки специалистов. Именно в 20-е годы Николай Бокариус пишет работы, которые, являясь практическим руководством, и по сей день остаются настольной книгой для судебно-медицинских экспертов. Да и в современных учебниках по судебной медицине меняются лишь некоторые термины, но в целом подход к исследованию, заложенный Бокариусом, остается, поскольку признан классическим.

Пользуются сегодня, спустя 70 лет после его смерти, не только учебниками и руководствами. В судебной медицине есть понятие «Проба Бокариуса», методика которой была разработана им. До сих пор в строю библиотека с редчайшими фолиантами, собранная ученым и оставленная на кафедре. И самое удивительное — практические занятия современные студенты проводят при помощи препаратов, собранных Николаем Сергеевичем еще до революции.

Ученый и практик, педагог и организатор, Николай Сергеевич Бокариус за свои 62 года успел сделать столько, что с лихвой хватило бы на десяток человеческих жизней. Он служил судебной медицине — делу тяжелому, неблагодарному и малоромантичному — преданно и бескорыстно. Его авторитет был настолько велик, что не только его студенты, но и сыновья, а позже — внучка пошли по его стопам. Его именем назван старейший в Украине Институт научно-судебной экспертизы, а на кафедре мединститута, которой он бессменно заведовал до самой смерти, бережно хранится все, что связано с именем Николая Бокариуса — человека, доказавшего, что судебный эксперт не может быть ролью второго плана.

Андрей Печенежский

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ ИСТОРИИ ХАРЬКОВА, или ПЕРВАЯ НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

«...И вот она нарядная на праздник к нам пришла, и много-много радостей детишкам принесла». И действительно без нее, такой привычной и родной новогодние праздники просто невозможно себе представить. Традиция встречать Рождество с елкой появилась еще во времена Петра I, и была заимствована у соседей — немцев. В середине XIX века стали популярными так называемые общественные елки, народные гуляния в гимназиях, институтах благородных девиц, дворянских и офицерских собраниях. Во время Первой мировой войны елка стала жертвой антигерманских настроений и была запрещена, а после прихода большевиков к власти, в 1917 году она сначала была реабилитирована, а потом также стала неугодна правительству. Как писала газета «Красный пахарь»: «Это был буржуазный пережиток, отравляющий своим околорелигиозным влиянием жизнь взрослым и детям», а поэты-коммунисты добавляли:

«Пахнущих ладаном
елок не надо нам!»

или

«Тот, кто елочку срубил,
нас грешнее всех раз в десять,
ведь на каждом деревце
можно «белого» повесить!»

И вот, наконец, в 1935 году, по инициативе секретаря ЦК Компартии Украины Павла Постышева, в Харькове, сначала 6 сентября был открыт первый в Советском Союзе, а значит и в мире Дворец пионеров и октябрят, а тридцатого декабря в этом дворце прошла первая советская новогодняя елка. Тогда же появилась фраза о том, что единственным привилегированным сословием в Стране Советов являются дети. Точно неизвестно, была ли она сказана Постышевым или приписана ему газетчиками.

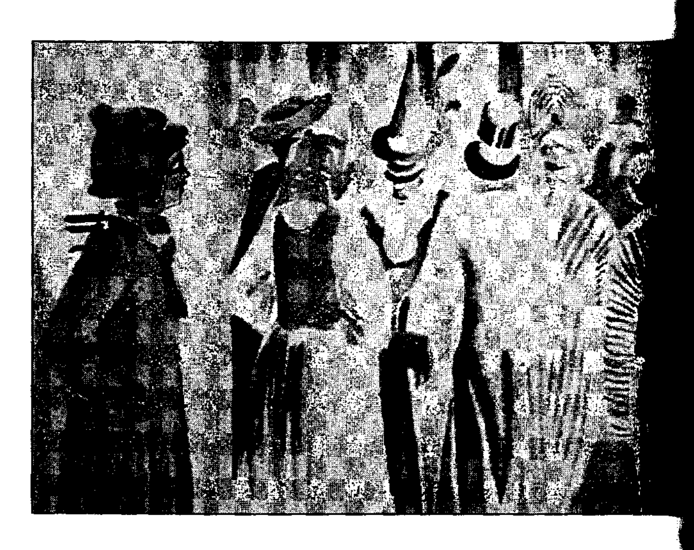

Из воспоминаний Таисии Бобовой, участницы первой елки: «Училась я хорошо и поэтому мне дали путевку во Дворец пионеров, просто так войти тогда в этот Дворец нельзя было».

Находился Дворец в самом центре Харькова, на площади Тевелева, позже площади Советской Украины, а сейчас площади Конституции, в огромном здании бывшего Дворянского собрания, которое, к сожалению, не сохранилось до наших дней, поскольку было разрушено во время Второй мировой войны. Масштабы его работы были действительно потрясающие: 232 комнаты, библиотека на 50 тысяч книг, лаборатории, мастерские, зимний сад, собственная детская электростанция и типография. В таком Дворце пионеров новогодняя елка просто обязана была пройти замечательно, блестяще и помпезно.

Таисия Бобова: «И вот когда уже мы пришли во Дворец пионеров... во-первых, передать впечатление, произведенное дворцом невозможно, ведь весь Харьков работал на Дворец пионеров! Но когда речь пошла о елке, тут вообще все пионеры всполошились — Бог знает, что в Харькове творилось!»

Участвовало в этом празднике более 1200 человек, причем не только детей, но и взрослых. Было три елки, за которыми несколько раз специально ездили за город. Самая большая — в центральном актовом зале. Так было тридцатого декабря, а 1 января уже нового 1936 года здесь было уже более двух с половиной тысяч пионеров и октябрят! Организаторы готовились к этим мероприятиям основательно, под чутким руководством замечательного и талантливого воспитателя Петра Слонима, причем не только днем, но и ночью, а библиотекари и актеры кукольного театра даже устроили соревнование — кто быстрее, лучше и больше сделает новогодних украшений.

Елка была высоченная, красиво убранная, в ее украшении участво вали даже дети младшей группы Дворца пионеров — тоже делали ка кие-то игрушки и украшения. Подготовлен был Дворец пионеров Новому Году просто изумительно — и хлопушки и серпантин и все, что нужно было для настоящего праздника!

Все участники карнавала проходили предварительный осмотр, н котором утверждались их костюмы: «Весна в белом платье с цветами» Дон Кихот и Санчо Панса, Китаянка, Венгерка, Испанец и Негр Чичиков, Чацкий, и, конечно же, костюмы популярных в то врем Чапаева, Петьки и Фурманова, костюм Красной Армии, «Даешь стра не 150 тысяч пилотов авиации», костюмы стахановцев, буденовцев ворошиловских стрелков. Обладатели лучших костюмов были награж дены конфетами, а главное — духами, что по тем временам был большой экзотикой. Естественно, не обошлось без «Гвоздя програм мы»!

Такая очередь стояла к этой комнате! Многие выходили оттуда с кислой физиономией, кто хохотал до изнеможения, кто сначала с кис лой миной, а потом хохотал... Комната совершенно пустая, только новогодние украшения, и посреди комнаты стоит тумба, на тумбе — красивая подушка, а на ней — огромный гвоздь! На каком-то заводе его специально изготовили — самый настоящий гвоздь программы!

Оказывается и в то время умели и могли шутить, а эту новогод нюю елку, первую в истории Советской Украины, прошедшую в пер вом Дворце пионеров, можно смело назвать настоящим «гвоздем про граммы» истории нашего родного города Харькова!

Инна Можейко

РЕВОЛЮЦИЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ

1937 год. По улице, ведущей к известному на весь Харьков дому «Слово» — обители поэтов, писателей и художников — бредет ослепшая от слез женщина. Там, в уютной пока еще квартире на пятом этаже, заставленной книгами и картинами, ее ждет 13-летний сын. А в ушах звучат слова, сказанные мужем на тюремном свидании: «...Это наше последнее свидание с тобой, Мариечка, навсегда последнее!»

Эту женщину звали Мария Пасько. Она была женой известнейшего художника-графика Ивана Падалки. Тогда она еще не знала, что мужа за контрреволюционную деятельность осудят к высшей мере и в тот же день расстреляют вместе с его другом Василием Седляром и учителем Михаилом Бойчуком. Она не знала, что ее отправят на 8 лет в ссылку, что она навсегда потеряет сына, что в 50-е их всех реабилитируют, а в 90-е о бойчукизме и школе Падалки будут говорить как о выдающемся явлении в художественной жизни Украины. Она просто плакала.

Сколько их было, революцией мобилизованных и призванных, поверивших в новые возможности, новое искусство, нового человека? Кончивших жизнь в лагерях, в забвении, преследуемых за формализм, национализм и прочие «измы»? Творцов того самого авангарда, который был прерван на взлете и который сегодня в такой моде и в такой цене у коллекционеров? Татлин, Ермилов, Архипенко, Пальмов. Иван Падалка — из их числа. Да и биография его похожа на биографии многих, кто от сохи да в творцы. Деревенька на Полтавщине, многодетная семья, с трудом сводившая концы с концами, маленький мальчик, которому легко, словно играя, даются все предметы в церковно-приходской школе, и добрый пан, заметивший способного к рисованию мальчишку

и заплативший за Иванову учебу в Миргородской керамической шко-
ле, где учительствовал Афанасий Сластьон — известный художник-
этнограф.

В 1913 году Иван перебирается в Киев — он поступает в Киевск
художественное училище, где ему опять повезло с учителем — о
работает под руководством знаменитого художника Федора Кричев-
ского.

Из воспоминаний Ивана Падалки: «...Когда-то давно, когда я тол-
ко начинал серьезно учиться, в моем воображении носились чудесн
образы площадей, заполненные такими прекрасными картинами, к
тот ковер, которым мать моя накрывала стол на рождественские и па-
хальные праздники...»

Год 1917 был определяющим для многих. Иван Падалка был в и
числе. В декабре 17-го в Киеве создается Украинская академия худо-
жеств. Там Иван встречается с Михаилом Бойчуком — художником
педагогом, создавшим в украинском искусстве целое направление
бойчукизм. То, что предлагал Бойчук, было невиданным. В отличие о
многих авангардистов, отрицающих все старое искусство, Михаил Бой-
чук за основу своих работ брал византийские мозаики и фрески, дре
нерусскую икону, народную украинскую картину и соединял все это
новыми, революционными темами. Вместе с учениками он расписыва
новыми фресками Киевский оперный театр и Луцкие казармы, оформ-
ляет агитпоезда, улицы и площади Киева и Харькова к праздникам
Вслед за учителем Иван Падалка пробует себя в новом направлении.

Из воспоминаний художницы Оксаны Павленко: «В художествен-
ной школе я познакомилась с Иваном Падалкой... Он был покладис-
тый такой, вежливый, доверчивый как ребенок и наивный... Но како
это был кладезь народной мудрости! Он буквально начинен был по-
словицами, присказками — так и сыпал ими, будто из рукава...»

В 1922 году Иван Падалка — выпускник первого и единственного
выпуска Украинской Академии искусств — получив диплом, работает
в Миргородском, а позже — в Межигорском керамическом техникуме
В 1925 году он — уже известный знаток украинского стиля — пере-
езжает в Харьков. Его приглашают преподавать в Харьковском худо-
жественном техникуме. Созданный на базе дореволюционного худо-
жественного училища, техникум переживал тогда период становления
Здесь были открыты графические мастерские, в которых вел занятия
Василий Ермилов — известный украинский авангардист. С 1925 года
Падалка и Ермилов работают вместе. Именно здесь складывается то
что искусствоведы позже назовут «Школой Ивана Падалки».

Вслед за своим учителем Михаилом Бойчуком он учит своих сту-
дентов пониманию и анализу древнего искусства. Органическое со-
единение мировых художественных достижений с украинскими на

родными традициями дало поразительные результаты — уже через пять лет школа Падалки становится известна во всей Европе, а их работы, революционные по тематике, с восторгом раскупают западные коллекционеры. Мария Котляревская с ее динамичными работами, в которых бьющая через край энергия сочетается с тонкой лирикой; Моисей Фрадкин с его еврейскими мотивами; Михаил Зубарь и Александр Довгаль с революционно-индустриальной тематикой, и еще целый круг молодых, горячих, жаждущих совершить переворот в искусстве, и с ними — учитель — резкий, иногда до грубости, но всегда справедливый.

Из воспоминаний Марии Котляревской: «Иван Иванович был для студентов не только преподавателем, но и товарищем. Ходили вместе на захватывающие боевики в кино, часто вместе обедали в столовой. Падалка заходил к студентам, и они заходили к нему. Брали иногда работу на всю мастерскую...»

Вторая половина 20-х для самого Падалки тоже стала расцветом в творчестве. От орнаментальной графики он приходит к монументализму, разворачивая сюжеты на своих гравюрах так, как это делали мастера Северного Возрождения — и в результате простая сцена прополки, увиденная глазами художника, приобретает новый смысл; первый украинский небоскреб — Госпром — поражает воображение своими размерами, а гравюра с матросом, лихо отплясывающим «Яблочко», по композиции очень напоминает народную картину «Казак Мамай».

Однако в начале 30-х годов творческая атмосфера начала ухудшаться. В художественном институте появился новый директор, и у Падалки отобрали мастерскую. Участились нападки критиков реалистического направления, требовавших от художника писать так, как он видит, на что Падалка ехидно замечал: «Корова тоже видит».

А потом начались процессы над харьковской творческой интеллигенцией. Из дома «Слово» один за другим уходили люди — поэты, писатели, режиссеры — уходили и не возвращались. С интервалом в два месяца застрелились Хвылевой и Скрыпник. Травля бойчукистов и школы Падалки усилилась.

Мастер переходит к книжной графике и много занимается иллюстрацией — делает рисунки к «Слову о полку Игореве» и обложку для «Энеиды» Котляревского, а позже — иллюстрирует романы Дени Дидро. 1934 год был последним, когда ученики Падалки принимали участие в выставках за границей — но учителя с ними уже не было. А в 1935 году художника переводят в Киев — якобы для укрепления профессорскими кадрами Киевского художественного института. На нем уже прочно висели ярлыки бойчукиста и формалиста, не хватало только обвинения в национализме. Через год его арестовали, а еще через девять месяцев расстреляли за участие в контрреволюционной

организации. Гравюры Ивана Падалки были отправлены в Киев,
спецхран. В Харьковском художественном музее уцелели только д
работы — «Грузчики» и «Портрет жены». А фрески, которыми П
далка вместе с Бойчуком расписывал Червонозаводский театр (ны
ДК ХЭМЗ), тщательно забелили. Мастеру и его ученикам предстоял
пережить долгие годы забвения.

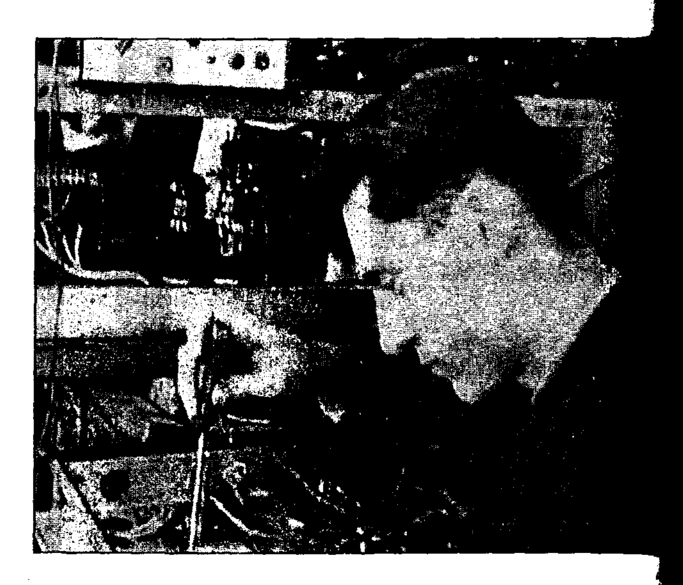
Революция пожирает своих детей — мысль не единожды док
занная на вполне конкретных примерах. И каждый раз за это
мыслью стоят судьбы вполне конкретных людей, ею — революци
ей — мобилизованных и призванных. Но Время все расставляет п
своим местам — и людей с чистыми руками и горячим сердцем —
реабилитирует История. Как реабилитировала она творцов украин
ского авангарда.

Наталья Шубенко

КАК НАЧИНАЛОСЬ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ХАРЬКОВЕ

«Внимание! Говорит и показывает Харьков!» Эти слова, прозвучавшие в эфире в 19 часов 7 мая 1951 г., стали самой настоящей сенсацией. Дело в том, что в Харькове появилась первая и единственная в стране телевизионная станция, сконструированная руками радиолюбителей. Не имея схем, рисунков, специальных материалов, а главное опыта, талантливые харьковчане компенсировали все это огромным желанием и бескорыстным энтузиазмом. Результат превзошел все ожидания — главный инженер Московского телецентра, побывавший в январе 1951 г. в Харьковской любительской телестудии, признал, что достигнутая здесь четкость изображения не уступала столичной. Таким образом, Харьков стал третьим после Москвы и Ленинграда городом, где «прописалось» телевидение. Любопытна оценка Сталина, которому, естественно, немедленно доложили о «харьковской сенсации». Он сказал: «Московский телецентр покупала за океаном вся страна. На сооружение Ленинградского телецентра был задействован весь научный и производственный радиокомплекс. Талантливые харьковчане, изготовив собственный телецентр в одиночестве, совершили настоящий подвиг».

Инженеры-радиолюбители Вовченко и Столяров не могут забы
как их подняли среди ночи и куда-то повезли. Можно только догад
ваться, что им довелось пережить. Наверное, не было в те годы
Советском Союзе человека, который, слыша ночью скрип тормозов во
своего дома и требовательный звонок в дверь, не подумал бы о сам
худшем. Выяснилось: разбудили и доставили по назначению, что
немедленно передать похвалу вождя. Оказывается, и так бывало!

Пока готовился телецентр, харьковчане мастерили самодельные т
левизоры. На момент первого выхода в эфир их было в городе неско
ко десятков. Чудо техники с экраном в почтовую открытку устанав
вали в рабочих клубах для коллективного просмотра. Счастливчи
имевшие телевизоры дома, были вынуждены принимать гостей: сосед
знакомые, знакомые знакомых, как правило, по нескольку десятков ч
ловек замирали у крошечного экрана. Невероятно, но факт: в 1953 го
телевизоров в Харькове было больше, чем в Японии!

Передачи выпускались в эфир с начала два, потом три и четыре ра
в неделю. По вечерам Госпром пустел, отключались лифты, и член
любительского телецентра поднимались пешком на 11-й этаж с тяж
лыми коробками кинофильмов. Можно смело утверждать, что имен
практика харьковчан стала толчком быстрому развитию телевидени
стране. В Харьков приезжали делегации из Одессы и Риги, Омска
Владивостока, Томска и Воронежа. Благодаря консультациям харько
чан, в стране в кратчайшие сроки заработало еще 16 телецентров.

Накопленный опыт был огромный, и можете не сомневаться, что
моменту появления в Харькове стационарного телецентра харьковча
были весьма подкованными зрителями. И все же, первый выход
эфир харьковского профессионального телевидения в 1955 году,

те, кто его делал, ни те, кто смотрел, не забудут никогда. Когда закончилась передача, в студию ворвалась толпа людей. Они обнимали телевизионщиков, не веря: «Неужели правда? Неужели прямо сейчас передавали, живьём?»

Действительно, «живьём». Ведь тогда, в 1955-м, до видеомагнитофонов было, как до звезд, и работали исключительно в прямом эфире: «Голубые огоньки» на Москву (кстати, Харьков был единственным городом, кроме столиц союзных республик, который выходил на ЦТ, из Москвы телеграфировали: «Ай да харьковчане, молодцы!»); молодежная программа КВН, обожаемые многими поколениями малышей детские передачи (наверняка среди харьковчан старшего и среднего поколения немало тех, кто помнит Зайку-книгоношу). Каждые два месяца выпускался телеспектакль. А во время гастролей столичных театров из крошечной студии с рабочей площадью 16 кв. м, шли прямые трансляции спектаклей Малого театра и МХАТа. Сегодня трудно, даже невозможно представить, как в такой комнатушке можно было разместить декорации, выстроить мизансцены, и выдавать это в прямой эфир, да еще на весь Советский Союз. На Всесоюзном телевизионном смотре харьковская телестудия заняла 5-е место, оставив далеко позади столичный Киев. Говорили, что в Харькове подобралась удивительно крепкая команда профессионалов, среди которых не было равнодушных. А если и встречались такие, то очень скоро не выдерживали, уходили.

К сожалению, уходили не только равнодушные, уходили и талантливые. Вернее, их уводили. Уехала в Москву очаровательная Наталья Фатеева, первый диктор харьковского телевидения, уехал кинодокументалист Самарий Зеликин, создатель уникального фильма о Харькове «Революция продолжается». В 1973 г., после смены руководства на харьковской телестудии и прихода нового директора, который так прямо и заявил, что он «не любит телевидение», ушли многие талантливые режиссеры и редакторы, те, кто, собственно, телевидение и создавал. Новый начальник с видимым удовольствием выполнял те распоряжения сверху, которые шли во вред. Например, в те годы, согласно столичной директиве, каждая телестудия была обязана сжигать свои архивы и сдавать в казну серебро, которое получалось в результате этого действия, которое иначе как аутодафе, и не назовешь никак. Много ли пользы

стране принесло полученное столь варварским способом серебро, еще вопрос. А вот уникальные материалы остались только в воспо наниях очевидцев.

Мы еще долго будем расхлебывать последствия подобных д ствий, и не только в области телевизионного вещания. Но то, сделал Харьков для телевидения всей страны — не уничтожить фи чески, как беззащитную пленку. Ведь даже если срубить ствол, ко останутся и когда-нибудь дадут новые побеги. И кто знает, мо быть, еще прозвучит на всю огромную территорию, занимаю $^1/_6$ часть суши (как бы сейчас она ни называлась): «Внимание! Гово и показывает Харьков!»

Владимир Нестерук

ВЕЛЕСОВА КНИГА

Бывают находки, с которыми сложно определиться, подделка это или артефакт. Или еще сложнее, когда существует вероятность, что перемешано одно и другое. Еще интереснее, если находка представляет собой эпос, не обделенный поэтическим гением и серьезной этической направляющей.

Летом 1919 года накал Гражданской войны в бывшей Российской империи достиг вершины, страна представляла собой груду развалин, по которой маршировали армии и отряды, группы и банды разных цветов, а зачастую и просто бесцветные. Главным же событием стало наступление белой армии Деникина, серьезно уступавшей по численности Красной Армии. Заняты Харьков, Белгород, Курск, Воронеж, Орел. Казалось, еще мгновение, и Москва.

А в это время небольшой белогвардейский отряд полковника Изенбека квартировал недалеко от Харькова в Великом Бурлуке. Полковник, знаток искусства, решил объехать разграбленные усадьбы — может, обнаружится что-нибудь интересное. Не исключаю, что офицер сам хотел тривиально набить карманы. В один из летних дней дорога привела его в бывшее имение Неклюдовых-Задонских. Само здание усадьбы уцелело, хотя внешний вид был страшен: выбитые окна, гарь на стенах, повсюду следы погрома. В библиотеке Изенбек обнаружил несколько уцелевших книг XVIII века, а на полу странные дощечки с неведомыми письменами. Они были черными от времени, изъедены червями, многие растоптаны сапогами.

Вскоре белые армии были разбиты, среди беженцев, прорвавшихся в Европу, оказался и полковник. Вначале он поселился в Париже, затем в Брюсселе. В 1925 году дощечки увидел писатель Миролюбов, который пришел к выводу: текст дощечек — летопись, выполненная на совершенно неизвестном славянском языке, а сама письменность составлена на основе кириллицы.

К сожалению, Изенбек не разрешал выносить дощечки и их приходилось копировать вручную. Сам способ, согласитесь, не исключает внесения ошибок.

Работа над расшифровкой заняла 15 лет. Но вскоре начал Вторая мировая война. Франция и Бельгия были оккупированы мецкими войсками. Тяжелая жизнь, болезни, недостаток продук сломили здоровье Изенбека, в 1941 году он умер. Дощечки пропа по одной из версий, они были изъяты гестаповцами у наследни полковника.

Дальнейшая судьба удивительной находки загадочна и сложна. Н скопированным «первоисточником» работают бывший химик и ли ратор Миролюбов, в США бывший генерал А. Куренков, в Австрал Лесной (Парамонов). Именно последний и назвал находку «Велесо книгой» и утверждал, что тексты написаны жрецами бога Велеса. Ско ко было скопировано текста с табличек неясно, якобы 75%. Делаю некие переводы, вносятся собственные изменения. Сами тексты пр ставляются научному миру некими кусками. Полностью ученым у ется познакомиться с «текстами» только в 1984 году после полн посмертной публикации работ Миролюбова.

По мнению большинства видных историков, филологов и архе логов «Велесова книга» является фальсификацией. Спектр доказатель подделки весьма широк и серьезен. Фальсификаторами признавали Изенбек, Миролюбов и любитель древностей, живший в XIX веке занимавшийся подобными «шутками», Сулакадзев.

Однако есть несколько «но». Никто из исследователей не вид самих табличек, но имелись свидетели, их лицезревшие. Полковн Изенбек весьма небрежно относился к находке и совершенно не инт ресовался ее «раскруткой». Да и интеллектуальный уровень офице как бы это помягче, был далек от филологии и научного мира. Е даже, в конце концов, вычеркнули из списка возможных фальсифи торов. Другой интересный момент — огромность и талантливость «В лесовой книги». Представьте себе задачу придумать новый язык написать произведение литературно стоящее на уровне если и не «Ил ады», то киргизского эпоса «Манас».

Надеюсь, со временем все прояснится, мы же можем предложи только варианты: подделка, оригинал и, наконец, как по мне наибол вероятный — первоисточник был неправильно скопирован и «доп сан» на потребу дня горе исследователями.

Виктор Кофанов

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ

При слове «погода» у большинства людей взгляд самопроизвольно устремляется сначала в окно, затем на термометр или, если есть, на барометр. Пять секунд, и индивидуальный прогноз погоды уже составлен.

У нас, как известно, в погоде разбираются все, как, впрочем, в политике и в медицине.

Наблюдать за погодой люди стали во время первых выходов в море. Тот, кто правильно предугадает направление ветра и силу волн, мог рассчитывать на успешное путешествие и благополучное возвращение.

С развитием земледелия люди поняли: если ты не занимаешься погодой, она займется тобой. С этих времен появляется фраза, благополучно дошедшая до наших дней.

Первые метеонаблюдения в Харькове начались в 1738 году. Но дело как-то не пошло, и вскоре они были прекращены. Хотя местные помещики иногда вели «дневник погод», среди них и Василий Назарович Каразин (как же без него — «наш пострел и здесь поспел»), наблюдения эти систематизировались, на их основе пытались составить прогноз на ближайшие дни. Вот странные, спроси у любого крестьянина, он тебе все на недельку вперед и расскажет. Нет, страшно далеки были от народа первые прогнозисты и прогнозистки.

Официальные наблюдения начались в январе 1892 года и прерывались только в период фашистской оккупации. Метеостанция была основана на базе университета, где благополучно размещается и по сей день.

Подъем промышленности в период индустриализации требовал новых скоростей во всех сферах, в том числе и в транспорте. С лошади пересаживались на автомобиль, с автомобиля на самолет. Увы, авиации больше всего доставалось от заведующего небесной канцелярией (прости господи, что скажешь). Поэтому в 1932 году вместе с постройкой нового Харьковского аэропорта появляется новая гидрометеостанция, одна из лучших в СССР.

Таким образом, наши предсказатели погоды на сегодняшний день накопили достаточно обширный материал для некоторых выводов. Итак,

1920-е годы прошлого века, самое спокойное десятилетие для харьк
ских синоптиков, ни одного погодного рекорда, а вот самое беспок
ное — 1950-е годы: 5 рекордов. Но обо всем по порядку. На 193
1954 годы приходятся два самых жарких лета, хотя максимум темпе
туры зафиксирован в июле 1936-го и августе 1946-го — 38 градусов
тени естественно).

Наиболее холодным выдалось лето в 1976-м и 1978-м годах. Ср
няя температура составила +17°.

Зима 1953—1954 годов стала наиболее холодной в прошлом ве
хотя рекорд −36° принадлежит январю 1940-го года.

За период, именно за период ноябрь 89-го — март 90-го средн
температура воздуха была +2,5 градуса. Назвать зимой это время ли
но у меня язык не поворачивается. Зато зима 1897—1898 годов дл
лась без одной недели 5 месяцев.

Несмотря на то, что самой снегообильной считается зима 198
1987 года, снежный буран, который начался 17 января 1970 года, н
всегда останется в памяти горожан. Снегопад и метели продолжали
без перерыва трое суток. Высота сугробов составила от 70 сантимет
до 3 метров. Остановились поезда и общественный транспорт, не р
ботало большинство предприятий. Харьков обратился за помощью
военным.

Гуровой Юрий Андреевич (председатель Харьковского го
исполкома в 1969—1976 гг.):

«Самым необычным впечатлением для меня от тех событий, кот
рые происходили в 70-м году, когда на Харьков свалилось стихийн
бедствие в связи со снежными заносами, было выступление на ТВ. М
первое и последнее выступление за все 8 лет работы председателем Хар
ковского горисполкома. Я должен был сообщить о том, что завтра р
бочий день начинается с того, что в городе не работает городской тран
порт и трудящиеся города должны добираться к местам работ
самостоятельно. Обстановка разворачивалась очень критично. Во-пе
вых — это был выходной день. Это было уже после восьми часов веч
ра. Я не смог доехать на своей машине домой, вызвал другую машину
вернулся на работу. В исполкоме городского Совета нельзя даже был
создать оперативную группу, потому что эта оперативная группа был
выходная. Всю свою работу я вынужден был перевести в Городско
управление Внутренних дел. Все действовали оперативно, слаженн
Нужно было выручать председателя Харьковского облисполкома Ан
рея Павловича Бездетко, который, возвращаясь из Белгорода в Хар
ков, застрял на полпути; туда был откомандирован бронетранспорте
Где-то к двум часам ночи начали появляться те люди, которые долж
были справляться со стихией.

— То есть паники не было?

— Паники не было, потому что заваливать снегом стало вечером, а ночью паниковать некому. На следующий день мы выяснили, что обстановка серьезно усугубляется и справиться с заносами в течение 2—3 часов не удастся. Детские садики оставались без хлеба, без продуктов. Срочно было принято решение откомандировать спортсменов-лыжников на доставку хлеба в рюкзаках с хлебозавода. Приходилось решать многие вопросы, которые были связаны с водоснабжением и бесперебойной работой городского хозяйства. Все это удалось сделать в короткий промежуток времени. Президиум штаба был переведен на казарменное положение, фактически по три-четыре дня не уходили домой, и только могли поспать урывками на рабочих местах. Удивительно было то, что после моего обращения к гражданам города о том, что транспорт городской не будет работать, наши сомнения не подтвердились, все люди абсолютно точно и вовремя не пользуясь городским транспортом, пришли на работу, даже точнее, чем в обычные дни. Мы сумели привлечь силы и средства, которыми располагали, это давали нам полномочия коими были наделены органы местной власти в период чрезвычайных ситуаций: в частности мы посетили завод дорожного машиностроения. На площадке готовой продукции стояли 30 бульдозеров. Мы, не глядя на то, кому они были предназначены, задействовали их в этой ситуации. Большую помощь нам оказывали военные, военная техника, военные строители. Короче говоря, были выведены все, кто только мог держать лопату и инструмент, для того чтобы очистить город. В этот период времени особое удовольствие нам доставляла работа студенческих отрядов, которые вышли на очистку города и делали эту работу весело и интересно. Студенты в паузах на отдых поднимали дух своих соратников гитарой, прекрасной песней «Сердце на снегу», которая как нельзя подходила к этим событиям.

Таким образом, через двое-трое суток город был полностью очищен от снега, начал ходить городской транспорт, никаких перебоев с энергоснабжением, с водоснабжением. Правительство Украины высоко оценило нашу работу в этой ситуации. Мне, как начальнику гражданской обороны города, объявили благодарность».

Кстати, события января 1970-го не побили рекорд продолжительности харьковских метелей. Заверюха в декабре 1938-го длилась 74 часа, в феврале 1971-го — 69 часов, январе 1970-го — 65 часов. В январе 1954 снег шел каждый день, но таких последствий, как в 1970, не было.

В книге местных рекордов еще несколько дат: самый ранний заморозок — 10 сентября 1900 года, а самый поздний — 2 июня 1916-го. Декабрь 1936 года — самый мутный в XX веке: с 14 по 17 число туман держался более 73 часов, а 22—26 декабря — 62 часа. Наиболее дождливым оказался 1919 год — 141% от нормы, а через год наоборот случился самый засушливый — 63% от нормы. Громыхнуло с неба в 1937 уже 22 марта, а самая поздняя гроза зафиксирована в ноябре 1902 года. Если к грозе добавить сильный порывистый ветер получит-

ся шквал, а с ливнем и градом получится 1 июля 1974 года. В 19
штормовая погода шириной 2—3 километра ворвалась в город со ст
роны аэропорта и быстро продвигалась с юга на север. Сначала бы
выдавлены огромные витрины недавно построенного Дворца Спор
затем в районе Москалевки повален 30-тонный портальный кран. С
лив затем башенный кран возле Гончаровской плотины, шквал пов
нул к Центральному рынку.

Гуровой Юрий Андреевич (председатель Харьковского
рисполкома в 1969—1976 гг.):

«Я должен сказать, что события, связанные со снежными зано
ми, и те события, которые были связаны с ураганом, они, к сожа
нию, совершенно не были запрогнозированы синоптиками. Это бы
совершенно неожиданно. Ну, если говорить откровенно — прекр
ный летний день, заканчивается работа....

— Где вы находились?

— Я находился у себя на рабочем месте, складывал последние бу
ги для того чтобы уйти домой. Посмотрев в окно, увидел, что на площ
ди Тевелева (пл. Конституции) происходит что-то невообразимое. Кр
ши домов летят на тротуар, люди все врассыпную попрятались
подъездам. Из гостиницы «Харьков» передают, что деревья из сада Ше
ченко перелетают через площадь Дзержинского и падают возле гости
цы. В общем, что-то невообразимое. Опять-таки были предприняты
же самые экстренные меры, и когда правительственная комиссия че
три дня должна была приехать и установить объем материального ущ
ба, который нанес нам ураган, так председатель облисполкома и сек
тарь обкома говорят: «Юрий Андреевич, ты, пожалуйста, немноже
помедленней выполняй работы, а то комиссия не поверит, что у н
стихийное бедствие было».

Эта фотография (см. рис. 1) сделана на следующее утро. Метал
ческий киоск стихия перенесла на 20 метров. Но наибольший резона
вызвало падение двух главных крестов Благовещенского собора, и э
несмотря на то, что количество обращений ко Всевышнему, надо д
мать, увеличилось за время шквала многократно. Вес главного крес
превышал 5 тонн. И еще одна цифра, которую сразу трудно осмы
лить. Было поломано и повреждено... 50 тысяч деревьев. А вы говор
те Тунгусский метеорит. Впрочем, хватит этих ужасов.

Синоптик конечно не бог и все предугадать не может, но точно
местных прогнозов достаточно велика. По области сбывается 90 пр
центов предсказаний, по Харькову 87. Почему по городу меньше?
потому, что такие промышленные мегаполисы как Первая Столица са
достаточно сильно влияют на погоду. В городах чаще выпадают осад
и чаще бывает туман, температура в среднем на 1,5 градуса выше, ч
за городом. Прогноз, который ежедневно составляется на ближайш

Рис. 1

суток, рассылается по 23 адресам: это и обладминистрация, и МЧС, главное управление сельского и коммунального хозяйства, облавтодор, ГАИ, железная дорога и даже почему-то метрополитен.

Отечественные метеошаманы не скрывают, что для составления погодных карт, они используют в основном американские, немецкие и британские системы. Именно эти государства впереди погоды всей. Впрочем, это совершенно логично. Ураган, пронесшийся по индустриальным районам этих стран, нанесет в тысячи раз больший ущерб и убытки, чем проявись тот же ураган где-нибудь в Ливии или на островах Кука. Хорошая погода выгодна большинству землян: политикам и аграриям, медикам и летчикам, но особенно представителям страховых компаний. Торнадо и штормы бьют этот бизнес сильнее, чем любой другой. В 1992 году ураган "ANDREW" стоил им 15 с половиной миллиардов долларов, что привело к банкротству семи из них. Прогнозирование погоды удовольствие дорогое, но оно того стоит.

Англичане давно уже делают на погоду ставки у букмекеров, телеэфир заполнили смазливые девочки, обильно орошающие прогноз рекламными роликами. Из погоды научились делать деньги. Деньги из воздуха. Все на продажу. А так хочется иногда вернуться в детство. Вечер. Программа «Время». Рядом папа и мама. Впереди еще никаких забот и вечная музыка из прогноза погоды. Эдакая колыбельная для детей $^{1}/_{6}$ части суши.

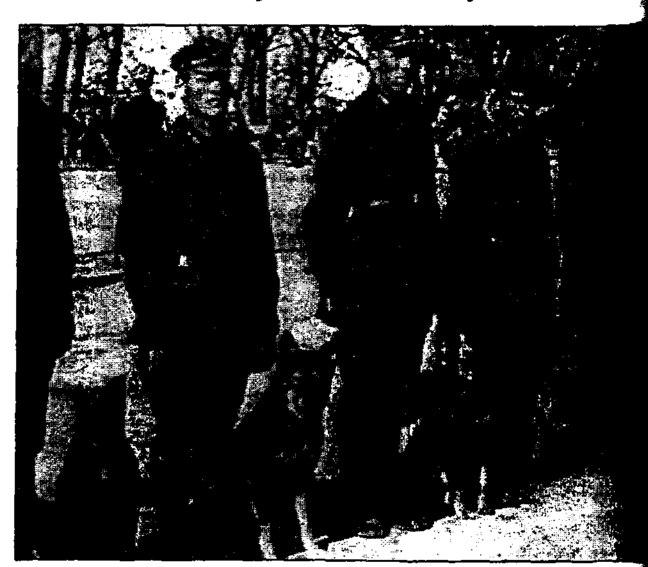
Но детство не вернуть, нет ни того прогноза погоды, ни программы «Время», и страны той тоже нет.

Наталья Катрунова

ИНСПЕКТОР БИЛЛИ И ДРУГИЕ

В нашем городе, как впрочем, и во всех дру огромное количество всевозможных памятников, памятных знак барельефов и прочих, как бы это сказать... статуэток, что ли? Ну примеру, олень с периодически исчезающими рогами на просп Ленина или футбольный мяч на Сумской. А как хороша зеленая л гушка в белый горошек на Салтовке! Красиво, ничего не скаже И оригинально. Но ведь, наверное, денег стоит. И как-то, в э связи, подумалось: «Если уж можно оленю с лягушкой что-то изва то почему нельзя самым близким и верным, тем, кого приручи перед которыми виноваты, что греха таить, и которым так обязан Догадались о ком речь? Наверняка. Именно поэтому «Первая Сто ца» решила замолвить слово о Собаке.

Начнем с главного. А это, естественно, нос, которым собака (со разительная, заметьте) закрыла дырку... в Ноевом ковчеге и от во он навсегда остался влажным и холодным. Но это в шутку, а е всерьез, то этот самый нос способен различать до полумиллиона за

ков (для сравнения, человеческий — всего лишь несколько сотен). Один такой нос по кличке Треф породы доберман-пинчер проживал в Москве в начале XX века и мог более 100 километров идти по следу преступника! Но Треф — личность знаменитая и о нем знают многие. А вот то, что в нашем городе собаки такой же породы состояли на службе в полиции, знают далеко не все. Но это, к счастью благодаря все той же «Первой Столице», поправимо. Более того, в Харькове начала XX века проводились очень серьезные выставки служебных собак самых разных пород. А в том, что никто из них не вошел в историю подобно Трефу виноваты не собаки, а мы, харьковчане. Но и это, поверьте, поправимо. Только не будем забегать вперед, а как обычно обратимся к истории. Честно говоря, трудно отказаться от соблазна окунуться в самую глубину веков, порассуждать о тайне происхождения собаки и о ее дружбе с человеком, но придется, и начнем мы с 20-х годов XX века, то есть тех времен, когда Харьков был первой столицей Украины. Именно здесь, согласно приказу Реввоенсовета СССР от 23 августа 1924 года, была организована первая на Украине школа-питомник военных и спортивных собак.

В ней разрабатывались теоретические основы, методика и техника разведения служебных собак, их дрессировки и применения для розыскной, сторожевой и караульной служб. Одновременно велась большая работа по воспроизводству племенных собак и подготовке специалистов служебного собаководства.

В каждой области человеческой деятельности есть личности, которые становятся легендой. Был такой человек и в отечественном служебном собаководстве. Его имя, Александр Павлович Мазовер, хорошо известно и любителям, и профессионалам-кинологам, и это поистине уникальный человек, посвятивший всю жизнь собакам.

Лошадь, корова, овца и прочие, истинно домашние животные по сут[illegible] дела — пленники, прирученные с помощью принуждения. Иное дело — собака. Это самое уникальное творение человека, стоящее особняко[illegible] во всем животном мире. Ибо собака — не зверь. Она может озверет[illegible] от дурного воспитания или участи, однако никогда полностью не от[illegible]кажется от своего создателя — человека. И всегда будет любить ег[illegible] больше чем себя.

Инна Можейко

ПЕРВАЯ В РОССИИ

30 лет назад мальчишки из села Гавриловка Барвенковского района раскопали на заброшенном кладбище старую могилу. В металлическом гробу лежала одетая во все новое пожилая женщина. От резкого доступа воздуха тело на их глазах рассыпалось в прах. Уцелела только длинная седая коса. Мальчишки намотали ее на палку и долго забавлялись, стегая ею друг друга как батогом. Они не знали, что коса, гроб и разрытая ими могила принадлежали первой в России женщине-художнице Марии Раевской-Ивановой.

Мария Раевская-Иванова родилась в 1840 году в той же самой Гавриловке. Образование получила у домашних учителей. Сдавая выпускные экзамены, познакомилась с Христиной Алчевской. Эта встреча определила всю ее дальнейшую судьбу — судьбу просветителя. Потом было пять лет проведенных за границей — Франция, Италия, Германия — и учеба в частных студиях живописи, а одновременно — курсы археологии, этнографии, истории искусств, зоологии, геологии, лингвистики в Сорбонне, университетах Милана и Праги. Вернув-

шись в Россию, молодая художница пытается получить диплом в П тербургской Академии художеств. Ученые мужи подвергли Марию ун зительной проверке: сначала послали в Дрезден запрос, а потом устр или ей теоретический экзамен, который Мария Иванова блестящ выдержала. Это был беспрецедентный случай: впервые в России жен щина была допущена к экзаменам в Академию, успешно их сдала получила диплом художника.

Вернувшись в Харьков, Мария занимает у своей матери 500 рубл и в начале 1869 года помещает в газетах объявление об открыти общедоступной художественной школы. Это было воплощением е давней мечты — учить рисовать всех желающих. Первым помещение школы стали три маленькие комнаты, арендованные в доме Карпов в Шляпном переулке, а первым учеником — жандармский капита Маслов, проявлявший, впрочем, недюжинные рисовальные способно сти. Позже школа не раз кочевала с места на место. Только в 1878 год она обрела свой собственный адрес — улица Чернышевская, 6. Н это — отдельная, личная страница не столько в истории школы, скольк в жизни самой Марии Ивановой.

В художественной школе черчение преподавал Сергей Раевский В городе его хорошо знали как одного из организаторов строительств Народного Дома, попечителя Харьковского учебного округа и одног из создателей Харьковского общества грамотности. В школе у Мари он работал бесплатно и трудно сказать, чем он был больше увлечен — идеей доступного художественного образования или самой Марией Как бы там ни было, в 1870 году они поженились, и Мария Дмитри евна стала Раевской-Ивановой. Личное переплелось с общественным — Сергей Раевский на свои деньги строит дом на улице Чернышевс кой — для школы и для семьи.

Классы для занятий разместились на первом этаже, семья — н втором. Здесь учили не только живописи, рисунку и скульптуре. И этих стен выходили иконописцы, ретушеры, театральные декораторы, архитекторы, вышивальщицы, чертежники, учителя рисования. Мало имущих учили бесплатно, а с богатых брали 12 рублей в год. Таких находилось немного, поэтому материальные проблемы преследовали школу постоянно. Не хватало средств на учебные пособия, материалы, оплату работы преподавателей. Только в 80-е годы городская управа начала ежегодно выделять помощь в размере 200 рублей, хотя общие затраты составляли полторы тысячи.

Тем не менее метод преподавания, разработанный Раевской-Ивановой, был признан одним из трех лучших в России. Академия Художеств присвоила ей звание «Почетного вольного общника», а на Всероссийской выставке рисовальных школ ее школа получила второй диплом, опередив знаменитое Строгановское училище.

За 27 лет школа рисования и живописи Марии Раевской-Ивановой подготовила около тысячи выпускников. Из них четыре процента,

стремясь стать профессиональными художниками, поступали потом в петербургскую Академию Художеств. Знаменитые архитекторы и художники Кончаловский, Брайловский, Бекетов, Васильковский, Левченко, Шмидт, Уваров, Ткаченко, Первухин делали первые шаги в живописи в школе Раевской-Ивановой. А вместе с ними — сотни других творцов, имен которых мы сейчас не знаем, но чей труд воплотился в орнаментах на фасадах харьковских домов, кронштейнах и балконных ограждениях, в резьбе на мебели, в вышивке или росписи посуды, сделав жизнь харьковчан ярче и красивее.

В 1894 году Мария Дмитриевна начала слепнуть. Она передала школу городу и власти нашли ей новое помещение при городском художественном музее. Долгих семнадцать лет после этого Раевская-Иванова добивалась, чтобы на базе этой школы было создано государственное училище, подчиненное Академии Художеств. Через несколько месяцев после его открытия она умерла.

Училище в годы Советской власти стало техникумом, позже — художественным институтом, а сейчас это — Академия дизайна и искусств. Сын Раевской, известный конструктор паровозов, трагически погиб в 1924 году. А в 1940-м, в доме на Чернышевской, в маленькой комнате на втором этаже — единственной, оставленной ему советской властью под жилье, умер Сергей Раевский.

В городе нет памятника Марии Раевской-Ивановой. На доме по улице Чернышевской нет мемориальной доски. Но в крупнейших художественных музеях хранятся картины известных художников, здесь учившихся, а у харьковчан есть старый центр города, созданный умелыми руками и чуткими душами ее учеников.

Инна Можейко

ДНЕВНИК ВРАЧА

Торопливые чернильные строчки на пожелтевшей от времени бумаге, написанные не очень разборчивым почерком — их трудно назвать дневником в полном смысле этого слова. Да и не до дневников было тогда, в 1941 и 1942 году врачу-психиатру Александру Игнатову. Скорее, эти записки — сухая и бесстрастная констатация того, что происходило на Сабуровой Даче в период оккупации.

К моменту оккупации Харькова психоневрологический институт был эвакуирован. Больные — 1200 человек, санитарки, фельдшеры, медсестры и 29 врачей, среди которых было два известных профессора — остались. Приказом наркома от 19 октября 1941 года главным врачом был назначен Александр Игнатов.

Он родился здесь же, на территории Сабуровой Дачи. Его родители были сотрудниками больницы. С 1923 года он, продолжая семейную традицию, устраивается сюда же на работу — сначала санитаром, потом — фельдшером, а с 1931 года, закончив институт, работает психиатром и готовится к защите кандидатской диссертации. Она не состоялась — началась война и Игнатов взвалил на себя бремя забот о больных, медперсонале и самой больнице.

Сабурова Дача была тогда своеобразным государством в государстве. Она не зависела от города. Здесь была своя электростанция, своя котельная, свой транспорт — несколько лошадей и допотопный грузовик. Большая часть сотрудников жила на территории больницы.

Из дневника Александра Игнатова:

«На материальном складе был почти годовой запас угля, там же сохранялось достаточное количество горючего. Продуктовый склад имел месячный запас продуктов. Медикаментов и перевязочного материала было настолько достаточно, что их хватило и после изгнания оккупантов. Все вещи больных были в порядке».

В первых числах ноября немцы начали занимать Институт. Они организовали здесь лазарет для офицеров. Под их контроль попала кочегарка, электростанция, кухня. Начались повальные грабежи: было изъято все продовольствие, медикаменты, топливо. Пострадали и сотрудники. Немцы заходили в квартиры и брали все, что приглянется.

В течение месяца из 1200 больных здесь осталось 470 — остальных забрали родственники, а часть была переведена в еврейскую общину. Кормили оставшихся 1 раз в день — похлебкой из ячменевой крупы, и то лишь благодаря тому, что немцы не заметили припасенных для лошадей 3 тонны ячменя. Но немцев не могло устроить соседство с душевнобольными. В середине декабря наступила развязка.

Из дневника Александра Игнатова:
«18 декабря утром во двор Института заехало более 10 грузовых автомашин с отрядом эсэсовцев. Переводчик заявил мне как директору Института, что больные должны быть перевезены в Полтаву. На погрузку дано было два часа. За два часа все больные были вывезены из Института, причем вывезены в одном белье, без обуви».

Машины уезжали не в Полтаву. Они ехали в противоположном направлении — на Липцы. В двух километрах от больницы все 470 человек были расстреляны. Немцы очистили для себя пространство. Врачам, в том числе и профессуре, они предложили работать уборщиками в своем лазарете. Никто не согласился. Александра Игнатова коллеги буквально вынули из петли: он пытался наложить на себя руки.

Через полтора месяца он соглашается на предложение Управы стать главврачом психбольницы, которую власти были вынуждены открыть, но в другом месте.

А в марте 1943 на территории Сабуровой Дачи произошла еще одна трагедия, о которой мало кто знает. Во время первого освобождения Харькова в здании немецкого лазарета был устроен эвакогоспиталь № 2 на 600 коек для раненых солдат и офицеров Советской Армии. Начальником его был назначен Игнатов. К моменту отступления наших войск здесь оставалось около 70 лежачих больных, которых не успели эвакуировать. Несколько человек сотрудники спрятали по сво-

им домам, всех остальных немцы выволокли во двор госпиталя
расстреляли. Еще 15 человек были расстреляны возле крыла старо
корпуса. Хоронить их не разрешили. Сотрудники больницы по ноч
тайком закапывали тела расстрелянных прямо на территории.

Они до сих пор лежат здесь — под асфальтом, под газонами, п
колесами машин и под ногами людей. Здесь нет ни памятного знак
ни мемориальной доски — больнице, с трудом сводящей концы
концами, приходиться думать о живых.

Из дневника Александра Игнатова:
«Когда немцы отступали в последний раз, они все уничтожали на те
ритории Института, и то, что главный корпус не пострадал, мы обяз
ны группе наших сотрудников. Они погасили огонь, брошенный нем
цами в двух точках огромного здания...
...За время оккупации были убиты доцент Соболь, пропала без вест
Яблонская, умер от голода Потебня, покончила жизнь самоубийство
Золотова, была убита доктор Хаэт».

Самого Игнатова потом, после войны, долго проверяли в органа
Открыто в сотрудничестве с оккупантами его никто не обвинял, но н
его научной работе был поставлен крест. Он проработал на Сабурово
Даче до 1969 года рядовым врачом. Тоненькая тетрадка с его расск
зом о маленьком эпизоде большой войны хранится в музее больни
цы. А в двух километрах от нее, на месте расстрела 470 больных сто
памятный знак, на который никто из спешащих на Барабашовски
рынок, не обращает внимания.

Инна Можейко

ИСПАНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Миф советской исторической науки: советское правительство сделало все возможное, чтобы помочь героической Испании и ее Народному фронту, сражавшимся с фашистами. На самом деле Сталин и его окружение преследовали свои интересы. Зная о мятеже за три месяца до его начала, Сталин планировал использовать его как повод для переговоров с Англией и Францией о создании системы коллективной безопасности в Европе. Только после провала этих переговоров советское руководство соглашается поставлять обмундирование и вооружение республиканцам — естественно, за их деньги. С осени 1936 года в Испанию приезжают наши военные специалисты, от которых в Союзе требуют подробных отчетов о поведении новых моделей танков, самолетов, бронемашин и артиллерии — ведь Испания была отличным испытательным полигоном. С мая 1937 года свои группы для проведения секретных операций в Европе

и Америке здесь готовит НКВД. А когда республика пала, Сталин пошел на прямое предательство, обманув надежды оставшихся в живых. Визы на въезд в СССР давались крайне неохотно, и сотни тысяч республиканцев оказались во французских концлагерях.

В отличие от своего правительства, советские люди с первых же дней восприняли события в Испании так, будто они касались каждого лично. Вся страна, прильнув к громкоговорителям, слушала репортажи военного специалиста, журналиста и писателя Михаила Кольцова. По всей стране собирали одежду, продовольствие и медикаменты, а военкоматы осаждали мальчишки с одной-единственной просьбой — «Пошлите воевать в Испанию». Посылали, однако, только специалистов — три тысячи танкистов, летчиков, артиллеристов, переводчиков, радистов сражались на стороне республиканцев. Но, пожалуй, самой трогательной страницей во взаимоотношениях между республиканской Испанией и нашим народом стала забота об испанских детях.

В январе 1937 года Ян Карлович Берзин — советский разведчик — готовил операцию по вывозу испанских детей. Он не знал, что это его последнее дело и в 1938 году он окажется в застенках НКВД. Он налаживает канал, по которому дети героической Бискайи, Сан-Себастьяно, Бильбао, Мадрида, видевшие бомбежки, расстрелы, пережившие гибель родных и близких, уезжали в неведомую для них страну. Это были не десятки и не сотни детей — три тысячи мальчишек и девчонок в возрасте от 4-х до 13 лет были переправлены в Советский Союз. У нас в стране для них были подготовлены 17 детских домов, один их них разместился в Харькове.

О том, что у нас в городе будет открыт детский дом для испанских детей, стало известно в сентябре 1937 года. С этого времени газеты регулярно публиковали заметки о ходе подготовки к этому событию. Городские власти искали специалистов по испанскому языку, педагогов, и помещение, где можно было бы разместить детей удобно и с уютом. В октябре было принято решение передать бывшую дачу Совета Народных Комиссаров под жилье и школу для маленьких испанцев. 19 октября 1937 года в 12 часов 16 минут к перрону харьковского вокзала прибыл поезд, который привез из Артека 96 детей бойцов революционной Испании. Можно только представить себе толпу встречающих — и детей, и взрослых, которые искренне радовались приезжим и горели желанием помочь им поскорее забыть все, что пришлось пережить. Впрочем, была и обязательная программа — речи-приветствия, благодарственное письмо Сталину и митинг, после которого ребят отправили в Померки, ставшие для них теперь родным домом.

Двухэтажное здание в модном тогда стиле конструктивизма было построено в начале 30-х годов для отдыха высших лиц государства, когда Харьков был столицей Украины. Теперь его оборудовали под спальни и классные комнаты. Здесь ребят ждали те, кто готов был

приласкать, согреть душевным теплом и материнской любовью, ведь некоторые ребята были сиротами, а остальные уже много месяцев ничего не знали о своих родных. Здесь черноглазые мальчишки и девчонки, непосредственные и любознательные, осваивали школьную программу и учились такому сложному русскому языку, занимались спортом, работали в саду, цветниках, на огороде. Они все делали сами — от уборки спален до дежурства на кухне. Всей жизнью здесь управлял Совет детского дома.

В свободное время ребят ждали кружки лучшего в стране Харьковского дворца пионеров, встречи со сверстниками — учениками харьковских школ, которые, затаив дыхание, слушали рассказы маленьких испанцев. Харьковский авиаинститут взял шефство над детским домом и помогал, чем только мог. А наши газеты регулярно публиковали заметки о том, чем занимаются испанцы — ведь в городе не было людей, равнодушных к судьбе этих детей.

Так продолжалось до начала Великой Отечественной войны. В октябре 1941 года детский дом эвакуировали сначала в Сталинградскую область, а затем — в Башкирию. Там ребята, как могли, помогали стране, ставшей для них родной — девочки вязали носки, мальчики освоили автодело, работали в колхозе, а, достигая совершеннолетия, уходили на фронт. После войны детский дом из Башкирии в Харьков не вернулся. Его перевели в Москву.

Ребята выросли, закончили ВУЗы и стали инженерами, врачами, педагогами, художниками, экономистами. В 1991 году все воспитанники нашего детского дома уехали на родину — в Испанию.

Харьков они помнят до сих пор, как помнят тех, кто заменил им матерей, и до сих пор пишут сюда, в Харьков, письма, начинающиеся словами: «Здравствуй, моя дорогая русская мама!», сохраняя в душе благодарность к женщинам, их воспитавшим, и к городу, ставшему для них родным.

Елена Солодовникова

РЕПРЕССИРОВАННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

А. В: «...Признаю, что вместе с Хармсом, Заболоцким и другими антисоветчиками входил в литературную группу ОБЭРИУ — Объединение реального искусства. Ранее мы проводили сборища, называясь «чинарями».

Следователь: «Нам известно, что контрреволюционную пропаганду по распространению заумных стихов Вы ведете с 25-го года....»

Александра Ивановича Введенского допрашивали, инкриминируя ему монархизм (вероятно за то, что считал, что «...и среди царских наследников попадаются порядочные люди»). Второе обвинение — отвлечение народа от задач строительства коммунизма. Отвлекал Введенский и его сообщники, надо заметить, изощренно: то выгуливали козу по Невскому, то предлагали заказывать в кафе манную кашу и кофе с огурцами, которые полагалось резать ножницами. На первых выставках соцреализма Александр смотрел по сторонам и говорил: «Что здесь такое нарисовано? Я не понимаю!» А в аптеке показывал на стеклянные бутылочки и именовал их ангелами.

Была и еще более вредоносная деятельность: обэриуты выдумывали архипрогрессивную поэзию и прозу. Согласно декларации объединения, Введенскому доверялось «разбрасывать действие на куски, чтобы оно не теряло творческой закономерности [...], но создавалась видимость бессмыслицы». При этом знатный чинарь активно маскировался под добропорядочного гражданина. Заношенный костюм, обсыпанный пеплом «Казбека», белые платки в карманах, как следствие постоянного насморка, по собственному определению — «зубы как клавиши, на какой не нажмешь все больно» — результат панической боязни стоматологов. Единственное пагубное пристрастие — вдыхание эфира в ванной, а элегантная часть образа — серебряный мундштук.

В противовес своему экстравагантному приятелю Даниилу Хармсу, Введенский всегда был подчеркнуто скромен, что, впрочем, не мешало ему успешно донжуанствовать. Порядочных барышень предупреждали: «Держись от Шуры подальше, он — развратник, живет с ужами!» В действительности же галантного Введенского интересовали не ползучие гады, а стройные худощавые девушки. Разные. И для разных целей. К примеру, Сергей Михалков вспоминает, как они с Сашей

удачно познакомились с двумя дамами, явно проститутками, и отгуляли за счет «ночных бабочек» вечер в ресторане. Сам Введенский довольно часто прибегал к адюльтеру: уложит жену Нюрочку спать в каюте, а сам отправляется «танцевать» женщин на палубе теплохода. Однако по отношению к супруге поэт был строг, как Отелло, часто хозяева приемов говорили его жене: «В следующий раз приходите только без своего ревнивого Саши!».

Деньги в потертом бумажнике Введенского не задерживались. Он был по-гусарски азартен: мог за несколько часов проиграть 1000 рублей. Но перед тем как расстаться с дензнаками Шура обычно брал под руку благоверную, шел вместе с ней в магазин и выбирал для подруги новые платья, чулки и всяческие приятные безделицы. Своих стихов Введенский возлюбленным не читал. Наверное, считал этот процесс сверхинтимным, тем, которым не стоит заниматься вдвоем. Зато групповыми публичными чтениями не брезговал, часто в залах раздавался его рокочущий голос:

А еще есть претензия,
что я не клевер, не гортензия
Мне жалко, что я не крыша,
распадающаяся постепенно,
которую дождь размачивает,
у которой смерть не мгновенна.
Мне не нравиться, что я смертен...

Стенд-ап: «Введенский писал запоем, будто под чью-то диктовку, запираясь в комнате. Исправлений в черновиках немного. Как говаривал сам автор: «Мысли, я — сказал, — вы — рысь». К уже готовым произведениям Александр относился небрежно: раздаривал друзьям оригиналы, не оставляя себе копий».

Несмотря на кажущуюся бедность языка, абсурдист по сути, он составлял тексты словно из колоды иероглифов, которые можно долго и упорно расшифровывать. Иные даже уверены, что Введенский выше Хлебникова, так как у него в текстах напрочь отсутствует «тщета и беспокойное разнообразие».

Среди Сашиных авторитетов был незабвенный тезка, с которым Введенский нашел с собой сходство.

А. В.: «Пушкин тоже не имел чувства собственного достоинства и любил тереться среди людей выше его».

С великими пиитами Сашенька любил заигрывать с малых лет. Вместе с двумя другими гимназистами написал дружеский шарж на футуристов, озаглавив его «Бык Будды». А чуть позднее приятели вложили подборку своих поэтических опытов в конверт и послали их Блоку, который, к слову, талант Введенского не распознал — на письме

Причин внятно не пояснил: просто не доверяет всем масс-медиа вместе взятым. Не удалось услышать и комментарий, касающийся скандала, связанного с именем Викторова. Издатели именуют его Геростратом, сетуя, что единственный наследник, точнее его представитель в Москве, запрашивает баснословные суммы за право публикации произведений отчима. Поэтому последний раз значительным тиражом собрание сочинений Введенского выходило 15 лет назад в США.

Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье;
на смерть, на смерть держи равненье
певец и всадник бедный.

Наталья Катрунова

ОН ЛЮБИЛ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

В далекие сороковые годы весь первый тираж пластинки с только что написанной песней «Темная ночь» был забракован, потому что отдел технического контроля выявил в фонограмме незапланированный шорох. Выяснилось, что работница завода, слушая песню, попросту не сдержалась и заплакала. И ее слеза попала на восковую матрицу. Вот таким незатейливым способом простая работница по имени Галя Журавлева вошла в историю.

Но растроганной до слез этой замечательной песней была не одна она. Вся страна плакала и не только плакала, а знала ее наизусть. И не только во время войны, а и значительно позже. Песня «Темная ночь» стоит в одном ряду со многими другими, выражаясь современным языком, хитами, которые мы все, или почти все, знаем наизусть: «Шаланды полные кефали», «Три года ты мне снилась», «Я люблю тебя, жизнь», «С чего начинается родина» и, конечно же, «Журавли». Старому поколению нет нужды представлять исполнителя этих песен. А вот юношам и девушкам XXI века мы, пожалуй, сообщим: его звали Марк Бернес.

Как представить его? Гениальный певец? Вряд ли. Он не был певцом в привычном понимании. Не знал даже нот, называл их «чаинками». Гениальный актер? Не так уж много он сыграл в кино и театре. А то, что сыграл, не назовешь классикой драматургии. После фильма «Человек с ружьем», исполнив роль Кости Журавлева, стал всеобщим любимцем. Его заметил даже вождь всех времен и народов и удостоил ордена «Знак почета».

Одна из лучших ролей Бернеса — Аркадий Дзюба в кинофильме «Два бойца». Получить ее помог случай. Перед пробами артист пошел в госпиталь, где лежали раненые из Одессы, подошел к одному из них, а тот с неповторимым одесским акцентом воскликнул: «Так это ж мой артист, шоб я так жил! Приветствую Вас, мое золотце». Эта встреча помогла войти

Бернесу в роль одессита. Подобных историй в биографии артиста очень много. Говорят, что его славе завидовал сам Хрущев. Это был феноменально популярный и известный человек. А все эпитеты — гениальный, талантливый, выдающийся, которыми обычно пользуются биографы и искусствоведы, конечно же, о нем. Но Бог с ними. Марк Бернес был харьковчанин. О нем написано много книг, статей, воспоминаний. Но практически во всех мы находим одну фразу, которую авторы, похоже, честно списывали друг у друга, а именно: когда Марку исполнилось три года семья переехала в Харьков, откуда он 17-летним парнишкой отправился в Москву. Из 58 лет жизни артиста просто вычеркнуты 14, как бы за ненадобностью. А почему собственно? Так ли уж они не важны? Позволим себе с этим не согласиться и отправимся на прогулку. По улице Карповской. Зачем? Минуточку терпения. Кстати, эта на первый взгляд ничем не примечательная улица достойна отдельного, поверьте, большого и интересного разговора. Но это в будущем.

Итак... В 1911 году в г. Нежине, в семье бедного еврея Наума Неймана родился сын Марк. У Наума было еще двое детей: сын Нема и дочка Анна. А также жена домохозяйка. Теплая, уютная и очень дружная, как это водится у евреев, семья. Хотя дело, которым занимался папа Наум было, выражаясь современным языком, не очень-то престижным. Он был старьевщиком, наверное поэтому мечтал о надежном и обеспеченном будущем для своего сына. Специальность бухгалтера или, на крайний случай, скрипача была пределом этих мечтаний. Ну, бухгалтер — понятно. А почему вдруг скрипача? Не было, наверное, в этом еврейской деловой логики, а была возвышенная мечта, которая тайно украшала убогую реальность. В 20-е годы, когда семья уже жила в Харькове, Марка определили в профтехшколу, по окончании которой он стал бы счастливым обладателем бухгалтерских нарукавников и остро отточенных карандашей.

Есть в нашем городе одна маленькая улочка. Рядом с фешенебельными особняками, которых все больше появляется именно на таких вот, тихих и «застенчивых» улочках, здесь ютятся столетние «домадедушки», с трещинами на стенах, облупившейся краской на окнах, покосившимися скамейками у подъездов и скрипучими старыми воротами. На этой улице, в доме под номером 32 жила семья Наума Неймана. Во всяком случае, так говорят старожилы. Может быть, мимо одной из таких калиток бегал он подростком. А какая-нибудь покосившаяся скамейка или похожая на нее была той самой «скамьей у ворот», с которой для всех нас начинается Родина. Неподалеку от этих мест был сад Тиволи, где постоянно проводились эстрадные концерты, и знаменитый театр Миссури. Сейчас от него остались только стены, а тогда гремели аплодисменты и бушевали страсти. Марк часто бывал в театре и не просто так. Он ходил сюда мечтать! Не унаследо-

вал сын «деловитости» местечкового уклада. Унаследовал вот ту самую отцовскую возвышенную мечту. А с переездом в Харьков она превратилась в мечту о театре. Случайно (или закономерно?) он попадает в знаменитую театральную труппу Синельникова. И с этого момента начинается биография артиста и певца. Большой город придал Марку бешеную энергию — он готов работать кем угодно. Лишь бы в театре, лишь бы при искусстве. Расклеивать афиши? Пожалуйста! Даже ходить по улицам, надев их на себя! Работником сцены? Сколько угодно. Актером миманса? С удовольствием. Статистом? К вашим услугам. В конце концов его заметил Синельников и сказал: «Из Бернеса может выйти толк».

Кстати, откуда вдруг взялась фамилия Бернес? Дело в том, что в большой биографии Марка Неймана был один маленький эпизод. Он обучался игре на фортепиано у знаменитого шведского пианиста Германа Юхана Беренса, но как мы уже знаем, так ничему и не научился. Зато приобрел псевдоним. Дальше — все, как в сказке о Золушке — сын бедняка-неудачника — известный на всю страну артист. Он поверил Синельникову и поверил в себя. В 17 лет, с двумя бутербродами в кармане вырвался из дома. В Москву, конечно, куда еще? Но это уже другая история, и вполне вероятно, она интересней, чем наша. А мы можем только предполагать, насколько важную роль сыграл именно Харьков 20-х годов с его бурной музыкально-театральной жизнью в биографии артиста. Скажем так: останься Наум Нейман в городе Нежине, что произошло бы? Сын все равно сбежал бы из дому. Только вот куда? Разве что в какой-то там местечковый Киев? Хотя сегодня мы бы уже не были столь ироничны. Но... что бы там ни было: биография артиста Марка Бернеса началась в Харькове! А мы, харьковчане, всегда будем помнить его. С прищуренным лукавым взором «парней всей земли». Будем помнить его признание в любви самой жизни — «что само по себе и не ново» и будем благодарны за то настоящее и искреннее чувство Родины, которое он подарил нашим совковым сердцам. Ведь Марк Бернес как никто другой олицетворял настоящую советскую песню, но вместо того, что бы без остатка раствориться в пошлой и липкой имперской эстетике — очеловечил ее.

Августовским утром 1969 года на панихиде в доме кино не было ни речей, ни траурных маршей, Бернес отпевал сам себя. Звучали четыре его песни: «Три года ты мне снилась», «Романс Рощина», «Я люблю тебя, жизнь» и, конечно же, «Журавли». Среди всех его песен эта — единственная, которую, наверное, не сумеет спеть никто. И не потому даже, что это последняя записанная им, смертельно больным человеком, песня. Просто ее слова практически созданы Бернесом на основе текста Гамзатова, который и помещал ее потом в этой редакции. Чтобы записать «Журавлей», уже не встававший с постели Бернес, поднялся, зная, что идет на последнюю в своей жизни запись. Вернувшись, сказал жене: «Кажется, хорошо...».

Наталья Катрунова

ОЖИВШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ.
Харьков глазами Инны Гофф

«Чего-то всегда недоставало моему городу. Моря, чтобы стать Одессой? Или большой судоходной реки, чтобы стать Киевом? Или знаменитого человека, который бы здесь родился? Но знаменитости предпочитают рождаться где угодно, только не в моем городе. Впрочем, они любили сюда приезжать ненадолго. И мои негордые земляки называли в их честь улицы, парки и скверы... На фасаде здания, где мне посчастливилось родиться, мраморной доски не было. Была другая — из белой эмали, извещавшая о том, что в доме проживает врач — «Детские болезни». Фамилия на эмали была моя, потому что, детским врачом был мой отец». Как вы уже догадались, господа, это — цитата. Из книги «Запах смородины» писательницы Инны Гофф. К сожалению, немногие из нас читали эту замечательную прозу, почти стихи. И не только о Харькове. Но это не упрек и не попытка читать мораль. Мы просто хотим заполнить еще один пробел в истории нашего города, ведь Инна Гофф — харьков-

чанка. В 1960 г. был напечатан один из ее рассказов «Северный сон». Константин Паустовский так написал автору по этому поводу: «Читал и радовался за Вас, за подлинное Ваше мастерство, лаконичный, точный и тонкий рисунок вещи, особенно психологический, и за подтекст... Поздравляю Вас, и если правда, что хотя бы в ничтожной доле я был вашим учителем, то могу поздравить и себя с такой ученицей».

Ну вот, одна из страниц биографии Инны Гофф, в которой, к сожалению, есть белые пятна, несмотря на то, что она почти что наша современница, приоткрыта. Пролистаем ее до конца, а потом уж займемся белыми пятнами. Итак, Инна Гофф родилась 24 октября 1928 года в Харькове. Летом 1941-го эвакуировалась с родителями в Томск. Там училась в школе, одновременно работала нянечкой, а позже библиотекарем в эвакогоспитале. Эту страничку можно было уже и перелистнуть, но задержимся на несколько секунд. Зная год рождения, легко сосчитать, сколько лет этой девушке-девочке было в годы войны. Прямо скажем, немного. А что такое работа нянечки мы все хорошо знаем, потому что востребована она и в мирное время. Писала стихи. В 1945 году, случайно узнав про Литературный институт, послала туда рукопись на конкурс и была принята. Успешно занималась в семинаре Михаила Светлова и вдруг неожиданно ушла в прозу, в семинар Константина Паустовского. Захотелось поведать о жизни более подробно, наверное, было о чем. Однако стихи продолжала писать. Для себя. Но творческая судьба распорядилась иначе. Друзья ее мужа — Марк Бернес, Ян Френкель и Эдуард Колмановский обратили на них внимание и появились песни. Да какие! «Август», «Когда разлюбишь ты», «Я улыбаюсь тебе» и многие другие, но особенно известна «Русское поле». Помните? «Запах полыни, вешние ливни. Нет, не забыть тебя сердцу вовек». Расул Гамзатов писал о ней: «Это лучшая песня о Родине. Я бы предложил сделать ее Государственным гимном России». Кстати, мы упомянули о муже. Инна Гофф была женой одного из корифеев советской поэзии, автора многих не менее популярных песен, среди которых «Я люблю тебя, жизнь» — Константина Ваншенкина. Неплохая, однако, вырисовывается компания, если, конечно, можно себе позволить так говорить об этих людях. Тем более, что названы далеко не все: сокурсниками по Литературному институту Инны Гофф и Константина Ваншенкина были хорошо всем известные поэты и писатели такие как Эдуард Асадов и Юрий Бондарев, Евгений Винокуров, Расул Гамзатов и Юлия Друнина. Но это только сокурсники. Чуть позже в круг общения этого звездного союза влились: Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Александр Галич, Арсений Тарковский, Евгений Евтушенко и, наверное, еще очень много других не менее известных поэтов и художников, писателей и музыкантов, и, скорей всего, все они были на «ты». Вся биография Инны Гофф, если верить официальным источникам, (а других у нас не было) вполне

благополучна. Исключая, конечно же, войну и, к сожалению, ранню смерть. (Писательница ушла из жизни, когда ей было всего 63 года Она заполнена творчеством, победами на Всесоюзных конкурсах, пу тешествиями, счастливым замужеством и счастливым материнством Излюбленным жанром были рассказ и повесть. Это произведения нелегких временах военного тыла, медсестрах, о проводах на фронт очередях, письмах, надеждах и горестях. А еще — о наивном детстве разнообразных человеческих отношениях и, прежде всего, о любви Но, кроме того, Инна Гофф освоила редчайший в литературе жанр основанный на умении привлечь в свою работу документ, оживить его и превратить в искусство. Один из ее циклов называется «Расска зы-исследования». Первый же рассказ «Вчера он был у нас», посвя щенный известной русской просветительнице Христине Алчевской (ма И. Гофф преподавала в народной школе, руководимой Алчевской) показывает принцип автора в этом жанре. Писательнице непосред ственно в руки попал оригинал неизвестного письма Алчевской о встреч с Чеховым в Ялте, что и послужило толчком к написанию рассказа, д еще какого интересного! В книгах «Превращение» и «На белом фоне И. Гофф подробно вспоминает современников, с которыми ей дове лось общаться. Перед читателем в буквальном смысле как живые вста ют Фатьянов и Бернес, Светлов и Твардовский, Юрий Олеша, Катаев Гинзбург, Шкловский.

Все мы хорошо помним о нашумевшем в 70-е годы романе Вален тина Катаева «Алмазный мой венец», в котором автор также описал великих и величайших современников. Но дал им вымышленные име на, если не сказать клички. За это в среде советской интеллигенции роман получил новое название «Алмазный мой кроссворд». И. Гофф своих рассказах-исследованиях никому не давала вымышленных имен за что большое ей спасибо. Самое время поговорить о белых пятнах ее собственной биографии. Конечно же — это харьковский период Вот такое везение у журналистов «Первой Столицы». Но не будем отчаиваться. Из записной книжки Инны Гофф: «1983 год. Были Костей в Харькове. Так что же там? Встречи с некоторыми после семилетней разлуки. Мои одноклассники Митя и Юрка, врачи, рабо тают на износ. Даже за накрытым столом в ресторане говорят об об щих больных, перебрасываются репликами вроде: «Он еще жив?», «А такого-то оперировали?» Даже под вопли оркестра — о том же И еще Юра рецепты тут же в ресторане кому-то выписывал». Кто они — эти Митя и Юра? Как их найти в нашем огромном городе? Д и живы ли? А ведь они или их дети могли бы найти фотографии многое рассказать, в общем дополнить официальный портрет свое бывшей одноклассницы штрихами и деталями, которыми так славитс «Первая Столица». Мы никого не нашли, но сказать, что нам не по везло было бы неправдой. В одной из своих книг «Превращения

Инна Гофф описала свое собственное детство и Харьков довоенный. Опять же, никому не изобретая вымышленных имен. Благодаря этому мы почти все узнали о ее семье и о ней самой — нарядной девочке «в платье из алого в белый горох сатина с рукавами фонариками и крылышками одновременно...» Ну а семья? Это мог бы быть отдельный разговор, причем большой и интересный. Например, прадед. Любимый ученик Менделеева разработал технологию и выпустил первую партию русского рафинада (раньше в России, оказывается, употреблялся лишь колотый сахар). Отец — Анатолий Ильич Гофф — в школе был троечником, но это не помешало ему стать впоследствии известным всему городу детским врачом. А в 20-е годы, годы своего студенчества, он возглавлял противохолерный отряд в Одесском уезде. Одна из сестер отца — Александра — была предметом воздыханий террориста Блюмкина, убийцы посла Мирбаха, а брат отца — Филипп — писателем. По одному из его рассказов со странным названием «Два бульди два» был даже снят фильм, упомянутый в «Истории кино». Среди близких друзей дяди Филиппа был Юрий Олеша.

Журналисты и краеведы, студенты и профессора, историки отчаянно рыщут в старых архивах и по пыльным полкам библиотек в поисках информации о нашем городе и о знаменитых личностях. Работа трудная, интересная и нужная. Но, господа! Загляните в книги Инны Гофф! Вы сделаете массу открытий и, честное слово, получите море удовольствия. А на прощание еще одна цитата из ее творчества: «А. П. Чехов в одном из писем, присланных из Италии пишет: «Рим похож, в общем на Харьков». Не выносивший пафоса, знал, что от него ждут восторженных восклицаний, он хотел этой фразой приземлить Рим, но при этом невольно возвысил Харьков. Ведь можно сказать и так: «Харьков похож в общем на Рим».

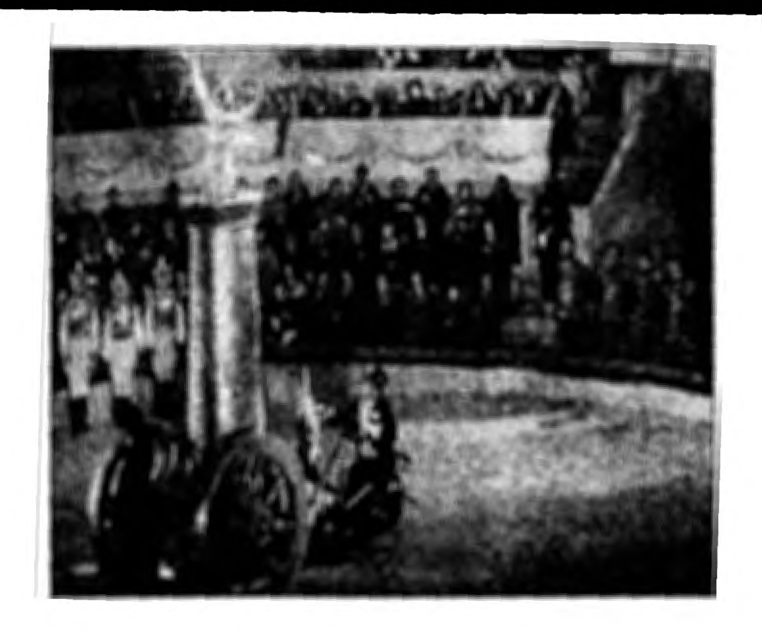
Наталья Катрунова

ПУШКА-КАТАПУЛЬТА. Странный аттракцион на стадионе «Динамо»

Стадион «Динамо»... Харьковчане самого старшего поколения, кто помнит его еще до войны тут же добавят: старый добрый стадион. И будут правы, потому, что это место в нашем городе абсолютно и полностью отвечает этим характеристикам. Уютно укрывшись снегом, он спит. И, наверное, как все старики любит повспоминать о своей юности и звездных временах: как, в далекие 30-е годы по лучшим беговым дорожкам страны, и на главных соревнованиях страны мчались братья Знаменские и Раевские; как кричали «гол» и «ура» наши бабушки и дедушки; лился рекой лимонад и тоннами продавалось мороженное в вафельных стаканчиках; как прыгали парашютисты с пожарной вышки и как прямо отсюда уходили на фронт его воспитанники, дав клятву верности своему «Динамо». Все помнит старый стадион. А сегодня, наверное, только он помнит, как в один из жарких летних вечеров 1933 года три чудака-энтузиаста устраивали здесь представление под названием «пушка-катапульта». Главным и единственным героем этого «спектакля» был человек-снаряд, которым, собственно, и заряжалась вышеупомянутая пушка.

Киносъемочные и фотоаппараты в те времена, конечно же, существовали, но в силу абсолютной неизвестности и «незвездности» устроителей аттракциона в тот летний вечерок на стадионе, конечно же, отсутствовали. Для киносъемки в те времена были сюжеты поинтересней: фабрики, заводы, фермы и поля. А также обязательные счастливые лица советских тружеников. Поэтому ни в одной из кинохроник этот уникальный аттракцион (а ведь согласитесь, уникальный) не запечатлен. А мы с чистой совестью на этом могли бы поставить точку. Могли бы, но наша история, тем не менее, только начинается, а герои ее заслуживают гораздо большего внимания, чем им определила судьба...

Итак, Москва. 30-е. В отличие от Харькова, сдавшего свои столичные полномочия Киеву, все еще столица! Причем — блистательная. Ведь именно в 30-е была команда «жить лучше, жить веселее», а на выполнение ее брошены очень серьезные силы. Скажем так: под предводительством Александрова и Орловой, Утесова и Дунаевского. И, надо сказать, справлялись они с этой задачей гениально! Загадочный и мрачный монстр под названием «СССР» запел (!) и засмеялся. Да так, что

до сих пор дух захватывает. А тогда?.. Маленький штрих к биографии Родины: на съезде стахановцев в ноябре 35-го года на заключительном заседании после «Интернационала» все участники вдруг стихийно запели «Марш веселых ребят». Честно говоря, начитавшись романов Солженицына и Аксенова, нам, сегодняшним, даже страшно это представить, но тем не менее этот факт имел место быть! Но строить и жить с помощью песни веселой оказалось недостаточно. Нужно было догонять и перегонять Америку. Только на сей раз без выпученных глаз и натянутых жил Павки Корчагина, а легко и весело. Поэтому, не дав себе ни минуты покоя, сразу после ««Веселых ребят»» как истинный стахановец, режиссер Александров принимается за работу над кинофильмом «Цирк»... И все было прекрасно в этой киноленте, и все работало на поставленную задачу. Лихо закрученный сюжет, хореографическое, музыкально-вокальное представление, в котором использованы сложнейшие пандусные сооружения, горящие факелы, феерическая иллюминация из гирлянд электролампочек, десятки униформистов и даже кордебалет Большого театра. Не было только пушки, а соорудить ее нужно было в предельно короткие сроки (как, впрочем, и пятилетку в три года, и коммунизм за 20 лет). И сделали бы, конечно, никто не сомневается. Только не понадобилось. Потому что по совершенно невероятной и счастливой (во всяком случае для съемочной группы «Цирка») случайности наши герои-харьковчане со своим аттракционом «пушка-катапульта» выступали в «Сокольниках». (Наверное, очень хотелось славы этим ребятам, раз оказались в Москве). Уговаривать долго не пришлось никого — пушку для полетов Марион Диксон на Луну

и Мартынова в стратосферу помогли сделать харьковские инженеры, а дублером блистательной Орловой была харьковская спортсменка Вера Буслаева. Вот тут-то и самое время поговорить о славе. О кинофильме «Цирк» написаны километры текстов-воспоминаний со всевозможными деталями и подробностями. Ну, к примеру, почему в титрах нет авторов сценария, которыми являлись Ильф и Петров и Катаев (на минуточку!)? Потому что между ними и Александровым из-за разночтений сценария возник конфликт, окончившийся полным разрывом. Или маленький негритенок, тот самый, который вырос и стал известным поэтом. И, наконец, в разрешении конфликтов, возникших между актерами и режиссером, принимал участие сам Максим Горький. И это, конечно, далеко не все. Но нигде и никем не были даже упомянуты создатели знаменитой пушки! Как говорят киношники, «остались за кадром». Именно поэтому «Первая Столица» решила вспомнить о них и прославить, хотя бы в нашем городе. В газете «Красное знамя» в маленькой статье двадцатилетней давности мы нашли их имена: Алексей Сирятский, Семен Решмецкий и Петр Гамза. Но, к сожалению, ни фотографий, ни тех, кто помнит их или знал найти не удалось... Ирония судьбы. Они снова остались за кадром. Что ж, такова судьба многих, кто делает кино...

Андрей Печенежский

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СОСЕД» или КАК КАЗАКИ В РОССИЮ ЕЗДИЛИ

Здравствуйте, добро пожаловать на Южный вокзал. Зачем? А затем, чтобы сесть в электричку. В свою очередь, электричка нам нужна для того, чтобы отправиться в заграничное путешествие, хотя конечно, наш ближайший российский сосед город Белгород, куда мы собрались поехать, врядли у кого-то из харьковчан ассоциируется с понятием заграница, вот и мы относились ко всему несерьезно, пока, минут за 20 до отправления не были перекрыты все пути к отступлению и не появились всегда недовольные работники таможни. Вот тут мы и поняли, что, наверное плохо учились в школе и не умеем правильно заполнять таможенные декларации. В результате скорый фирменный почему-то полупустой электропоезд «Харьков — Белгород» из-за нас отправился на пять минут позже, чем было нужно. Но это ничего, главное, что отправился. Мы сразу же перебрались в вагон-ресторан и стали ждать встречи с пограничным столбиком, но не дождались и как-то совсем незаметно оказались в другой стране. Скоро будем на месте, в Белгороде — старинном русском городе, по официальной

версии его возраст уже более тысячи лет. Возник он на месте Северского городища, на реке также Северский Донец, с самого рождения оказался среди многочисленных, красивых, а главное белых меловых гор, которые и дали ему название. Кстати, по-моему мы уже приехали! Знаменитый авторынок, окраины, внешне похожие на нашу Салтовку, вокзал... и снова таможня, теперь иностранная, почему-то решившая, что наш штатив для камеры — это часть гранатомета «Муха»... Наконец, двери открываются и... русский дух, по-моему, ничем не отличающийся от украинского, заставляет нас задуматься о вечном, нет о вечном потом... а сейчас мы вольные птицы — пора, брат, пора!..

И вот он — Белгород, белый город! Видеоканал «Первая Столица» со своими ближайшими соседями решил поступить по-простому, — мы ни с кем ни о чем не договаривались, — просто взяли и приехали, как обычные туристы, на экскурсию. Ну что, пойдемте с нами! Думаю, здесь будет очень интересно!

В свое время крепость города, где все начинается на «Бел..» была надежным защитником Южных границ России. Его жители сыграли важную роль в Полтавской битве, проявили мужество в войне с Турцией. В XVII—XIX веках, в экономическом смысле, город был достаточно слаборазвитым, на мелких полукустарных предприятиях вырабатывался мел, известь, кирпич, селитра и вытапливался воск. В конце XIX века, благодаря строительству железных дорог Курск—Харьков, Белгород—Волчанск и Белгород—Сумы город начинает активно развиваться. Это развитие не прекращается и во времена рождения, становления такого государства, как Советский Союз. В 1935 году здесь, в Белгороде, в заболоченной пойме Северского Донца была построена электростанция. Сейчас День энергетика является чуть ли не самым главным праздником в городе! Внесли свой непосильный вклад жители Белгорода и в победу над фашистской Германией, особо отличились сформированные здесь 299-я, 89-я и 305-я стрелковые дивизии. 5 августа 1943 года, впервые в истории Советских вооруженных сил, в Москве был дан салют в честь освобождения Белгорода и Орла. И теперь за Белгородом прочно закрепилось звание города первого салюта. К сожалению, война принесла сюда очень большую разруху и оставила очень мало зданий довоенной постройки. Среди них можно отметить Преображенский кафедральный собор, освященный в 1813 году, а еще можно отметить здание одного из факультетов Белгородского госуниверситета, очень похожее на бывшее здание нашего Университета. Вот так, плавно, от истории мы перешли к современности, и теперь можем полностью отдаться во власть настоящего туристического путешествия.

Вот — центр Белгорода. Когда мы спрашивали у случайной прохожей как его найти, она сказала: «Идите прямо, и найдете, больше здесь ничего нет!» В этом, конечно, стоит усомниться. Как и весь город, центр поражает своей чистотой и аккуратностью — хорошо! Нам бы так! Хотя... Как говорится — каждому свое.

А здесь люди очень следят за чистотой, почти весь центр выложен плиткой, на которой почему-то не заметно валяющегося мусора! Хотя, как и в любом городе, люди здесь разные и к нашим съемкам относились тоже по-разному. Например, вот этот, продвинутый чем-то подросток, неизвестно зачем и почему, в очень агрессивной форме вдруг решил предъявить какие-то претензии. Вышедшая из этого магазина дама пообещала сейчас же вызвать милицию, но мы не стали дожидаться российских стражей порядка! А здесь нас встретили приветливо и пригласили зайти в гости. Но мы пошли дальше, вот к этому памятнику, как оказалось при более ближнем рассмотрении — это дирижер, а мы подумали, что он в плен сдается.

Когда мы снимали вот этот перекресток, подошел мужчина и спросил, не боевик ли мы снимаем. Получил ответ, что у нас съемки эротического фильма, после чего он, посмотрев на оператора в истинно операторской снимающей позе предложил свою помощь, о том, что из этого получилось мы вам не расскажем!

А дальше был почти смертельный номер: трижды герой видеоканала «Первая Столица» оператор Александр Ушаков, увлекшись творческим процессом... чуть не попал под автобус! Да, искусство требует жертв. Не волнуйтесь, все закончилось хорошо, и мы пошли дальше на осмотр достопримечательностей.

Знаете, этот город чем-то напоминает Харьков, а точнее — наши районы ХТЗ и Алексеевку. Такие же пятиэтажки, скверики, такие же женщины, только с большим налетом загадочности, свадьбы, лошади и голуби. Впрочем, чему тут удивляться — так и должно быть!

Белгород — это город больших возможностей, где, наверное, из детской библиотеки можно попасть прямо на доску почета; город, где

можно, в буквальном смысле, почувствовать себя на высоте; город где много голубей, много хорошо сохранившейся советской символики и национальной, новой русской символики. Город, который в 2000-м году во Всероссийском конкурсе среди городов первой категории был признан самым благоустроенным в России. Город, хоть и небольшой по размеру, но здесь есть несколько вузов, драматический и кукольный театры, филармония, краеведческий и художественный музеи, диорама «Огненная дуга», посвященная героям Курской битвы, где размещено самое большое в стране батальное полотно — и еще много всего интересного. А еще — это город, откуда нам пора уезжать, уже опаздываем на электричку, нас ждет таможня и, конечно же, уютный вагон-ресторан.

Едем домой, легкая усталость, за окном — знакомые любому харьковчанину пейзажи, как будто ничего не изменилось, не чувствуется, что мы за границей. В общем, Белгород и Харьков — самые настоящие соседи, очень похожие друг на друга!

Александр Винтрович

ЛЕГЕНДА АНСАМБЛЯ «ВАРИАНТ»

Любая уважающая себя легенда основывается на конкретных исторических событиях. Можно попробовать восстановить эти события, дабы история эта имела право стать легендой.

Итак, некто Александр Винтрович, работая шофером в одном харьковском НИИ, руководил небольшим ВИА, где с такими же ненормальными распевал песни «URIAH HEEP», «QUEEN», «DEEP PURPLE» и других кумиров. Играли на институтских вечерах, в школах, для друзей, а в основном, конечно, для себя. Эстрадная жизнь в Харькове была тогда замешана на «скулежках», халтурах, а слово «парнус» (плата за исполнение на заказ) являлось самым вожделенным. И тут я, тот самый Винтрович, из любопытства попадаю на конкурс туристской песни, организованный Клубом самодеятельной песни при ДК железнодорожников. Огромный зал наполнен зрителями, а со сцены звучат бардовские песни. Зал рукоплещет, а я задумываюсь: чем мы хуже? Нужно только что-нибудь сочинить. Стихи писать не умею, музыку — когда-то пробовал. Заразив этой идеей скрипача ансамбля Борю Яснобулку, я зарываюсь в мир поэзии, чтобы найти достойные

стихи для еще ненаписанной музыки. Наконец стихи найдены, а музыка сама выскакивает из головы. Скрипач еле успевает ее записывать своими крючками-нотами, а мне проще — я с нотами не дружу, поэтому все держу в памяти. И вот первая песня — «Спасение наше — друг в друге» Евтушенко и следом: «Впустите собаку» Превера, «Не трожьте музыку руками» Вознесенского...

Репертуарчик готов, и мы мчимся на неведомый нам Эсхар. Это был 1978 год, и неведомым Эсхар оказался не только для нас, но и для многих других, ведь это был первый Эсхар в истории Харьковского КСП. Ах, как хочется признания. На фоне всеобщего подъема мы, дрожа от холода и волнения, спели свои песни и получили то, что хотели: стали лауреатами и были признаны зрителями. Вернувшись окрыленными домой, мы закрепили свой успех на заключительном концерте во Дворце культуры железнодорожников

Первая удача вскружила голову, и я весь погружаюсь в работу. Музыке я отдаю все свое свободное время. Она рождается за рулем, в метро, на диване — с гитарой разве что не сплю. Стихи выискиваю, где только возможно. Появляются новые песни: «У скупого человека», «Ну, куда мы спешим». А я тороплюсь сочинять. Все больше убеждаюсь: плохо играю на гитаре, да и скрипка уже не устраивает как сопровождающий инструмент. Хочется, чтобы она то пела с голосом, то соперничала с ним, а то и противоречила ему. Нужен скрипач-профессионал.

А КСП жил своей жизнью. Каждый понедельник ребята собирались в ДКЖ обсудить свои проблемы, узнать новости, попеть песни. Я обращаюсь к ним за помощью и меня знакомят со студентом консерватории скрипачом Валерой Подберезным, который соглашается «за

просто так» играть авторскую песню. И снова каждодневное терзание гитары, не реже двух раз в неделю репетиции со скрипкой и бесконечный поиск. Как результат — новые песни: «Сердце скрипача», «Партитура», «Органист». Стихотворение М. Анчарова «Песенка об органисте» я прочел в его фантастической прозе, совершенно не зная, что он давно написал на него песню. Если бы я ее услышал, то наверняка не смог бы написать своего «Органиста» на его стихи.

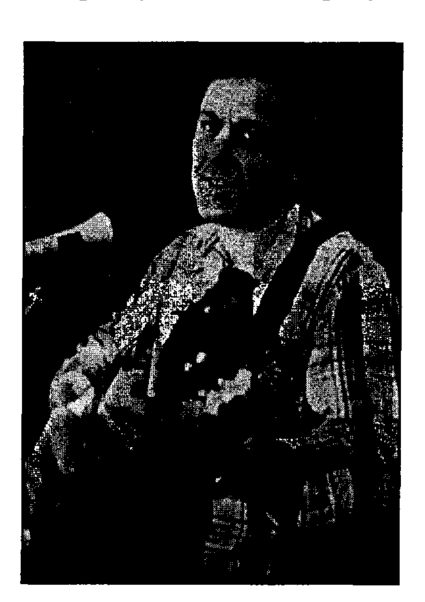
А мне уже мало и скрипки. Внимательно прислушиваюсь, что и как поют клубовские ребята, слушаю в записях тех, кого не могу услышать живьем. В то время моим кумиром и заочным учителем был Сергей Никитин. Пытаюсь понять секреты мастерства, подбирая на слух его вещи. Как-то попалась необычная песня «Смерть царя Ивана». Загораюсь желанием сделать что-либо подобное. Вновь погружаюсь в мир поэзии и в «Литературной газете» нахожу поэму Рождественского «Двести десять шагов». В голове рождается композиция «Сказание о крыльях», но в ней нет места скрипке. Мне слышится многоголосие и даже сопилка. Ищу в клубе единомышленников, и вот Таня Бомко и Володя Ивахно соглашаются петь со мной. Но кто распишет голоса? И снова помощь клуба: музыковед Вера Буракова берется за это дело. Мы просиживаем несколько дней у нее дома, пробуя все возможные варианты исполнения. Я кое-как осваиваю сопилку, и — композиция готова. Как всегда, наши первые судьи и ценители — харьковские зрители. Нас уже четверо и трудно объявлять всех по фамилиям. Вместе с друзьями ломаем голову над названием родившегося ансамбля, а оно, оказывается, лежит на поверхности — «Вариант». Действительно, зритель на наших концертах практически не видел на сцене весь ансамбль целиком: я пел с Таней, Таня с Володей, Володя со мной, пели втроем и каждый в отдельности. Много позже, анализируя историю «Варианта», я с удивлением заметил, что только одну песню мы исполняем вчетвером, но вряд ли кто-нибудь вспомнит, какую именно.

Наша творческая жизнь, как и жизнь клуба, кипит и бурлит. Приглашения на фестивали сыплются со всех концов тогда еще огромной нашей страны. Это сейчас нас всё пытаются разъединить политики-временщики, а для меня страна так и осталась той, огромной. А комсомол, который в те годы от души душил цензурой наших авторов; даже нашу «Легенду» на стихи Альберти комсомолец-цензурщик требовал запретить (в ней, видите ли, главный герой — пьяница). Убеждаем его, что Альберти — поэт-антифашист, лауреат Ленинской премии и поем ее. Ну и что? Тот же комсомол давал нам командировочные для поездок на фестивали и мы носились, как угорелые, по всей стране: от Ленинграда до Ташкента, от Кишинева до Челябинска. Тогда мы уже официально представляли наш Харьковский КСП, и меня уже не интересовала ни слава, ни признание. Я просто купался в огромном море

впечатлений, где каждый фестиваль — это свой остров, населенный талантливыми людьми, их музыкой и стихами. Нелегко описать те короткие, но яркие встречи с Евтушенко и Чичибабиным, Ланцбергом и Сергеевым. Это отдельная глава ненаписанной книги, я же взялся рассказать историю ансамбля «Вариант», да выходят лишь какие-то тезисы по истории из нерассказанных эпизодов.

VI Минский фестиваль. Мы успеваем приехать к самому началу конкурса. Прослушивание закончено, но нам разрешают спеть пару песен. В жюри: Ю. Визбор, С. Никитин. Бог мой, живой Никитин! В конкурсе принимают участие сильнейшие ансамбли: «Домино» из Риги, «Зеркало» из Свердловска, и мы приехали всем составом, что большая редкость. Значит, можно спеть «Сказание о крыльях» — самую сильную вещь ансамбля, но петь ее не дают (длинная, одиннадцать минут). Как быть? Я принимаю соломоново решение: ансамблем споем ту самую единственную песню, которую исполняем вчетвером, а на конкурс авторов музыки выставляю дуэтную «Партитуру». Спели, и вот оглашаются результаты: лучший ансамбль — «Зеркало», лучшая музыка к песне моя — и Сергей Никитин вручает огромный приз — чайник, пожимая мне руку. Мое тщеславие исполняет дикий канкан на всех фибрах души, и я целую неделю не мою руку.

Мы возвращаемся домой, и снова бесконечные репетиции, где мы спорим и ссоримся, миримся и поем. У каждого из нас свои приоритеты и вкусы, но мы почти единственный ансамбль авторской песни в клубе. Я все ношусь со своей музыкой, пробуя разные варианты ее исполнения. Вдруг сочинил песню на свои стихи, а Гриша Дикштейн на прослушивании добродушно усмехается: «Ну-ну, Винтрович, что ты там накропал?» Больше я не кропал. Однажды с Володей исполняли шуточную песню «Зайчики в трамвайчике», и я попросил Сашу Маслова подыграть нам на маракасах и велосипедном звонке. Маслов, со своим багажом загадочных и необычных для меня песен, скромно заявляет: «Подумаешь, могу и на велосипедном звонке». Судьба свела меня с удивительным фотографом — Володей Оглоблиным. На свой выбор он подбирает слайды к моей музыке, и песня «Некрасивая девочка» получает удивительный образ той самой девочки. Варианты вариантов...

Мы уже не участвуем в конкурсах. Не менее раза в год с помощью клуба устраиваются концерты ан-

самбля «Вариант» для харьковского зрителя, который так и остался для меня эталоном теплоты и проницательности, критерием оценки нашей зрелости и несовершенства. Даже один концерт в консерватории раскрыл мне много секретов музыки, которая на бумаге записывается по строгим арифметическим правилам, а у меня правило простое: музыку нужно чувствовать, и лишь тогда не вредно знать.

Я рассказал малую толику эпизодов из истории «Варианта». Можно вспомнить и клубовских ребят, которые вольно или невольно влияли на творчество ансамбля: Женю Душкина и Леню Толпыго, Валеру Гительмана и Колю Усенко, Володю Васильева и Валеру Колесникова... Но я знаю, что они о себе могут рассказывать много лучше и интереснее.

По улицам Харькова во всю бродит новое тысячелетие, а легенда ансамбля «Вариант» родом из прошлого века. «Ars Longa, Vita Brevis» — говорили древние и были правы: жизнь коротка, искусство вечно. «Вариант» успел оставить свой заметный след в большой легенде Харьковского клуба самодеятельной песни, и я удовлетворенно вздыхаю — легенда продолжается. Недавно узнал, что Леша Пугачев, «старая гвардия» КСП, учит пацанят игре на гитаре, и эти малявки своими босыми ногами уже наступают на наши пятки, протаптывая себе дорожку в бардовское будущее. Ну и ладно.

Намедни написал пару новых песенок, и еще есть в голове койчего...

2001 г.

Александр Винтрович

ХРОНИКА ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ
(Заметки видеооператора)

Кто-то пересекает Евразию на велосипеде, кто-то совершает кругосветное путешествие на воздушном шаре, а ребята из Джезказгана решили пройти от Алтая до Дуная на верблюдах, справедливо надеясь попасть в Книгу рекордов Гиннесса. По Харьковской области караван сопровождала съемочная группа видеоканала «Первая Столица».

По журналистским каналам прошла очередная «утка»: в степях Украины бродит караван верблюдов. Полеживая на диване и пуская дым в потолок, я только хмыкнул:

«Какой караван, какие верблюды!». И вдруг — телефонный звонок: караван действительно идет, и более того — видеоканалу «Первая Столица» предложили снять фильм об этом событии. Заручившись поддержкой и мобильной связью фонда «Пересвет», журналист Инна Можейко и я, видеооператор, мчимся навстречу каравану.

Международная архео-этнологическая экспедиция «Алтай—Дунай» входила в Харьковскую область. Позади труднопроходимые для каравана места: граница России с Украиной, таможня, карантин. Мы встречаем экспедицию в районе Боровой и протокольно знакомимся с ее участниками: два казаха, трое русских и три верблюда. Я впервые вижу верблюдов на воле и с любопытством разглядываю их через объектив видеокамеры. Верблюды же разглядывают меня. Ребята разбивают лагерь на берегу живописного Краснооскольского водохранилища, и мы продолжаем знакомство за скромным дастарханом. Затем я снова бегу к верблюдам и дотошно снимаю процесс поглощения местной флоры экзотическими существами. А существа эти имеют довольно простые имена: Васька, Тишка и Тарзан. Всего три верблюда, но как впечатляют их размеры! Ведь не зря местные лошади, считающие себя самыми крупными животными в хозяйстве, в ужасе шарахаются от неведомых и огромных верблюдов, хотя по характеру верблюды напоминают кошек; они как бы сами по себе, но в отличие от кошек, флегматичны, задумчивы и глубокомысленны. К нашему удивлению, только коровы проявляют любопытство и даже пытаются познакомиться с «кораблями пустыни». О реакции остальных домашних тварей говорить просто неинтересно.

Четвертый верблюд — одногорбый; это машина сопровождения, за рулем которой бессменный водитель и профессиональный оператор экспедиции Володя Подчиненнов. Караван идет со скоростью путника, около пяти километров в час: двое на верблюдах, двое пешком, остальные — в машине, периодически сменяя друг друга. Далеко на горизонте маячит город Изюм. Экипаж «Нивы» во главе с начальником экспедиции Бахтияром Кожахметовым уносится вперед, чтобы организовать проход каравана через город. А мы, быстренько освоившись с верблюдами, едем верхом, мерно покачиваясь между горбами. Несмотря на отсутствие седла и стремян, устроился я довольно уютно и теперь философским верблюжьим взглядом обозреваю с высоты проплывающие мимо окрестности.

Однако погода начинает портиться. Накрапывает мелкий дождик, а на нас надвигается стела с надписью «Изюм». Посреди дороги стоят три девушки в украинских костюмах с традиционным караваем, суетятся представители городской администрации, местное ТВ и ГАИ. Дождик превращается в небольшой ливень. Коротенькое приветствие — и вот уже отчаянная девушка — журналист изюмского ТВ взбирается на верблюда Ваську. К недоумению последнего и потехе окружающих, она садится на него почему-то задом наперед. Караван под веселые возгласы публики направляется к центру города. Дежурный дедушка Ленин приветствует нас на главной площади, а детвора и жители окружают верблюдов плотным кольцом. Миша Постаногов, наш массовик-затейник, бард и поэт, балагур и душа компании привычно подходит к микрофону и рассказывает о миротворческой цели экспедиции «Алтай—Дунай», идущей третий летний сезон через Великую Евразийскую степь по пути миграции древних кочевников, то есть от Алтая до Венгрии через Казахстан, Россию, Украину, Молдову и Румынию. Звучат караванные песни, стихи, байки, смех и вопросы зрителей. Затем следует посещение местных достопримечательностей и, конечно, ужин в ресторанчике, устроенный в нашу честь гостеприимными хозяевами города.

Но солнышко уже садится и, несколько утомленный караван уходит на окраину города в лес, где мы останавливаемся на ночлег — верблюдам тоже надо поесть и отдохнуть. Ночь наступила незаметно, а я все бегаю к верблюдам — подглядеть, как они спят. Но они, положив голову на траву и поводя сливовыми глазами, задумчиво размышляют о чем-то своем, вечном. Пора спать. Завтра на рассвете — снова в путь. Если бы мы знали, что нас ждет завтра...

* * *

Утро было тихое и спокойное. Наскоро перекусив, мы сворачиваем лагерь и грузим его на верблюдов. Наши пути расходятся: Володя и Бахтияр со своим заместителем Натальей Ивановой

уезжают на пару дней в Харьков по организационным вопросам. В караване остаются верблюдовод Серик Биримбетов с Мишей, да мы с Инной. Ну и ладно — два опытных караванщика, три верблюда — какнибудь дойдем. Короткое прощание с экипажем «Нивы» — и мы направляемся в сторону поселка Красный Шахтер. По дороге к нам присоединяется лесник-объездчик Витя. Выяснив, что его фамилия не Сусанин, мы берем его проводником, и весь караван входит в живописный лес Изюмского лесничества. Впереди на лошади едет наш надежный проводник, за ним — Миша на Ваське. К Ваське за веревочку привязан Тарзан; он самый молодой в караване верблюд и немного диковат; когда на него пытается сесть погонщик, он плюется и кусается. Поэтому Тарзан несет только коржуны с лагерным имуществом. Завершает караван очень спокойный Тишка с Инной наверху. Немного поотстав, следом шагаем я и Серик. В руках у меня диктофон и от нечего делать я осваиваю профессию журналиста, пытаясь разговорить молчаливого Серика. Умиротворенный красотой пейзажа, Серик рассказывает, что погонщики в пути обычно молчат или негромко поют свои песни. Я с ним соглашаюсь, потому что и сам, сидя на верблюде, напеваю свои песенки, чтобы не задремать. Верблюды, когда идут по гравию вдоль обочины шоссе, поют копытами свою песню: чок-чок... Увлекшись беседой, я не заметил, как караван скрылся за поворотом дороги. Вот тут-то все и началось. За деревьями послышались крики: «Стой! Чок! Назад!.. Чок, чок!.. Скорей!..». Серик, роняя кепку, срывается вперед; я, ничего не понимая, бегу следом. За поворотом посреди дороги лежала Инна — бледная, как полотно и без сознания. Мы бестолково заметались вокруг. Вскоре она приходит в себя, на наши вопросы толком не отвечает, но картина постепенно проясняется. Подлец Тишка не только сбросил ее, но и зацепил копытами. Мы боимся трогать Инну. Неожиданно из-за деревьев появляется машина «Скорой». Оказывается, Витя сразу ускакал в лесничество и дозвонился в Изюм. Инна подзывает меня и тихо говорит: «Снимай, Саша, снимай». Моя мучительная борьба между человеческим состраданием и операторским долгом окончена и я фиксирую все на видеопленку, понимая, что дублей в таких случаях не бывает.

Врачи быстро делают свое дело и «Скорая», нещадно подпрыгивая на лесной дороге, везет нас в больницу. Чтобы отвлечь Инну, я пытаюсь выяснить, какую же песню она пела верхом на Тишке. В ответ слышу, что сначала «Брич-Муллу», а потом почему-то «Мы летим, ковыляя во мгле...». Врачи наш разговор не понимают, они ведь не караванщики, а мне все понятно. И еще я знаю неписаное правило погонщиков: караван должен всегда идти. Миша перед отъездом предупредил, что караван будет ждать меня в Красном Шах-тере до упора — с Инной или без нее. В больнице долго не могут понять, откуда свалилась пострадавшая. Тем не менее, медицинская помощь оказана

и туго перевязанная Инна выпущена на свободу, а операцию нам посоветовали делать в Харькове. Мы догоняем караван на автобусе, путь которого в два раза длиннее караванного. Верблюдам идти по асфальту вредно — их копыта быстро стираются, поэтому они идут по лугам и лесам, то есть короткой дорогой.

Нас встречают наши караванщики, а во дворе лесников, где живут добродушный пес и дикий лисенок, накрыт стол с сытным обедом. Когда я снимаю застолье, то в кадре всегда вижу одну и ту же картину; улыбающиеся лица, перезвон рюмок и звяканье вилок. Только одно место, где стоит наполненная рюмка, полная тарелка и пустой стул — свободно. Это мое место. К сожалению, я никогда не увижу себя в кадре, сидящим рядом с этими милыми и добрыми людьми.

Караван снова собирается в путь. Инну устраивают в седле добродушной Чайки. Не успел я позавидовать ей, как передо мной тут же появляется норовистый Орлик. К нам присоединяется еще один объездчик — Сережа, на коне и с ружьем, чтобы проводить нас через просторы Изюмского лесничества. А просторы эти удивительны по красоте: яркое осеннее солнце и лазурное небо, серебристый Донец и зеленые пригорки, на которых живописные стайки деревьев плавно водят хоровод до самого горизонта. Я пытаюсь запечатлеть это на пленку с беспокойного Орлика, но в кадре мелькают то небо, то земля. Увы, снимать с лошади — это не то, что с верблюда. Набегавшись взад-вперед вдоль каравана, я понимаю, что ничего толком не снял, и взбираюсь на Тишку, чтобы немного передохнуть. Караван ведь не стоит, караван всегда идет.

Вечером останавливаемся на ночевку. Местные мальчишки с восторгом водят верблюдов по лугу, а верблюды удивительно послушно выполняют все прихоти пацанов, важно катая их на себе. Мы с Инной решили приступить к изучению верблюжьего языка. Спрашиваем у ребят, как сказать верблюду «пошел»? — Чок. А «стой»? — Чок. Ну, а «сидеть»? — Чок. Оказывается, весь секрет в интонации. Вот так просто понимает все команды верблюд.

А впереди нас ждут новые встречи и новые приключения, которые потом остаются в памяти пестрым калейдоскопом. Это и председатель сельсовета, важно въезжающий на нашем верблюде в родное село, и восторг односельчан от невиданного зрелища; и визг детворы, облепившей, как мухи, стоящих и сидящих верблюдов. И наконец, это мои мысли, когда я, пробираясь с камерой сквозь толпу галдящих и улыбающихся моих сограждан, думаю о том, какой все-таки добрый и гостеприимный наш украинский народ.

К сожалению, я не писатель, не поэт и даже не журналист. Я замечаю, что так много рассказал о верблюдах и так мало о людях, которые их ведут. Я не рассказал о Бахтияре, с которым чувствуешь себя, как за каменной стеной, защищенным от всех проблем. О Ната-

лье, заботившейся о каждом участнике экспедиции с такой любовью, что даже не замечаешь походных неудобств, а соревноваться с ней в исполнении украинских песен — безнадежное дело. Как рассказать о Володе, вечно возящимся то с примусом, то с видеокамерой, то с «Нивой»; о молчаливом Серике, который никогда не рассказывает о своей любви к верблюдам, и только ухаживания за ними выдают его с головой. И, наконец, о Мише, у которого смех, шутки и оптимизм льются в любую непогоду, как из неиссякаемого источника. Этих людей, разных по возрасту и по характеру, по-моему, объединяет тот вольный дух степных ветров, который бродит, наверное, и в наших душах. Это и дух авантюризма, и дух путешествий. Его не зафиксируешь на видеопленку, а шесть дней с караваном, как шесть эпизодов, сливаются в один сюжет. Остается только снять последний кадр.

Преддорожная суета. Ребята из «Пересвета» вышли с нами на связь и готовы встретить подслеповатого оператора и однорукую журналистку. Мы стоим у открытого окошка вагона скоростной электрички и прощаемся с караванщиками. Инна тихонько говорит мне, что у нее что-то щемит и хочется всплакнуть. Я же, вечно ворчащий, молчу и поглядываю вперед. Поезд выбирается на главный путь, выстукивая на стрелках знакомую мелодию: «Чок-чок, чок-чок...», да встречный ветер слезит глаза.

2001 г.

Инна Можейко

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Эпистолярный жанр нынче не в моде. В суете сегодняшней жизни мы все меньше доверяем свои мысли и чувства листку бумаги, а стараемся просто передавать информацию. Нет, я не против цивилизации и технического прогресса — но что-то уходит из нашей жизни вместе со стопкой почтовой бумаги, конвертами и марками. А может, мы просто боимся обязательств доверия и искренности, налагаемых на нас чистым листом, и, закрывая двери в свою душу, ограничиваемся телефонными звонками.

24 письма, хранящиеся в историческом музее, были написаны в 36, 37 и 38-м годах. Их отправитель — Николай Григорьевич Шерфенберг — из наших, русских немцев, сметчик паровозостроительного завода, в момент их написания — подследственный, а позже — заключенный, осужденный за шпионаж в пользу фашистской Германии. Получатель — его жена Фелиция Фридриховна и их маленький сын Вальтер. Кто-то скажет: «Опять про ГУЛАГ! Сколько можно трепать эту избитую тему!». Нет, речь пойдет не о ГУЛАГе, а о чести, достоинстве и любви.

31 декабря 1936 года
«...Моя синичка! Твое письмо, грустное и полное тоски, я читал с такой болью в сердце. Но, как ни странно, после него мне стало легче. Не думай о плохом, моя девочка ясноглазая! Собери силы и терпи. Что со мною? Я здоров, бодр. Живу в комнате 16 кв. метров, где еще 4 человека. Люди все приличные».

15 сентября 1937 года
«Вчера нас перегнали в другую камеру, на солнечную сторону, и сейчас я сижу на кровати, залитой солнцем. Тепло. Как будто я дома с тобой, как будто никакого несчастья не обрушивалось на нас. Я полон нежности к тебе и любви».

19 декабря 1936 года
«Ах, сынка, сынка! Любит тебя папка здорово, да вот не дотянуться до тебя. Ты не плачь, не зови папку, а то мама волнуется. Кого ты позовешь к себе на елку? Галку? Ваську? Генриетту? Макса? Попроси маму, чтобы потом вас сфотографировала под елкой».

Эти письма подследственный Шерфенберг писал на том, что было под рукой, — на носовом платке, листочках папиросной бумаги, склеенных или сшитых между собой. О том, как они попадали на волю, можно только догадываться.

19 февраля 1937 года
«Мой сынок! Сегодня тебе ровно 5 лет. Столько, сколько у тебя пальчиков на каждой ручке. Ты родился на Бассейной улице в том доме, что стоит против киоска. Когда я пришел посмотреть на тебя, и мне тебя показали — так я, знаешь, испугался: волосики были у тебя черные и длинные и ты был очень некрасивый. Ты много кричал, и мы с мамой очень волновались».

22 февраля 1937 года
«Ты помнишь, дорогая, 22 февраля 1922 года? Теперь, через 15 лет, мне очень грустно, что в этот день мы разлучены. Моя ясноглазая, ты помнишь первый год нашей жизни? Вдвоем — без близких, без друзей мы с тобой мечтали в нашей комнатной комнатушке. Я знаю, что ты ждешь меня теперь, и я вернусь по-новому желанным. Увидишь. Как молоды мы и как чувства наши еще свежи».

Все это время Николай не переставал надеяться на справедливость: писал Ежову и Вышинскому, веря, что они разберутся и его, невиновного и своей вины не признавшего, выпустят. Но вера не помогла. Его отправили по этапу на восток.

7 июля 1938 года
«Стоим уже сутки в Сызрани. В дороге жара, духота; состав публики в вагоне неплохой; смирные; уголовных — 3—4 человека. Я послал тебе с дороги 3 письма, это — 4-е».

17 июля 1938 года
«Моя родная! Тебе сегодня 36 лет, а ты выглядишь, как 27 летняя, и даже двухлетние страдания не состарили тебя. Только что проехал город Ачинск. Еду через тайгу и упиваюсь красотой природы. Следующее письмо брошу в Иркутске или за ним».

14 августа 1938 года
«Вот я уже и во Владивостоке 4-й день. Я здоров и крепок, прошел уже все комиссии и на днях, как видно, уеду дальше, еще дальше от тебя и сына. Говорят, что на Колыму. Так, как там хорошо кормят и хорошо благоустроено все — я думаю, что там и труд высоко оплачивается. Плохая только связь почтовая».

9 сентября 1938 года

«Моя любимая, родная! Вот я и превратился в Джек-Лондонского героя Клондайка. Я на Колыме. Дикий, суровый и прекрасный Север. Я здоров — уже 14 дней работаю и выгляжу хорошо. Думаю, что норму буду выполнять. Я проникнут одной мыслью и желанием — остаться здоровым для вас».

Успокаивая жену, Николай прекрасно знал: с Колымы редко кто возвращался. Ежедневные 700 г хлеба и миска капустного супа давалась тем, кто выполнял норму. Позже было посчитано, что каждый килограмм золота, добытый там, равнялся одной человеческой жизни.

12 ноября 1938 года

«Климат здесь страшный, суровый. Я уже перенес мороз в 47 градусов. Здесь работа — все. Кто не работает — тот не признается. И действительно работают — дают по 150—170% и больше выполнения. Порой очень хочется сладкого — варенья, конфет, но всех прекраснее сладенький сухарь!... Здесь даже нет воробьев. Никаких птиц нет...»

Следующее письмо, которое получила с прииска «Партизан» Фелиция Шерфенберг, было написано незнакомым почерком. В нем сообщалось, что Николай умер 22 марта 1939 года от воспаления легких. В 1959 году он, как и миллионы других, был реабилитирован. Судьба этих писем и людей, к которым они адресованы, сложилась так. Осенью 1941 года Фелицию вместе с сыном Вольтером забрали из Харькова родственники, жившие в Германии. Среди самых ценных вещей она вывезла с собой письма мужа и фотографии. В 1945 году Фелиция работала переводчиком у советского коменданта в Лейпциге. Сын Вольтер в 16 лет вступил в общество германо-советской дружбы; сейчас он — заместитель бургомистра одного из районов Берлина. В 1987 году он обратился к Михаилу Горбачеву с предложением открыть музей памяти репрессированных в годы сталинизма. А в 1995, приехав на родину, передал весь семейный архив Харьковскому историческому музею — фотографии, документы и два десятка писем, полных любви, нежности, доброты и надежды — образец эпистолярного жанра, который нынче не в моде.

Инна Можейко

НАРОДНАЯ ПЕВИЦА ОКСАНА ПЕТРУСЕНКО

Определение «народный певец» весьма условно. Вот Шаляпин, например — он народный певец или нет? Или Борис Гмыря? И что значит быть народным — иметь ли соответствующее происхождение, или — исполнять народные песни, или же — просто быть любимым всем народом? У Оксаны Петрусенко народным было все — и происхождение, и репертуар, и всеобщая любовь. Вот только жизнь оказалась короткой...

Сто лет назад город Балаклея был селом Змиевского уезда Харьковской губернии. Здесь, на окраине, в бедной хатке, у балаклейского крестьянина Андрея Бородавкина 18 февраля 1900 года родилась дочь Оксана. Ничто не предвещало ей судьбу выдающейся певицы: ну, пели отец с матерью, ну, множество песен знала бабушка — но кто же на Украине не поет! Семья с трудом сводила концы с концами, Андрей умер, когда дочурке был всего лишь год, мать перебралась в Севастополь к своим родственникам, но Оксана регулярно приезжала в Балаклею к бабушке и каждый раз возвращалась с ворохом новых песен, которые пела своим подругам.

Детство как-то очень быстро закончилось. В 15 лет Оксана, не доучившись в гимназии, устроилась на работу на севастопольскую обувную фабрику. Тяжелая работа, мизерный заработок и одна радость — песня. Она рядом была всегда: Оксана пела дома, пела с подругами, в школьном хоре, в самодеятельном хоре, выступала в дуэтах и с сольными номерами среди рабочих, железнодорожников, моряков. Талантливую девушку заметили профессионалы — и Оксане предложили место хористки в заезжей украинской музыкально-драматической труппе. Первый шаг был сделан, а с осени 1918 года Оксана Бородавкина — артистка Херсонского украинского театра.

Именно тогда на афишах впервые появилась фамилия Петрусенко — точнее, сценический псевдоним, образованный от имени мужа Оксаны — Петра Бойченко. С мужем — талантливым музыкантом, дирижером, но человеком ревнивым и совершенно не подходящим ей по характеру, она вскоре рассталась. Но остался сын Володя и — псевдоним, под которым ее знали по всей стране.

К 25 годам у нее за плечами — 20 ролей разнообразнейшего репертуара, неудачная попытка учебы в Киевской театральной школе, бесконечные гастроли с тем же Херсонским театром по югу Украины и — богатейший голос, который своим диапазоном поражал даже знатоков — Оксана легко брала ми третьей октавы. Но такому бриллианту была необходима шлифовка, и стать им могла работа в серьезном оперном театре. Оксана отправляется в Харьков — поступать на сцену столичной оперы.

Главным дирижером Харьковского оперного театра был выдающийся музыкант Лев Штейнберг. Он имел свои, впрочем, весьма безобидные причуды. Если чье-то пение ему нравилось, он брал исполнителя за подбородок и говорил: «Молодец, хорошо поешь!». Так он, по своей привычке, собирался поступить и с Оксаной. Но Оксана на глазах у всех оттолкнула дирижера. Лев Штейнберг, опешив от неожиданности, воскликнул: «Вы не выдержали испытания». Путь на украинскую столичную оперную сцену для нее был закрыт.

Много позже Оксана и Лев Петрович найдут общий язык в Киеве, но Харьков для Петрусенко навсегда останется «терра инкогнито». И дело вовсе не в какой-то особой злопамятности певицы — просто до 1934 года она работает далеко от Украины, в оперных театрах Свердловска, Самары и Казани. Именно эта работа стала для нее, не имеющей специального образования, настоящей школой. Оксана поет партии Аиды, Тоски, Лизы в «Пиковой даме», Марфы в «Царской невесте», привнося в любую роль, помимо уникальных голосовых данных, бездну артистизма. Но все эти десять лет, проведенные в России, она тоскует по Украине и на концертах неизменно поет украинские народные песни.

В 1934 году столица Украины переехала из Харькова в Киев, а вскоре Оксану Петрусенко пригласили петь в Киевском оперном театре. Сбылась мечта дочери балаклейского крестьянина, мечта севастопольской фабричной работницы, чьи феноменальные способности высоко ценили современники — Иван Козловский, Панас Саксаганский, Мария Заньковецкая, Мария Литвиненко-Вольгемут. Пресса полна хвалебных рецензий, на спектаклях и концертах — аншлаги, правительство наградило орденом «Знак Почета», зрители иначе, как «наш соловейко» ее не называют, а она работает. Работает — и тоскует: есть все, кроме женского счастья. Со вторым мужем — певцом Василием Москаленко — жизнь не сложилась. Ей было почти 40 лет, когда она встретила новую любовь. Но он был женат, а разрушать что-либо — тем более семью любимого человека — было не в правилах Оксаны. Она ждет ребенка, перенеся на него всю силу своего чувства. Через несколько дней после его рождения Оксана Петрусенко умерла.

Ее голос уже 65 лет звучит с грампластинок. Ноты с песнями и ариями из ее репертуара по-прежнему издаются. О ней написано не-

сколько книг. Ею гордится Украина. А на малой родине Оксаны — в Балаклее — ее земляки-энтузиасты создали музей, в котором ежегодно бывает больше десяти тысяч человек — и детей, и взрослых. Здесь ежегодно, в день рождения певицы, проходит фестиваль-конкурс памяти Оксаны Петрусенко, главным условием которого является исполнение песен из ее репертуара.

Самодеятельные певцы, влюбленные в народную песню, волнуясь, выходят на сцену — так же, как почти 100 лет назад выходила на нее Оксана Петрусенко, для которой пение было не работой, не способом добиться успеха, а жизненной необходимостью, такой же, как дыхание.

Наталья Шубенко

ПЕРЕВОД СТОЛИЦЫ ИЗ ХАРЬКОВА В КИЕВ: ФАКТЫ И ВЕРСИИ

В сказке Шарля Перро Золушка превращается в принцессу. В нашей сказке — все наоборот. В один прекрасный вечер, а именно, 23 июня 1934 г., динамично развивающийся, шумный, яркий, столичный Харьков превратился в обыкновенный областной центр.

Именно в этот день, под неумолкающее «ура» харьковских пролетариев, которым велено было радоваться и умиляться, что они с бараньим восторгом и делали, правительственный поезд покинул харьковский вокзал, увозя в Киев тов. Коссиора, Постышева, Петровского и Любченко, а вместе с ними еще несколько эшелонов правительственных и партийных лидеров Советской Украины, рангом пониже.

Еще раньше, 9 июня, первый секретарь Харьковского обкома партии Павел Петрович Постышев был освобожден от своих обязанностей с тем, чтобы через два дня, 11 июня, принять пост первого секретаря Киевского обкома. Особенно «трогательным» было его прощание с пионерами, которые, как бы не веря в долгую разлуку, дружно восклицали: «До свидания, Павел Петрович!», а Павел Петрович оптимистично вторил: «До свидания, дети!» Его наказ взрослому населению Первой столицы, которую, начиная с 23 июня, газеты безапелляционно провозгласили «второй», был более пространным: «Не выпускайте из рук

Пролетарские колонны приветствуют членов ЦК КП(б)У и правительства.

знамя первенства, товарищи», — велел Постышев, — пусть весь город и его окраины станут еще красивее». И уехал, увозя с собою в Киев первых лиц республики, ее лучшие умы и таланты. И разумеется, столичное финансирование.

Но это ничего, Павел Петрович сказал, значит, будем красивее, главное — распоряжение получили. И не беда, что в помолодевший и похорошевший Киев потянулись все, кому не лень, вплоть до промышленных организаций и редакций центральных газет.

Зато второй в СССР крематорий был открыт в Харькове как раз в дни переезда, видимо, в подтверждение того, что «знамя первенства» харьковчане таки не выпустили!

Однако давайте попробуем взглянуть на ситуацию с другой стороны, отбросив лозунги и большевистский ажиотаж. Судя по мощнейшей реконструкции Харькова и глобальным строительным проектам, которые начали реализовываться в наше городе буквально накануне переезда, решение о переводе столицы было неожиданным и подозрительно быстрым. Здание Госпрома, закладка памятника Шевченко (в марте 1934, за три месяца до переезда!), площадь, явно предназначенная для столичных парадов и демонстраций, новые градостроительные проекты в районах проспекта Ленина, завода им. Малышева, ХТЗ. Так что же, советское руководство денег не считало? Вложили огромные средства в развитие Харькова, и быстренько в Киев? Нелогично! Да и версия «возвращение к историческим корням» не выдерживает критики. О каких корнях могла идти речь в годы, когда все дружно распевали «Отречемся от старого мира» и «Мы наш, мы новый мир построим»! Улучшить транспортное сообщение? Так ведь времена, когда славяне спускались на челнах по Днепру, остались в далеком прошлом, и в XX веке именно Харьков, а не Киев был крупнейшим транспортным центром. Избежать военной опасности? Так нападения как раз и жда-

ли с запада, и именно на запад столицу и перевели. Полное отсутствие логики побудило нас обратиться за консультацией к профессиональному историку. Вот мнение В. К. Вохмянина: видимо, некто, очень влиятельный и очень приближенный к верхам был инициатором идеи перевода столицы. Это был человек настолько пробивной, что сумел протолкнуть эту идею до самого высокого уровня. Кто это был, и зачем это ему было надо, видимо, навсегда останется загадкой истории. Нам же «скормили» официальную версию, согласно которой было необходимо «приближать столицу к важнейшим сельскохозяйственным районам правобережья». Необходимо — приблизили. А Харьков, о котором на прощание центральные газеты написали громко и пафосно, превратился в «город пыльный» (надо же, как быстро вспомнили нелестное для нашего города высказывание Белинского), и «город скучный» (как видите, и Чехова не забыли). Мощные проекты конца 1933 — начала 1934 гг. были, конечно, завершены, но не в такие сроки и не с таким размахом, как планировалось. Харьков потерял свой столичный статус, но, как считает тот же В. К. Вохмянин, остался Харьковом. У города остались его улицы и площади, его памятники, его театры, его ВУЗы, его заводы. Город стал строже, сдержаннее, и хоть сегодня он и живет жизнью областного центра, его по-прежнему называют столицей, кто-то первой, кто-то второй.

Правда, спустя более чем полвека видеоканал «Первая Столица» внес в этот вопрос историческую ясность. И сегодня слова «Харьков — Первая столица» все чаще можно слышать даже из официальных источников. Помните, в детской песенке: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Счастливого плавания, Первая столица!

Константин Кеворкян

АВТОБИОГРАФИЯ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ
(14-летию телепередачи «Первая Столица» посвящаю)

Я всегда был знаменит. Меня выгнали из трех школ за плохую успеваемость, я был единственный некомсомолец в своем ВУЗе, и наконец, я издавал самиздатовский журнал, а потому познакомиться со мной приезжали авторитетные хиппи из загадочного Ленинграда.

Но все-таки чего-то не хватало, и даже не денег: я работал дежурным слесарем (сутки—трое), получал 170 рублей и порою мог позволить себе роскошь слетать на денечек в Киев — пообедать на Крещатике в ресторане «Кавказ». Там готовили замечательно вкусный шашлык и почему-то подавали дешевые алюминиевые вилки.

Мне хотелось общественного признания своих, как мне тогда казалось несомненных, талантов. Весенним днем 1987 года в высотное здание Дома Печати, что на Московском проспекте, вошел юноша. 21 год, невообразимое нахальство, волосы на голове доросли до джинсов — таким был я почти 20 лет назад. В Доме Печати (оно же издательство «Социалистическая Харьковщина») располагалась вся областная и городская пресса, а именно газеты «Соціалістична Харківшина», «Красное знамя» (печатные органы обкома КПСС), «Вечерний Харьков» (газета горкома КПСС), и «Ленінська зміна» (газета обкома комсомола).

Я зашел и остановился, ощутив себя в родном городе провинциалом. Хром и никель слепили глаза, милиционер на входе, суета (настоящих!) журналистов, бегущих от многочисленных лифтов на улицу, на ходу здороваясь с другими, которые — наоборот — заскакивали с улицы и устремлялись к лифтам, и вдобавок откуда-то вкусно пахло обкомовской жратвой. Это был рай. По пропускам. Для своих.

Злобно прорвавшись сквозь охрану, я устремился в редакцию «Красного знамени», единственной в Харькове русскоязычной газеты (это к вопросу о якобы насильственной русификации). Русский язык газеты определял ее колоссальный тираж. Тогда почти в каждой семье выписывали какую-нибудь городскую газету. А также одну центральную (московскую) и, иногда, еще и всеукраинскую (киевскую).

Дверь в отдел культуры я распахнул не иначе, как ударом ноги. Как исчадие ада я предстал перед взором Ирины Леонидовны Румянцевой, которая, по-моему, до сих пор сидит в этом же кабинете. Я до сих пор помню ее распахнутые от недоумения и отвращения глаза. «Я принес Вам статью!», — противным от волнения голосом провозгласил я. «Вам нужно обратиться в областную «молодежку»», — ледяным голосом ответствовала Румянцева, и в этом ответе читалось простое «пошел вон!».

Немного потерявший свой гонор и слегка ощипанный, я пошел этажом ниже — в «Ленінську зміну». В кабинете отдела пропаганды сидел мрачный человек. «Дождитесь Елену Георгиевну», — отрезал он, когда я попытался всучить ему свою рукопись. А вскоре впорхнула и она воздушная...

Мрачный человек через 15 лет возглавит «Ленінську зміну», ставшую к тому времени газетой «Событие». Его зовут Женя Авергун и вчера мы с ним вкусно и весело отобедали. Елена Георгиевна уже 15 лет носит мою фамилию — Кеворкян — и сейчас, когда я пишу эти строки, возится с нашим сыном Арсением. Я слышу его восторженный вопль из соседней комнаты.

Статья вышла за подписью «К. Кеворкян, робітник» и вызвала определенный шум. В ней шла речь о нравах молодежной тусовки и уличных драках между неформальными группировками. Главный редактор «Лензміни» Вячеслав Новиков слыл либералом, поддерживал курс партии на гласность и перестройку, а потому иногда позволял себе подражать продвинутым московским изданиям. Вскоре статьи с дурацкой подписью «К. Кеворкян, робітник» посыпались, словно из рога изобилия. То автора возмущало название кинотеатра — «имени Жданова» — и он обличал сталинизм, то самозванный «рабочий» глубокомысленно рассуждал о «поколении дворников и сторожей».

Я продолжал работать свои сутки—трое, но впридачу к строительной каске у меня появился роскошный значок «пресса» и удостоверение внештатного корреспондента областной «молодежки». Я мечтал расстаться с каской и быть навсегда зачисленным в штат газеты. Что в скором времени мне и было обещано главным редактором.

Эпоха перестройки вздыбила целый пласт харьковской культуры — какие-то замшелые диссиденты, болтливые либералы, немытые неформалы и прочие сумасшедшие не обминули своим вниманием областную «молодежку». Особое участие журналистов вызывала судьба Степана Сапеляка — узника брежневских лагерей и поэта. Как украинского националиста его уже не сажали, но как диссидента еще отслеживали.

Даже не представляю, после какой бутылки я предложил Степану свою помощь в организации его авторского поэтического вечера. В разгар организационных хлопот меня вызвал главред. «Мне звони-

ли оттуда, — он выразительно воздел глаза к потолку, — если ты и дальше будешь заниматься этим Сапеляком и его концертом, я тебя уволю».

Подготовленный вечер Степана Сапеляка в ДК Учителя администрация отменила в последний момент, собравшиеся с цветами люди, громко высказывая свое недовольство, постепенно разошлись, из редакции меня уволили на следующий день.

После этого я видел Новикова и Сапеляка на 325-летии Покровского собора. Они мило болтали между собой по-украински и не обращали на меня ни малейшего внимания.

Однако, когда вместе со значком «пресса» с меня компетентные органы попытались сорвать и строительную каску, я не выдержал. Явившись в приемную КГБ, что на улице Дзержинского (сейчас Мироносицкая), я прямо спросил у дежурного: «Когда, наконец, прекратятся политические репрессии, в частности, кагебешная слежка за мной!»

— Как Ваша фамилия? — устало спросил меня усталый человек с незапоминающимся лицом.

— Кеворкян!— с вызовом ответил я, не сомневаясь в том, что этому человеку уж точно известны и моя фамилия, и моя внешность.

Незапоминающийся человек подвинул к себе какую-то амбарную книгу, задумчиво полистал ее:

— Нет, мы за Вами не следим.

Я вышел из приемной с чувством огромного облегчения. Наверное, я был у них уже десятым жалобщиком за этот день.

Человек, попавший в комсомольскую обойму, редко из нее выпадает, к тому же живописные «неформалы» вошли в моду. И хотя я так и не вступил в комсомол, однако очутился в Дирекции культурно-просветительских программ обкома комсомола. На строгий вопрос проверяющих московских и киевских комиссий: «Как у вас поставлена работа с неформальной молодежью?», — комсомольская толпа в белых рубашечках и галстуках расступилась, выпуская из своих недр меня — волосы до джинсов. Проверяющие, впечатленные увиденным, покачивали головами и одобрительно улыбались.

Официально я числился редактором пресс-центра «Вариант» обкома комсомола. Директором его был Володя Чапай — ныне серый кардинал нашего действующего губернатора. Тогда он еще мечтал о по-настоящему независимой молодежной прессе. И мы с ним помчались по различным уважаемым людям собирать подписи под соответствующим прошением. Первыми под письмом поставили свои подписи народные депутаты СССР — сумбурный Евгений Евтушенко и усталый Виталий Коротич.

Помнится, долго я не мог поймать ген. директора «Водоканалтреста» В. А. Петросова — то планерка, то совещание, то уехал, то

недосуг. Однако и я не сдавался. И вот, когда Валерий Альбертович, нежась на даче в лучах заходящего субботнего солнышка, дожаривал шашлыки, из кустов медленно появился я... В общем, скрылся я довольно быстро.

На память об этих беспокойных временах у меня хранится потрясающий по своей пронзительности документ эпохи первых кооперативов — торговый ценник с надписью «Пресс-центр «Вариант» Апельсины, 6 рублей за 1 кг».

Руководство дирекции культурно-просветительских программ ОК ЛКСМУ пересажали за экономические махинации. Уникальный случай для молодежной экономики того периода.

Вскоре меня пригласили на пост заместителя главного редактора первого в СССР независимого издания «Ориентир». Главным редактором был Александр Волосов, его заместителем, корреспондентом, верстальщиком, корректором — я. «Ориентир» выходил под девизом: «Лучше быть желтым, чем красным» и печатался в дружественной Эстонии, куда я летал почти каждую неделю самолетом Харьков—Таллинн и почти всегда голодный — Саша был скуповат на командировочные.

Наша газета ничего не боялась, была полна орфографических ошибок и постоянно провоцировала скандалы. Постепенно приличные люди начали меня побаиваться и сторониться — все, что они мне рассказывали, могло быть использовано против них. Рубрика «Светско-советская хроника», за которую я отвечал в «Ориентире», не щадила ни своих, ни чужих. Но читатели газету действительно любили и, по моему глубокому убеждению, такой газеты нашему городу до сих пор не хватает.

Больше, пожалуй, харьковчане любили только передачи студии АТВ—1, начавшей свое вещание осенью 1990 года — первое независимое телевидение Советского Союза. В Первой Столице Украины многое было первым.

Под предводительством Сергея Потимкова в бывшее помещение кагебистской глушилки на последнем этаже сталинского дома на улице Чернышевской вселилась удивительная компания. Ее можно охарактеризовать одним словом — «сброд», в исконном понимании, то есть «кто откуда». Улыбчивый Женя Бобков, неисправимо мрачные Леня Мачулин и Витя Фоменко, худенькая Ира Беккер... Съемки, споры и бутылки, бутылки.

Моя передача называлась «Вечерний разговор». Одна из них была посвящена страшной тайне четвертого квартала Лесопарка. Спустя несколько лет там установили памятник расстрелянным польским военнопленным. А пока здесь были заснеженный лес, замерзший оператор Сережа Бутырин, и разгоряченный воспоминаниями свидетель тех давних событий, кажется, его фамилия была Бримерберг. И удивитель-

ное ощущение рождающейся телевизионной сенсации. Да неизбежная расплата за удачу — меня поразил вирус телевидения. Весьма неприличная болезнь, я вам скажу. Моя газетная эпопея подходила к концу.

...Второй день августовского путча 1991 года. С разъяренным и бесстрашным Волосовым мы едем в Красноград, где тогда печатался «Ориентир» — делать экстренный номер газеты. Мама провожала меня, словно на битву — с гордостью и волнением за судьбу сына. «Ориентир» стал единственным изданием, вышедшим в Харькове в дни путча, с призывом оказать сопротивление гекачеписткой хунте. На площади Дзержинского за газетой выстроилась длинная очередь и наутро мы проснулись знаменитыми. Вернее, прославился Волосов, а я знаменитым был всегда...

В декабре 1991 года Советский Союз агонизировал. Скрючившись, я сидел за тесным столиком в телекомпании «Тонис — центр» и писал сценарий пилотного выпуска передачи «Первая Столица». Новый проект дразнил увлекательными перспективами — директор «Тониса» Владлен Литвиненко обещал зачислить меня в штат телекомпании...

Январь 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХАРЬКОВ

Ответственный за выпуск *Т. Г. Чередниченко*
Художник-оформитель *И. Е. Мисропян*
Компьютерная верстка: *В. Н. Амелин*
Корректор *И. Л. Дьяченко*

Книга издана при поддержке народного депутата Украины Михаила Добкина

Я коренной харьковчанин. Я люблю этот удивительный город, переживаю за его судьбу. К сожалению, многие годы наш Харьков подвергался систематическому унижению, многие талантливые люди вынуждены были покинуть его, так и не найдя применения своим талантам.

Именно против государственной политики подавления регионов, против систематического лишения права крупных центров Украины на творческую инициативу выступает Партия Регионов, которую я имею честь представлять.

Я верю в светлое будущее Харькова и убежден, что порукой тому является его великое прошлое и интересное настоящее. И еще одним кирпичиком в фундамент нашей духовности станет интереснейшая книга «Неизвестный Харьков».

Народный депутат Украины
Михаил Добкин.